

№ 12

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Лейла БЕГИМ. Ефим АБРАМОВ. Созвездие Гончих Псов. <i>Мелодрама</i>	3
Анна НЕМЕРОВСКАЯ. Детские годы чудесные... <i>Рассказ</i>	46
Яшар БУНЬЯД. Еще летают самолеты... <i>Рассказ</i>	76
Вюсал НУРУ. Ильда. <i>Рассказ</i>	81
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Новеллы</i>	95

ПОЭЗИЯ

Александр ГРИЧ. <i>Стихи</i>	27
Марат ШАФИЕВ. Подражание Руми. <i>Стихи</i>	58
Ханали КЕРИМЛИ. <i>Стихи</i>	86
Азэр ЭФЕНДИ. Тамлейн. <i>Баллада</i>	123

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ПОЛОВЕЦ. Три ипостаси Александра Грича	33
Мирза ИБРАГИМОВ. Четыре письма к Чингизу Гусейнову	65
Чингиз ГУСЕЙНОВ. Прошлое стучится в настоящее	67
Гусейн АДЫГЭЗАЛОВ. Поэт, чутко относящийся к слову	88
Елизавета КАСУМОВА. Поэт, писатель, драматург	91
Агаддин БАБАЕВ. Бастоны с женскими именами	128

2019

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 год

130

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,</i> Кымаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 18.11. 2019 г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.*

*В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

**ЛЕЙЛА БЕГИМ
ЕФИМ АБРАМОВ**

СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ

Мелодрама в 2-х действиях

Действующие лица

ТЕО – художник

АРИС – собака

МИЯ – поэтесса

МОЛЛИ – собака, подруга Ариса

КЕТ – бывшая девушка Тео

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Поздний осенний вечер. Небо усеяно звездами – читается созвездие Гончих Псов.

Присмотревшись, можно заметить, что звезды на мгновение гаснут и вновь загораются, словно перемигиваются. Удивительная тишина позднего вечера. Едва слышна далекая, приятная на слух мелодия. Светлый лик луны кажется настолько близким, что до него можно дотронуться. Появляется Тео. Ему 35 лет. Он художник. Тео кажется чуть уставшим. Лоскутом материи он вытирает кисти и задумчиво смотрит в зал.

**ТЕО. Словно с поводка спущено в ночь СЛОВО,
Только бы ДОГНАТЬ НАМ его... Хотя...**

Махнув рукой, хочет уйти, но его внимание привлекает изменившаяся мелодия – музыка начинает звучать странно, больше напоминая звук шофара в пустом помещении. Звезды на небе начинают медленно перемещаться, создавая необычные рисунки, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах . Одна за другой начинают падать звезды. Неожиданно возникший сильный порывистый ветер волнами вбрасывает на сцену осенние листья, беспорядочно кружа их в воздухе и бросая в растерянного Тео. Он пытается преодолеть силу ветра и уйти, но ему это не удается. Звук шофара, нарастающая музыка и усиливающийся ветер кружат осенние листья, создавая фантасмагорическую картину изменившейся в одну минуту погоды. Тео пытается преодолеть хотя бы несколько метров, но ветер сбивает его с ног, он падает, с трудом поднимается, пытается ухватиться за что-нибудь, но вокруг нет даже кустика. Он вновь падает. И вновь поднимается, с трудом держится на ногах, и в это время раздается оглушительный гром. Тяжелые свинцовые тучи накрывают небо, и свет гаснет. В темноте вновь гремит гром, сверкает молния, и мощные разряды электричества буквально разрезают некогда чистое небо. Начинается дождь. Медленно возникает свет. Мы видим улицу и переулок. Угол дома. Невзрачного. Блеклого. Серого. Небо пасмурное, сердитое, дождливое. Слышны дальние раскаты грома.

Остановка автобуса. В двух шагах от остановки сидит пёс – это Арис.

АРИС. Я стою здесь каждый день. В один и тот же час. Знаю, что задавать вопросы нет смысла, но я всё же хочу спросить... Ладно. Молчу. Делаю вид, что понимаю. Но не понимаю. И не могу понять. Почему? Почему не у ресторана, например? Или почему не у церкви? У синагоги, например, или у мечети? Почему?.. Молчу, молчу... Стою... Жду...

*На остановке появляются Тео и Кет – ей 27 лет. Молчат.
Кет то и дело зло и с раздражением поглядывает на Тео.*

ТЕО. Что ты на меня так смотришь?

КЕТ. Как?

ТЕО. С раздражением.

КЕТ. А как я должна на тебя смотреть? С восторгом? Я тебе уже третьью встречу организовываю, и никто ничего в твоих этих картинах понять не может. Никто. Я уже не говорю о себе. Понимаешь? Может, подумаешь, как писать, что писать, о чем писать... А что ты на меня смотришь?

ТЕО. Хочу понять.

КЕТ. Был один такой. Тоже хотел понять. Не понял и удавился...

ТЕО. Не надейся...

КЕТ (смеется). А какая разница? Есть ты, нет тебя?.. Господи, как мне надоели этот дождь, эта осень, этот паршивый город. Они же теперь надо мной смеяться будут. Показала художника, называется. Ладно. Пока. И не звони мне. Понял?(Уходит.)

ТЕО(замечает пса). Ты кто?

АРИС. Горный орёл! Глаза разуй!

ТЕО. Собака!

АРИС. Ну что ты! Голубь мира!..

ТЕО. Вроде кобель...

АРИС. Разглядел...

ТЕО. И как же тебя зовут, собака? Бобик?

АРИС. Сам ты Бобик.

ТЕО. Автобус ждешь?

АРИС. Метро!.. (*Тео смеется.*) Чего ржёшь?

ТЕО. Представил себе, как ты входишь в автобус, говоришь – проездной... (*Гремит гром. Начинается дождь.*) Пошел дождь, собака!

АРИС. Да что ты говоришь?!

Тео подставляет лицо дождю. Улыбается.

ТЕО. Ну, бывай, пёс. Я побежал.

АРИС.

**Вместе добежать нужен только повод.
Тянется незримо млечная стезя...**

ТЕО. Пока...

Убегает. Арис устремляется за ним.

Вновь гремит гром, дождь усиливается, и сцена погружается в темноту.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Тео входит в квартиру, обернувшись, держит дверь приоткрытой. Арис стоит у порога и вяло помахивает хвостом. Не входит. Тео пожимает плечами, прикрывает дверь, проходит в комнату, снимает плащ, бросает на спинку стула, осматривается,

заглядывает в стоящий на столе чайник – он оказывается пустым. Набирает в чайник воды, включает его. Вспомнив, возвращается к двери, поднимает оставленный здесь пакет с продуктами, достает свертки с едой, пару бутылок минеральной воды, бутылку водки и замечает исписанный лист бумаги.

Тео берет лист, вертит его в руках, читает.

ТЕО.

**Вместе добежать нужен только повод.
Тянется незримо млечная стезя...**

Чертовщина какая-то.

Он возвращается к двери и открывает её. Собака всё ещё стоит у порога. Взглянув на Тео, она опять виляет хвостом, затем переступает порог квартиры, подходит к столу и садится. Тео открывает один из свертков, берет кусочек колбасы, протягивает Арису. Арис отворачивается. Тео съедает колбасу сам и, вздохнув, относит продукты в холодильник. Арис тем временем осматривается. Квартира Тео одновременно и мастерская художника. Повсюду картины – написанные и незавершенные. Мольберт, этюдник, кисти, краски. Тео некоторое время смотрит на собаку.

ТЕО. И что ты за мной увязался? От колбасы отказался. Так что я ничего более вкусного тебе дать не могу. Со мной неинтересно...

АРИС. Поживём – увидим.

ТЕО. Я художник. Мои картины никого не интересуют.

АРИС. На что живешь?

ТЕО. Работаю ночным охранником. Присматриваю за игрушечной фабрикой.

АРИС. Воруют?

ТЕО. Конечно.

АРИС. Это святое.

ТЕО. Они говорят, ради детей – это святое. Кстати, я Тео. Запомнишь? А тебя как называть?

АРИС. Подумай. Вы же высшие существа. Самые разумные.

ТЕО. Начнем по алфавиту. Буква «а».

АРИС. Тепло.

ТЕО. Да? Какая же буква потом?

АРИС. Думай.

ТЕО. Бэ, ве, эр... Ар?

АРИС. Очень тепло...

ТЕО. Арчи? Нет? Не то? Арис? (Арис подходит к Тео, кладет голову ему на колено.) Значит, ты Арис. Бог войны.

АРИС. Бог войны у римлян, дурачок. А у евреев это – молчание. Оно означает начало и желание.

ТЕО. Красивое у тебя имя – Арис.

АРИС. Ты только послушай, как оно звучит полностью. Арис Арчибалльд Луи Бали Фергус Джой Арбар Дей.

ТЕО. Никогда не думал, что у меня будет собака.

АРИС. Еще неизвестно, кто у кого.

ТЕО. Странно это, правда, Арис? Остановка, на которой я никогда не был, случайная встреча...

АРИС. Случайных встреч не бывает.

ТЕО. Может, наша встреча не случайная, а? Она уверена, что я ей позвоню. А я не буду звонить. Я сейчас соберу её вещи и выставлю за дверь...

АРИС. Так она здесь жила? Понятно, я пошел... (*Арис направляется к выходу.*)
ТЕО. Ты куда?

АРИС (*возвращается*). Ладно, я пошутил. Собирай её вещи...

Тео поднимается, подходит к платяному шкафу, заглядывает на одну полку, на вторую, третью, достает какую-то женскую одежду, швыряет ее на пол, затем раскрывает створки. Женские вещи летят на пол. Он поднимает их, бросает на диван, садится, тяжело дышит. Обнаруживает рядом лист бумаги.

ТЕО. А это что? (*Читает.*)

**... ступаю я по млечному канату,
над городом раскачиваясь, и
тяну ладонь к мерцающей Венере...**

Ступаю я по млечному канату... Ты что-нибудь понимаешь? Странный день сегодня... (*Тео идет к окну, поворачивается к Арису.*) Ступаю я по Млечному Пути. Слышишь?

АРИС. Слышу. Млечный Путь – путь одиночек...

ТЕО. Млечный путь... (*Тео рассматривает свои картины. Переходит от одной картины к другой. Арис следует за ним.*) Ступаю я по Млечному Пути... Зачем всё это, если никто не понимает?

АРИС. Не теряй надежды...

ТЕО. Что?

Тео идет к секретеру с фотографиями, берет одну из них, вторую, швыряет в мусорное ведро, возвращается к столу, открывает бутылку водки, ищет стакан, не находит его на столе, идет к буфету, возвращается со стаканом, наливает до половины.

ТЕО. Ну, конечно. Млечный Путь не для всех. Верно, Арис?

Тео залпом выпивает, садится.

АРИС. Закуси, художник!

*Тео вяло ест колбасу. Отламывает от булки горбушку, но оставляет её.
Смотрит в никуда. В пустоту.*

АРИС. Не люблю драчунов. Выпьют сто граммов и начинают крови искать. И среди нас, собак, таких хватает. Этот вроде не похож...

*Тео наливает еще полстакана водки, выпивает, закуривает.
Включает телевизор. Звучат новости.*

АРИС. Вспомнил я одну кошку. Достала где-то пузырь валерьянки, нализалась и полезла на меня. Еле на ногах стоит, а прёт, кричит, мол, я тебя, Тузика, на куски порву! Я её схватил, говорю, дура, я тебе сейчас голову оторву, мало не покажется. А она орет. Я махнул рукой и ушел. Потом встретил её в проходном дворе. Стоит, голову опустила. Стыдно ей. Что скажешь? Прошёл мимо, и всё...

Тео выпивает ещё. По телевизору звучит музыка. Покачнувшись, Тео подходит к окну. Затем возвращается к мусорному ведру, достаёт фотографии, начинает разглядывать.

АРИС. Была у меня знакомая. Одинокая дама. Стихи сочиняла и читала мне. Больше было некому. Такая же неприкаянная...

**Когда осыпятся слова
С любимых фотоснимков пылью,
И мир, как старенький волан,
Закружит в воздухе уныло,
И пронесутся города
На мониторе синем в титрах,
Полётов кратких череда
Зависнет над бумагой в цифрах,
И я забуду навсегда
Всё, что не стало нашей былью...**

Это её. Уехала жить на Святую Землю.

Тео продолжает смотреть на фотографии.

ТЕО. Ты что-то сказал?

АРИС. Стихи...

ТЕО. Наверное, сказал. А я не расслышал (*Рвёт одну фотографию, вторую, третью. Бросает в ведро.*). И я забуду навсегда всё, что не стало нашей былью...

Он, медленно покачиваясь, идет к дивану, садится и, обхватив голову руками, плачет.

АРИС. Ты что, художник?

Он подходит к Тео, кладет голову на диван.

Тео протягивает руку, гладит Ариса по голове, продолжает плакать.

ТЕО. Ты думаешь, я из-за неё? Нет. Совсем. Я из-за себя. Мне 35 лет, понимаешь, 35, а что я сделал, чего добился, что у меня есть? Ничего. Эта конура на съём, бездарные картины, дешевая колбаса и хлеб, и всё. Всё! Нет друзей, нет никого. Я один, понимаешь, собака, один...

АРИС. Не надо, слышишь, пожалуйста! Ты уже не один...

Тео порывисто обнимает Ариса, плачет.

АРИС. Не плачь, художник. Мы все в этом мире одиноки, но мы вместе. Заснули ночь... Заснули ночь...

Арис всхлипывает и плачет вместе с Тео...

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Ночь. Та же комната. Арис лежит у стола, не спит.

АРИС. Заснули ночь... Заснули ночь...

Он поднимается, подходит к дивану, на котором спит Тео. Женские вещи лежат на стуле и в ногах спящего Тео. Посмотрев на Тео, Арис идет к окну, прижимается носом к стеклу.

АРИС. Вот ты и встретил очередное одиночество. Одиночество, отчаяние, боль, слёзы... (Арис возвращается к спящему Тео.) Я буду рядом, художник! Заскулила ночь, и ноябрь всплакнул. Да. Надо запомнить. Моросящий дождь прошибает воздух...

Тихо открывается дверь, и входит Кет. Она всматривается в темноту комнаты, которая едва освещена светом уличного фонаря. Кет видит спящего на диване Тео.

КЕТ. Ну, конечно, нажрался. Я это предвидела. Бесславный конец неудачника.

Арис рычит. Кет вздрагивает, оборачивается, испуганно вскрикивает и начинает пятиться к выходу. Арис становится перед дверью, не давая ей возможность уйти.

КЕТ. Ты кто?

АРИС. Не твоего ума дело. Забирай свои вещи и вали.

КЕТ. Я его девушка.

АРИС. Бывшая. Ты бросила его.

КЕТ. Правда, бывшая. Мне надо забрать свои вещи и уйти. Ты меня выпустишь?

АРИС. А на кой ты мне нужна?! Забирай и вали, сказал...

Арис отходит от двери, ложится у стола, отворачивается от Кет.
Кет облегченно вздыхает.

КЕТ. Ты умный, да?

АРИС. Не глупее тебя.

Кет идет к шкафу, ничего там не находит, замечает свои вещи в ногах Тео и на стуле.

КЕТ. Разбросал всё. Не дай Бог, испачкал. Разве так можно?

АРИС. Скажи спасибо, что он их не выкинул.

КЕТ. Спасибо, что не выбросил. Идиот!

Кет складывает вещи в небольшой чемодан, который она принесла с собой.

КЕТ. Это моё любимое платье. (Она прикладывает к себе платье, смотрит в зеркало, но ей плохо себя видно. Она включает свет.)

АРИС. Ты что, больная?!

КЕТ. Не умрёт, потерпит. (Она стоит у зеркала, примеряет одно платье, второе, третье, вскинув голову, торжествующе оглядывает себя.)

АРИС. Головка не отпадет?

КЕТ. Подбородок, плечи, грудь...

АРИС. Грудь? Что-то не вижу...

КЕТ (Арису). Подарок. Но не от него...

АРИС. От кого же?

КЕТ (с платьем подходит к спящему Тео, наклоняется к нему). Это подарок Фреда! Слышишь, дурачок? Фреда. Я с ним была всего два месяца, а сколько подарков, сколько нежности, внимания!.. Но...

Кет задирает подол платья, начинает поправлять чулки.

АРИС (отворачивается). Ни стыда, ни совести!..

КЕТ. А ты, что подарил мне ты? Одни обещания. И эти размалеванные картины. Хотя сейчас это уже не важно...

АРИС. А что важно? То, что ты его предала?

Кет подходит к спящему Тео.

КЕТ. Я всё же скажу. Ты дурак. Более того, неудачник. Я говорила тебе. Говорила сто раз! Надо всегда поддерживать хорошие отношения с теми, от кого зависит твоя судьба. (*Продолжает складывать в чемодан вещи.*) Надо было пригласить их в ресторан, оказать внимание его жене. Ты же видел, как она, жена этого миллионера, смотрела на тебя? Видел. Так улыбнулся бы ей. Сделал комплимент...

АРИС. Ты о чём?

КЕТ. А ты не понимаешь. Ты гордый. Ты не можешь лизнуть тогда, когда нужно. И туда, куда нужно.

АРИС. А ты лизнула? Прости меня Господи...

КЕТ. Да... Да, да, да. Я была с ним в ресторане. У нас была деловая встреча.

АРИС. Знаю я ваши деловые встречи.

Кет замечает на столе кусок колбасы, бросает перед Арисом на пол.

КЕТ. На...

АРИС. Я из рук предателей не ем.

КЕТ. Гордый, да? Тоже проекты вынашиваешь?

АРИС. Ты, кикимора ночная! Я – не он. Из-за такой саранчи, как ты, плакать не стану. Цапну за одно место, и покатишься отсюда ступени считать. Поняла?

КЕТ. Я поняла одно. Голыми чувствами съят не будешь. Понимаешь? Я хочу иметь семью, достаток, благополучие, деньги. Ясно? Так что оставайся со своими картинами и жди, когда рак на горе свистнет. (*Собрав, наконец, вещи, она закрывает чемодан, смотрит по сторонам – не забыла чего. Подходит к окну.*) Ненавижу эту погоду... Этот дом, эту квартиру. (*Арис приносит к её ногам домашнюю обувь.*) Ух, ты. Ты умный, да?

АРИС. Не глупее тебя. Бери свои шлепки и дуй...

КЕТ. Я где-то читала, что собаки всё понимают...

АРИС. И не только понимают... Иди уже...

КЕТ (*рассматривает домашнюю обувь, отбрасывает их в сторону*). Пусть своей дамочке оставит. Если она у него появится. На новые у него денег все равно не хватит. (*Подходит к столу, замечает исписанный лист бумаги, читает, отбрасывает в сторону.*) Господи! Неужели он стал и стихи писать?! Точно, больной на голову.

Взяв чемодан, она уходит. Арис берет её домашнюю обувь, выходит за дверь, оставляет их там и возвращается. Просыпается Тео.

ТЕО. Уже вечер?

АРИС. Ночь.

ТЕО (*смотрит на часы*). Ночь. Сколько же я спал?! (*Подходит к столу, пьет воду.*) Значит, была и ушла. И нет её. Понравилась?

АРИС. Кикимора. Даже хуже – саранча.

ТЕО (*замечает написанные стихи*). Опять стихи. Это не Кет, точно. Она просто не умеет.

АРИС. Это я написал.

ТЕО (*читает*).

**Моросящий дождь прошивает воздух,
Прислонила ночь мокрый нос к стеклу,
Подминая всё, как и листьев ворох...
Заскулила ночь, и ноябрь всплакнул...**

Ты, что ли, написал? (*Тео смеется. Гладит Ариса.*) Нос у тебя холодный. Порядок. Сейчас выйдем, погуляем. Погода классная.

АРИС. Давно пора.

ТЕО. А ты умный. По глазам вижу. И мне нравишься...

АРИС. Спасибо. Выходи уже. Весь день терплю...

ТЕО. Пошли...

Направляется к выходу. Арис идет следом. В дверях оба останавливаются.

ТЕО. Ну что, Арис? Будешь жить у меня?

АРИС. Может, договор еще подписать? Сил моих нет...

Арис убегает.

ТЕО. Терпел. Ждал. Молодец!..

ЭПИЗОД ЧЕТВЁРТЫЙ

Ночь. За окном льет дождь. В комнате тихо. Как и в предыдущей сцене, комната едва освещена светом уличного фонаря. Тео спит на диване. Арис спит у стола. Он то и дело вздрагивает во сне, тихо скрипит. Неожиданно в окне возникает яркий луч солнечного света. Откуда-то слышна музыка – играет оркестр. В луче света видим очаровательную сучку, кокетливую и привлекательную – это Молли.

Она с нежностью смотрит на спящего Ариса.

МОЛЛИ. Ждал. Терпел. Молодец!

Арис, вздрогнув, просыпается.

МОЛЛИ. Привет!

АРИС. Здравствуй!

МОЛЛИ. Ты ждал меня?

АРИС. Да.

МОЛЛИ. Давно?

АРИС. Всегда.

МОЛЛИ. Я пришла.

АРИС. Да.

МОЛЛИ. Что ты заладил – да, да...

АРИС. Ты сказала: жди, и я ждал...

МОЛЛИ. Ты всегда делаешь то, что тебе говорят?

АРИС. Да, то есть нет. Но ты сказала, и я ждал.

МОЛЛИ. Я тебе нравлюсь?

АРИС. Да.

МОЛЛИ. Какой ты смешной и глупый. Потанцуй со мной...

АРИС. Я не умею.

МОЛЛИ. Это умеют танцевать все собаки.

АРИС. А что это за музыка?

МОЛЛИ. Собачий вальс.

Они танцуют.

МОЛЛИ. Поцелуй меня.

АРИС. Но...

МОЛЛИ. Поцелуй...

Целуются.

МОЛЛИ. Ты хорошо целуешься.

АРИС. Все собаки хорошо целуются.

МОЛЛИ. Ты хочешь меня?

АРИС. Почему ты об этом спрашиваешь?

МОЛЛИ. Ты не ответил.

АРИС. Да. Очень.

МОЛЛИ. Пойдем.

АРИС. Зачем? У тебя есть другой.

МОЛЛИ. Был. Я его прогнала.

АРИС. Потом прогонишь меня?

МОЛЛИ. Не хочешь?

АРИС. Хочу.

МОЛЛИ. И я хочу. Я давно к тебе присматриваюсь. Ты хороший. Я хочу от тебя родить. Наши дети будут такими же красивыми, как и ты. Двухцветными, длинноухими. С такими же, как у тебя, мудрыми глазами. Ты красивый.

АРИС. Я самый обычный.

МОЛЛИ. Ты милый. И в тебе есть порода. Поцелуй меня еще раз.

АРИС. Ты же потом прогонишь меня.

МОЛЛИ (нетерпеливо). Поцелуй!

Страстно целуются. Музыка звучит всё громче.

АРИС. Я люблю тебя!

МОЛЛИ. Целуй!

АРИС. Я люблю тебя!

МОЛЛИ. Целуй меня!..

Вместе с музыкальными аккордами раздается гром. Луч света исчезает. Исчезает и Молли. За окном гроза, и шум дождя усиливается. Опять гремит гром, и Арис, вздрогнув, вскакивает. Просыпается и Тео.

АРИС. Надо же такому присниться.

ТЕО. Надо же такому присниться! А ты что вскочил? Испугался? Или приснилось что-то?

АРИС. Тебе не понять.

ТЕО. Мне всё равно не понять. Знаю. А мне девушка приснилась.

АРИС. Эта кикимора, что ли?

ТЕО. Нет, не Кет. Какая-то незнакомая. Странная, смешная. И цветная...

АРИС. Как это, цветная? Двухцветная, длинноухая?

ТЕО. Рыжая, с веснушками, в зеленом платье, красных туфлях и с белой сумочкой через плечо. Цветная вся и весёлая. Стихи пишет...

АРИС. Стихи?

ТЕО. Представляешь? Она смотрела на меня, улыбалась и читала стихи. Но я ничего не запомнил...

АРИС. Ты тупой?

ТЕО. Тупой, наверное. У меня точно что-то с головой. Ничего не запомнил. Только первую строчку...

АРИС. Какую?

ТЕО. Сейчас вспомню...

АРИС. Ну!..

ТЕО. Черт... Сейчас, сейчас... Вот. Вспомнил. Кому, как не тебе, врываться в мои ночи...

АРИС. Кому, как не тебе, врваться в мои ночи... А дальше?
ТЕО. Дальше не помню. Сны не запоминаются. Ты есть хочешь?
АРИС. Я бы не отказался.
ТЕО. Я очень хочу. Подойди ближе.

Тео стелет на полу скатерть, достает из холодильника еду, раскладывает её, садится и жестом приглашает Ариса. Он подходит, садится. Едят.

ТЕО. Что ты на меня так смотришь?
АРИС. Думаю.
ТЕО. Тебе Кет не понравилась, да?
АРИС. Вкус у тебя на женщин – никакой. Грудь – ноль, глаза пустые, фигурка никакая. Молли лучше.
ТЕО. Мне казалось, что она искренняя. Что есть душа, есть тайна...
АРИС. Вся её тайна – в барахле и на халяву.
ТЕО. Говорят, собаки чувствуют человека. Сразу видят, плохой он или хороший... Это правда?
АРИС. Правда.
ТЕО. Я читал об этом. Но не могу представить себе, как у вас это получается.
АРИС. Это кровь. Она дышит и говорит. Это не зависит от человека. Это зависит от Него. Он над всеми живыми существами... Потрогай землю, почувствуй запах дыма, почувствуй горячий воздух пустыни или своё дыхание на морозе... Запомни и сохрани в себе. И ты многому научишься. Ты сможешь...
ТЕО. Я, наверное, не смогу. (Удивленно.) Ты улыбаешься? Два дня назад мы даже не были знакомы... Ты вообще бездомный?
АРИС. Это длинная история...
ТЕО. На бездомного ты не похож.
АРИС. Ты поймешь, когда научишься понимать меня...
ТЕО. Сложно. Очень сложно понимать друг друга.
АРИС. Ты о нас?
ТЕО. Мне кажется, ты меня понимаешь, внимательно слушаешь, а она...
АРИС. Забудь.
ТЕО. Постараюсь забыть... О чем ты думаешь?
АРИС. Скажи мне. В двух разных реках может быть одинаковая вода?
ТЕО. Нет.
АРИС. Верно. Порой и в одной реке бывают разные течения. Так и люди. Особенно женщины. Они существа сложные... И вообще. Вы все сложные.
ТЕО. Странно, Арис. Ты со мной только два дня, а мне почему-то спокойно и...
Даже не знаю, как объяснить.
АРИС. А вам всегда спокойно рядом с нами. И не надо ничего объяснять...

Тео ложится на спину, положив руки за голову. Ложится и Арис.

ТЕО. Сон хочу вспомнить. Какой-то странный он был. И эти стихи на клочках бумаги. Ты видел?
АРИС. Видел. Может, это послание тебе. Намёк.
ТЕО. Интересно. Прямо как послание...
АРИС. Может быть...

*В наступившей тишине пронзительно звонит телефон.
Тео, вздрогнув, поднимается.*

АРИС. Ты ждешь звонка?

ТЕО. Мне никто не должен звонить. Ночь...

АРИС. Ответь.

Тео берет телефон.

ТЕО. Алло!.. Что? Вас не слышно... Что? Говорите громче...

За окном сверкает молния и гремит гром.

ТЕО. Кто говорит? Как? Что значит, кому, как не тебе? Не понимаю. Алло, алло!...

Медленно гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Такой же поздний осенний вечер, как и в начале первого действия.

На ночном небе выделяется созвездие Гончих Псов.

Звучит музыка – далёкая и знакомая – это музыка Молли. Появляется Арис.

АРИС.

Льётся в ночь нежность –
Струйками ливня, и мир
Тонет в пучине...

Он хочет уйти, но в это время появляется молодая женщина – рыжая, с веснушками, в зеленом платье, красных туфлях и с белой сумочкой через плечо – это Мия.

Ей 30 лет. У неё в руках зонт. Арис и Мия встречаются как старые знакомые.

Их внимание привлекает изменившаяся мелодия – музыка и знакомый нам звук шофара. Всё повторяется, как в самом начале нашей истории.

Звезды на небе начинают медленно перемещаться, создавая необычные рисунки, то увеличиваясь в размерах, то уменьшаясь. Одна за другой начинают падать звезды. Неожиданно возникший сильный порывистый ветер волнами вбрасывает на сцену осенние листья, беспорядочно кружит их в воздухе, бросая в растерянных Ариса и Мию. Они пытаются преодолеть силу ветра и уйти, но им это не удается. Звук шофара, нарастающая музыка и возрастающая сила ветра кружат осенние

листья и создают фантасмагорическую картину изменившейся в одну минуту погоды. Мия и Арис держатся за руки, но ветер разводит их в разные стороны. Они пытаются преодолеть силу ветра, пытаются идти навстречу друг другу, но ветер сбивает их с ног. Они падают, с трудом поднимаются, пытаются ухватиться за что-нибудь, но вокруг не за что ухватиться. Они пытаются дотянуться друг до друга, но у них не получается. Зонт взлетает и кружит в воздухе, куда-то летит сумочка.

Арису удается дойти до Мии. Обняв друг друга, они с трудом держатся на ногах. В это время раздается оглушительный гром. Тяжелые свинцовые тучи накрывают небо, и свет гаснет. В темноте вновь гремит гром, сверкает молния, и мощные разряды электричества буквально разрезают небо. Начинается дождь.

Наступает темнота, а затем медленно возникает свет, освещая квартиру Тео. Открывается дверь. Входит Арис, за ним, чуть настороженно и растерянно, входит Мия. Она закрывает зонт, осматривает комнату, задерживая взгляд на картинах.

МИЯ. Зачем ты меня привёл сюда? Он художник...

АРИС. Я не сказал, что он дворник.

МИЯ. Я пойду, пожалуй...

Арис опережает Милю и становится перед дверью.

МИЯ. Перестань. Ему это не понравится. Я не знаю, кто он. Мы не знакомы, понимаешь? Я хочу уйти...

Арис ещё плотнее придвигается к двери, полностью лишая её возможности уйти.

МИЯ. Ты не прав. Нельзя врываться в чужую квартиру и думать, что это нормально.

Оттолкнув дверью Ариса, входит Тео.

ТЕО. Это нормально? Я должен искать тебя по всему городу?

МИЯ. Здравствуйте!

ТЕО. Здравствуйте! (Удивленно смотрит на Милю.) Вы... Вы кто?

МИЯ. Я сейчас объясню.

АРИС. Да что тут объяснять? Ты разве не видишь?

МИЯ. Дело в том, что я знакома с вашей собакой...

ТЕО. Что значит, вы знакомы с моей собакой?

МИЯ. Господи! Что я говорю?..

ТЕО. Действительно.

МИЯ (вздохнув и выдохнув). Значит, так... Он меня случайно встретил... Одним словом, ваша собака привела меня сюда и...

ТЕО. На поводке?

АРИС. Дурак!

МИЯ (смеется). Почти. Мы с ним знакомы. Давно. Потом я уехала, то есть улетела на Святую Землю. Но вернулась и встретилась с вашей собакой.

ТЕО. Как интересно. А почему вернулись? Вы специально вернулись, чтобы встретиться с Арисом?

АРИС. Она вернулась, понимаешь?

МИЯ. Вы издеваетесь, да?

ТЕО. Вы сами так сказали.

МИЯ. Мне лучше уйти. Я не хотела, но он настаивал...

ТЕО. Арис?

МИЯ. Да.

ТЕО (Арису). Ты настаивал?

АРИС. Не ёрничай и помоги ей раздеться.

МИЯ. Он привёл меня к вам. Правда. Так получилось. Вы извините, мне действительно лучше уйти. У меня много подруг. Я уже звонила, договорилась.

Мия берет свою сумочку и идет к выходу. Тео берет со стола лист бумаги, читает.

ТЕО.

**... здесь южный ветер влажным языком
Зализывает по-щенячье раны...**

Вы забыли...

МИЯ. Что это?

ТЕО. Стихи.

МИЯ. Они не мои.
ТЕО. Не мог же он их написать...
АРИС. Как сказать...
МИЯ. Я где-то читала, что собаки рождаются поэтами. До свидания...
ТЕО. Я никогда об этом не слышал. У вас очень знакомое лицо. Мы с вами раньше не встречались?
МИЯ. Нет. Никогда.

Они смотрят друг другу в глаза.

ТЕО. Что вы так смотрите?..
МИЯ. У вас хорошие картины.
ТЕО. Что?
МИЯ. Они заставляют думать...

Мия открывает дверь, хочет уйти.

МИЯ. Вас, наверное, не всегда понимают, но нужно время.
ТЕО. Какое время?
МИЯ. Время понимания.
ТЕО (смеется). Какого понимания? О чём вы говорите? Да постойте же вы...

Тео решительно направляется к выходу, закрывает дверь, помогает Мие снять плащ.

ТЕО. Я знаю, что никакой подруги у вас нет, и никто вас не ждет.
МИЯ. Ждёт. Нет. Не ждёт.
ТЕО. Как вас зовут?
МИЯ. Мия.
ТЕО. Меня Тео. Его Арис.
АРИС. Ура!

Арис взволнованно кружит по комнате.

ТЕО. Объясните.
МИЯ. Есть времена войн. Есть времена мира. Есть времена веры. Сейчас времена вражды. Времена крови. Но обязательно наступит времена понимания.
ТЕО. Я не доживу.
МИЯ. Мы обязательно доживем. Надо верить. Надо своей верой и надеждой притягивать только хорошее. В ваших картинах есть надежда.
ТЕО. В какой именно?
МИЯ. В этой. Созвездие Гончих Псов.
ТЕО. Да...
АРИС. Да...
МИЯ. В ваших картинах есть желание понять.
ТЕО. Странно.
АРИС. Что странно? Она не ела сегодня...
ТЕО. Мне даже нечем вас угостить...
АРИС. А ты приготовь...
ТЕО. Я сейчас приготовлю.
МИЯ. Не беспокойтесь. Я всё же пойду. Я звонила знакомым, они меня ждут. Если я не приеду, они будут волноваться...

АРИС. Вот врунишка.

ТЕО. А мы им позвоним. Успокоим. Садитесь. Сейчас заглянем в холодильник и решим, что мы приготовим...

МИЯ. Извините, но я всё же пойду...

Она направляется к выходу, но в это время Арис вдруг отступается, с трудом удерживается на ногах, пытается идти, но его оставляют силы.

Он медленно оседает и, тяжело дыша, падает...

МИЯ. Что с ним?

ТЕО. Арис! Что с тобой?

МИЯ. Ему плохо.

ТЕО. У него горячий нос.

МИЯ. Сухой.

ТЕО. Эй, Арис, дружок, что с тобой?

АРИС. Мелочи жизни.

МИЯ. Он воду пил?

АРИС. Ох, как засутились.

ТЕО. Вот его вода.

МИЯ. Я хочу послушать пульс.

АРИС. Обязательно. Вдвоём. Ты на этой лапе, а ты на этой... Да!

Тео переносит Ариса на его коврик. Ставит рядом миску с водой, еду.

Мия и Тео устраиваются рядом. Мия гладит Ариса по голове.

ТЕО. Я не знаю, какой пульс должен быть у собаки.

МИЯ. Почти, как у нас.

ТЕО. Вы его давно знаете?

МИЯ. Он часто приходил ко мне. Сидел у порога и слушал мои стихи. Я их больше нигде не читала. Он, можно сказать, был моим единственным слушателем. Сейчас не время стихов. Однажды я даже посвятила ему стихи.

ТЕО. Какие?

МИЯ (читает).

**Печаль гуляет в городе дождя –
Усталая, осенняя красотка!
Скулит собака рядом – ждёт тебя.
Танцует ливень на зонтах чечётку.
Отрывки недописанных стихов
Тупой иглою подреберье колют,
А на холсте – мой силуэт, и вновь
Он мне напомнил о причине боли.
Строка бежит по прошлому пути,
Соединяя судьбы, как и звезды,
А гончий пёс с холста – любви нудист –
Людьми так и непризнанной породы...**

За окном с новой силой гремит гром и льёт дождь. Уличный фонарь, вздрагивая от порывов ветра, бросает в комнату светлые пятна надежды.

Тео и Мия сидят рядом с Арисом. Тихо слышна мелодия танца Молли и Ариса. Гаснет уличный фонарь, и голос Мии затихает...

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Ночь. Равномерный и однотонный шум дождя нарушается всполохами грозы, отчего комната на мгновение озаряется ярким светом, затем вновь погружается в сонную дрёму ночи. Мия сидит на полу, прислонившись к дивану.

Рядом расположился Арис. Тео стоит у окна.

ТЕО (повторяет стихотворные строки).

Отрывки недописанных стихов
Тупой иглою подреберье колют,
А на холсте — мой силуэт, и вновь
Он мне напомнил о причине боли.
Строка бежит по прошлому пути,
Соединяя судьбы, как и звезды...

Тео уходит.

МИЯ (Арису. Тихо, доверительно). Ты почему так нервничал? Думал, что я уйду?

АРИС. Да.

МИЯ. Мне некуда идти. Хотела, но...

АРИС. Ты чувствуешь то же, что я...

МИЯ. Я чувствую, что...

АРИС. Он тебе понравился, да?

МИЯ. Не знаю. Я боюсь...

АРИС. Оставайся. Я надеюсь, что мы сможем понять друг друга...

МИЯ. Я подумаю...

Появляется Тео с тонкой книжечкой в руке. Обнаруживает на столе записку.

ТЕО. Записку видели?

МИЯ. Какую записку?

ТЕО. Вот эту. (Читает.)

Она пленяет высотой
И взмахом крыльев сильных,
И жертвенной своей косой
На звездном небе синем...

Вы что-нибудь понимаете?

МИЯ. Нет... Хотя, может быть, вам хотят о чём-то напомнить?

ТЕО. О чём?

МИЯ. Стихи — это всегда что-то очень личное...

ТЕО. Напомнить о себе?—

МИЯ. Да.

ТЕО. Странно. Нам часто кажется, что мы знаем о себе всё, но это не так. На-ступает момент, когда начинаешь видеть себя совсем в другой ситуации, как в дру-гой жизни. Твоей, но другой... (Тео садится напротив Мии. Долго смотрит на неё.)

МИЯ. Что вы на меня так смотрите?

ТЕО. Несколько часов назад в моей жизни не было ни Ариса, ни вас. И мне ка-залось, что это и есть моя жизнь — мои картины, люди вокруг, работа по ночам, встречи, разговоры...

МИЯ. Разве не так?

ТЕО. Так. Но всё равно я жил своим одиночеством. Порой мне хотелось умереть. Понимаете? Всё это: и картины, и люди, – всё чужое, никто не слышал, не понимал, не смотрел в глаза. Но появился Арис. Появились вы и... Мне с вами уютно. Правда, внутри как-то тревожно. Как будто всё это происходит не со мной. Началось неожиданно и также неожиданно закончится...

МИЯ. Вы не хотите этого?

ТЕО. Не знаю. Пожалуй, нет.

МИЯ. Многое зависит от вас.

ТЕО. Наверное. Найти верное решение непросто. (*Кладет на пол книжечку.*)

МИЯ. Вы читали мои стихи?

ТЕО (*кивает*). Мне кажется, вы часто влюблялись?

МИЯ. Нет.

ТЕО. Нет – да, или нет – нет?

МИЯ. Нет – нет.

АРИС. Смени пластинку, художник...

ТЕО. У вас много стихов о любви.

МИЯ. Давайте о чем-нибудь другом.

ТЕО. Почему? Мне это показалось интересным. Стихи о любви, о надежде, о мечтах, о жертвенности... Вы романтик.

МИЯ. Я женщина. И это... А вы разве не влюблялись?

ТЕО. Теперь я понимаю, что нет.

МИЯ. Ваши картины говорят об обратном...

ТЕО. Мои картины – это попытка выразить надежду. Надежду на понимание, а не на любовь.

МИЯ. Любовь – это и есть понимание. Можно не произносить слово «любовь», но все равно будет понятно.

ТЕО. Например?

МИЯ. Человек может сказать. «Я вижу, ты устала. Поспи. Я буду рядом». И это тоже будет объяснением в любви. В ваших картинах нет откровенных признаний в любви, но любовь там есть. Я это чувствую.

ТЕО. Может быть. Но любовь – это прежде всего боль и страдание. Они и в ваших стихах. (*Тео открывает книгу, листает страницы, читает.*)

**Огарок боли на листе –
Горела молча...
Писала строки о тебе
Бессонной ночью...
К чему слова, когда порыв
Ветров озвучил
Осенний блюз – любви разрыв,
Сгоняя тучи...
Играет нам саксофонист,
Сдувая пепел,
Летят стихи со стоном вниз...
Ты мне не верил...**

МИЯ. Любовь – это встреча, за которой неминуемо расставание.

ТЕО. Извините...

МИЯ. Не извиняйтесь. Что вы хотели спросить?

ТЕО. Почему любовь почти всегда страдание, боль? Почему, когда говорят о любви, то говорят о жертвенности?

АРИС. Потому что любовь и есть жертвенность. Наша любовь к вам жертвенна. Разве ты этого не знаешь?

ТЕО. Я знаю, что собаки в своей любви к нам готовы пожертвовать собой. Но это собаки. Почему должен жертвовать и человек?

МИЯ. Вам не кажется, что такой жертвенности нам следует учиться у них?

ТЕО. Нет. Нельзя жертвовать собой, своей свободой ради любви к другому человеку. Человек должен быть свободен.

МИЯ. Свободен от чего? От самого себя? От своих чувств?

ТЕО. Да.

**Сладкий мёд вчерашних дней
Горкнет в межсезонье...
Ты сегодня будешь с ней,
Ветер тихо стонет.
Сколько смерено одежд
Правды и неправды...
Осень, золотом утешь,
Знак пошли в награду...
Плачет небо, нет Луны –
Облака прикрыли...
Звёзды тоже не видны...
Где ты, враг мой милый?**

Расставшись, вы искали с ним встречи?

МИЯ. Нет. Вы неверно истолковываете мои стихи. Я не искала с ним встречи.

ТЕО (после короткой паузы). Верю...

МИЯ. Вы хотите спросить об этом человеке?

ТЕО. Он меня не интересует.

Они смотрят друг другу в глаза.

АРИС. Да поцелуй же её, художник!

ТЕО. Он был женат?

МИЯ. Он женат. Я устала. Пойду, лягу. Извините меня...

Мия уходит. Тео некоторое время смотрит ей вслед.

АРИС. Что смотришь? Испортил всем настроение и доволен?

ТЕО. Кажется, я испортил ей настроение. Она его не разлюбила. А я, наверное... Ладно... Ты не собираешься спать?

АРИС. С вами уснешь, как же...

ТЕО. Арис!

АРИС. Что?

ТЕО. Только не разболтай.

АРИС. Она тебе понравилась, что ли?

ТЕО. Она мне нравится. Да. Одевается, правда, смешно...

АРИС. Почему смешно? Ты разбираешься в моде?

ТЕО. Я не разбираюсь в моде, но я немного разбираюсь в женщинах...

АРИС. Видел я, как ты разбираешься...

В это время появляется Мия – в ночной сорочке до пят, босиком.

МИЯ. Это не важно, разбираетесь вы в женщинах или не разбираетесь. Важно совсем другое...

Мия подходит к Тео, садится рядом, кончиками пальцев касается его щеки, подбородка, лба.

МИЯ. Просто никогда не обманывайте женщину. Особенно ту, которой дорожите. Никогда.

ТЕО. Я не умею...

МИЯ. А он умел. Он говорил, что не ладит с женой, что они частоссорятся, что близки к разводу, а потом я случайно, правда, случайно, увидела их вместе, увидела его рядом с ней, рядом с женой, которая беременна... Вы понимаете?

ТЕО. Да.

МИЯ. Вы хотите ещё о чём-то спросить?

ТЕО. Нет...

МИЯ. Спокойной ночи!

Мия еще раз касается кончиками пальцев его щеки и уходит.

ТЕО (Арису). Ты что-нибудь понял?..

АРИС (К Тео). Ты что-нибудь понял?

ТЕО. Ничего не понимаю, но я хочу, чтобы она осталась...

ЭПИЗОД СЕДЬМОЙ

Продолжение ночи. Шум дождя уже стих. Только ветер всё никак не угомонится – мечется на пустынных улицах и раскачивает редкие фонари. Свет из окна высвечивает Ариса – он не спит. Он всё ещё слышит музыку Молли – далёкую и тихую...

АРИС. Я тоже очень хотел, чтобы она осталась. Но обстоятельства порой оказываются сильнее нас. Вы слышите музыку? Это была её любимая музыка. Она хорошо танцевала. И наша встреча была не случайной. Наш выбор вообще не бывает случайным. Мы, собаки, знаем это и понимаем. Мы встречаем тех, кого рисуем в своем воображении. Тех, кого придумываем. Молли я задумывал всей своей жизнью. Она и её музыка. Они всегда будут со мной...

*Появляется Мия – босая и в ночной сорочке. Наливает в стакан воды, пьёт.
Видит Ариса.*

МИЯ. Почему не спишь?

АРИС. А ты почему не спишь?

МИЯ. Не получается.

АРИС. Ты думаешь о нём?

МИЯ. Мне кажется, я его знаю. И очень давно.

АРИС. Ты просто думала о таком человеке...

МИЯ. Наверное, воображение. Правда?

АРИС. Правда.

МИЯ. Кажется, ты меня понял.

АРИС. Не сомневайся.

МИЯ (смотрит в окно). Кого ты там высматриваешь? Мокрая улица и холодный ветер. Пойду спать. И ты спи, хорошая собака!..

Мия уходит. Арис продолжает смотреть в окно.

АРИС.

**Колючий ветер,
сырые тротуары,
встречают осень...**

ЭПИЗОД ВОСЬМОЙ

День следующего дня. Тео стоит у окна.

ТЕО.

**Колючий ветер,
сырые тротуары,
встречают осень...**

Вот и я встретил очередную свою осень...Бессмысленную и безнадежную...

Он подходит к картинам, рассматривает их, прикасается к ним...

ТЕО. Никому вы не нужны. Говорят, сейчас совсем другое время... (Он снимает со стены одну картину, вторую, отбрасывает в сторону, затем начинает их срывать и швырять на пол, сбрасывает кисти, краски, опрокидывает мольберт с недописанной картиной, пихает всё это ногами, быстро уходит и возвращается с веревкой.) К чёрту вас, на мусорку, потом и меня... К чёрту...

Входит Мия с покупками и Арис. Тео в это время, сложив картины, пытается их перевязать. Мия, поняв всё происходящее, бросается к Тео, старается удержать его и перехватить веревку. Арис уносит в сторонку картины.

МИЯ. Тео, я прошу вас, остановитесь! Что произошло, что случилось? Успокойтесь, пожалуйста!

Ей удается остановить Тео и усадить его за стол.

МИЯ. Расскажите, прошу вас!

ТЕО. Мне нечего вам рассказать. Нечего.

МИЯ. Вы ведь были на встрече.

ТЕО. Да...

МИЯ. А мы с Арисом сходили в магазин, купили еды, хорошего вина, хотели накрыть на стол и ждать вас... Так что же случилось? Объясните...

Подходит Арис, кладет голову ему на колено.

ТЕО. Да, была встреча. Они даже не смотрели картины. Краем глаза. Ухмыляясь. Мол, что это?

МИЯ. Что значит, что это?

ТЕО. Смазливая романтика, собака с человеческими глазами, космические восторги... Сейчас время жестокости и крови. Время крови. Так что вы были правы...

МИЯ. Они просто не понимают. Но мы найдем других.

ТЕО. Никого я больше искать не буду.

МИЯ. Как скажете, Тео. Никого и не надо искать. Давайте сейчас пообедаем, да? Мы с Арисом быстренько накроем на стол и пообедаем. Ладно? Мы мигом...

Мия достает продукты, выставляет на стол, ставит бутылку вина и бутылку водки, бокалы, расставляет приборы, открывает бутылку вина, разливает по бокалам.

МИЯ. Тео, пожалуйста, возьмите бокал.

АРИС. Возьми бокал, художник. Посмотри, какая она красивая.

Тео смотрит на Мию, которая стоит напротив, с бокалом в руке, улыбается.

ТЕО. Я помою руки.

Тео уходит. Миля поворачивается к Арису.

МИЯ. Как я выгляжу?

АРИС. Чудесно. Совсем, как Молли при нашей первой встрече.

МИЯ. Спасибо!

Возвращается Тео. Опять смотрит на Мию.

ТЕО. Вы хорошо выглядите. И этот цвет вам к лицу.

МИЯ. Спасибо.

АРИС. Она же специально для тебя надела это платье. Она же знает, что это твой любимый цвет.

ТЕО. Мне тридцать пять лет. И я ничего не сделал. Мои картины никого не интересуют. Поэтому... Не важно. Давайте действительно выпьем... (*Тео наливает себе водки, пьет.*)

МИЯ. Тео!..

ТЕО (*не слышит её*). Оказывается, сегодня не время любви, не время надежды, не время романтики...

МИЯ. Любви и надежде всегда есть время. И мы обязательно это докажем. Мы вместе подумаем, кому позвонить и с кем говорить...

ТЕО. Что значит вместе?

МИЯ. Вы, я и Арис!

ТЕО. Вы думаете, у вас получится?

МИЯ. Не у меня, а у нас. Я очень надеюсь. Любовь и работа – это и есть наша жизнь. Надо верить и идти...

ТЕО. Сколько?

МИЯ. Что сколько?

Тео ещё раз наливает себе водки, пьет.

ТЕО. Сколько идти?

АРИС. Иногда всю жизнь.

МИЯ. Иногда всю жизнь.

ТЕО. Всю жизнь? А потом умереть?

МИЯ. Ну почему умереть?!

ТЕО. А как?

МИЯ. Тео. Пожалуйста, давайте выпьем вместе, а то вы...

ТЕО. Извините...

МИЯ. Давайте выпьем, а потом вместе подумаем... У нас обязательно получится. Я верю!..

ТЕО. Ничего не получится. У меня не получается, и у вас не получилось... Так что... (*Протягивает к её бокалу свою рюмку с водкой, чокается и пьёт.*)

АРИС. Уже напивается... Не надо, Тео!

МИЯ. Почему вы так решили?

ТЕО. Разве у вас получилось? Исполнились ваши мечты? Сбылись ваши желания?

МИЯ. Некоторые сбылись...

ТЕО. Некоторые? Никакие. Если бы сбылись, вы бы никуда не уезжали и не искали новый дом в чужой стране, не пытались начать новую жизнь. А что в итоге? Ничего. Никакие мечты и никакие желания не сбылись. Ни у вас, ни у меня. И у нас ничего нет. Даже у него...

АРИС. Вот дурак. У меня есть вы...

МИЯ. Это не так, Тео. У меня есть Арис. Есть вы...

Тео машет рукой, наливает себе водки, пьет, садится за стол, что-то ест.

АРИС. Хоть бы к столу пригласил, что ли...

ТЕО. Ну что у вас сбылось? Что? Побывать на Святой Земле? И что? Что изменилось в вашей жизни? Что? Вы прикоснулись к камням, вдохнули воздух небес, прошли путь, который прошел Он, вошли в Храм, и что?

МИЯ. Этого не объяснить словами. Это то, что в душе.

ТЕО. Это ничего. Ни-че-го!.. Только слова...

МИЯ. Тео...

ТЕО. Садитесь за стол... И не вздумайте сказать, что вы тогда проснулись со стихотворной строкой...

Собака, которая ела, замирает.

АРИС. Она действительно проснулась со строкой.

МИЯ. Да, Тео, поверьте. Я проснулась тогда со строкой «Давай пройдемся по пути Любви...»

Тео опять наливает себе водки, хочет выпить.

ТЕО. И с кем же вы прошлись по пути Любви?

МИЯ. Я прошлась по пути всеобщей Любви с Ним... Его Любви к нам... Нашей Любви к Нему...

ТЕО. Как интересно.

АРИС. Зачем ты так?

МИЯ. Зачем вы так?

ТЕО. Как? Нормально. И вы, кажется, написали стихи.

МИЯ. Да.

ТЕО. Я видел. Вы не спали и что-то писали в телефоне...

МИЯ. Да. Я не спала.

Тео пьет. Мия сидит с бокалом в руке.

ТЕО. Так прочитайте. Я с удовольствием послушаю.

МИЯ. Тео, я очень хочу, чтобы у вас всё в жизни получилось. Всё, всё! Правда. Я буду помогать вам.

ТЕО. Одна уже пыталась помочь...

АРИС. Что ты несешь? Что ты болтаешь?

МИЯ. И кто же?

ТЕО. Это не важно. Прочитайте стихи. Пожалуйста...

МИЯ (оставляет бокал).

**Давай всё вспомним.
вереницы слов, скользящие вечерними лучами
вдоль улочек, спускающихся в ров,
где башня, возвышаясь величаво,
на нас смотрела,
проводя взглядом
к стене, в которой ключ от тайны спрятан...**
**Давай пройдемся по пути Любви,
несущей крест во имя воскресенья,
чтобы мулла, священник и раввин
тянули в унисон мотив весенний,
смывающий кровавые следы,
ведущие к подножию горы...**
**Давай коснемся камня
и в ладонь, как в амфору, все слезы соберем...**

*Кажется, что Мия вот-вот заплачет.
Она поднимается, берет с вешалки плащ и уходит.*

АРИС. Она ушла.

ТЕО (идёт к выходу, выглядывает на площадку). Мия! (Арису.) Куда она ушла?
АРИС. Ты у меня спрашиваешь?

ТЕО. Вернётся.

АРИС. Она не вернётся...

ТЕО. В такой дождь...

АРИС. Она не вернётся.

ТЕО. Чёрт! Что ты сидишь? Пошли искать!

АРИС. Сам иди.

ТЕО. Слышишь? Пошли...

Собака отворачивается и уходит в другой угол.

АРИС. Иди уже.

ТЕО. Ну, что ты на меня так смотришь? Я не думал её обижать... (Тео уходит.)

АРИС (стоит у окна). Поэтому надо прежде думать, а потом говорить. Это так просто. Я мог бы, конечно... Пусть сам. Если пошел искать, значит, будет стараться и найдёт... И всё же странный этот мир, мир людей. Порой сами не знают, что творят. Говорят одно, делают другое... (Арис ложится, закрывает глаза.) Он пошёл искать, а это важно...

ЭПИЗОД ДЕВЯТЫЙ

Ночь. За окном ливень. Открывается дверь, и Тео, держа за руку Мию, буквально насилино вводит её в квартиру. Они оба промокшие с головы до ног.

МИЯ. Тео! Я не останусь!

ТЕО. Мия! Я прошу вас! Пожалуйста, выслушайте меня. Вы появились здесь, и мне вдруг показалось, что вся моя прошлая жизнь, моя суeta, моя злость, мои поиски неизвестно чего – всё это ерунда. Не знаю, как, каким образом, но появились вы, появился Арис, да, да, не улыбайтесь, и моя эта убогая квартира ожила, обрела тепло и свет, и мне захотелось жить. Не уходите, пожалуйста! Мия!

МИЯ. Тео. Это вам только кажется. Вы сильный. Вы даже не знаете, какой вы сильный. Вы работайте, пишите, а все остальное придет...

ТЕО. Мия! Я прошу вас! (*Он обнимает её.*) Пожалуйста!

МИЯ. Прощаться всегда тяжело, Тео. Прочитаете потом, когда я уйду...

Она протягивает ему лист бумаги.

ТЕО. Не надо, пожалуйста!

С громким стуком распахивается окно. Сильный порыв ветра срывает из её руки лист бумаги, кружит по комнате. Летят и кружат осенние листья. Арис пытается поймать лист бумаги, но у него не получается. Дождь заливает всю комнату, сильный ветер сдвигает стол и стулья, срывает картины и заполняет собой все пространство. Гремит гром, сверкает молния, гаснет и зажигается свет. Тео, отброшенный к стене, тянет руки к Мие, но ветер и дождь кружат по комнате, не давая им троим встретиться. Далёкая музыка, звук шофара дополняют картину хаоса. Тео находит в себе силы схватиться за косяк двери и удержаться. Он пытается увидеть Мию и Ариса, но их нигде нет.

ТЕО (кричит). Мия! Мия! Услышь меня, услышь...

**Очень скучаю... очень.
Дождь барабанит с ночи,
ритм повторяя строчек.
Я так устал от них.
Очень скучаю... очень.
Ветер, ворвавшись ночью,
рвёт черновик мой в клочья.
Слышишь, люблю тебя, вихрь...**

*Раздается оглушительный гром, и голос Тео тонет в звуках ночи.
Наступает темнота.*

ЭПИЗОД ДЕСЯТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

*Поздний вечер. Небосклон усеян звездами. Автобусная остановка.
На скамейке сидит Тео. Он держит в руке лист бумаги.*

ТЕО (читает).

**Онемела... весна онемела...
Задохнулась вчерашняя ночь.
Так безжизненно было тело,
так бесстрастно скатилась прочь
по стеклу запоздалой каплей –
опустевшей в мгновенье души...
Мы чужими с тобой не стали.
Только ты меня больше не жди.**

Тео убирает в карман бумагу, хочет уйти, но в это время появляются Мия и Арис. Они, мельком глянув на Тео и не обращая на него внимания, садятся рядом. Тео, потрясенный такой неожиданной встречей, поворачивается к ним.

ТЕО. Мия? Здравствуйте, Мия!
МИЯ (удивленно). Вы со мной?
ТЕО. Ты... Вы не узнаете меня?
МИЯ. Извините, но мы не знакомы.
ТЕО. Как не знакомы? Разве вашу собаку зовут не Арис?
МИЯ. Нет. Его зовут Арчи.
ТЕО. А как же зовут вас?
МИЯ. Это не важно. Пойдем, Арчи!..
ТЕО. Постойте. Может быть, я и ошибся. Может быть, вы – это не вы, и он вовсе не он. Но я знаю вас. Вы были в моей жизни. Понимаете? Я художник.
МИЯ (улыбается). Как интересно. А я поэтесса.
ТЕО. Правда?! Вот и она писала стихи. И оставила мне эти. Вот, прочитайте.

Мия берет у него бумагу, вслух читает последние строки.

МИЯ.

**...Мы чужими с тобой не стали.
Только ты меня больше не жди.**

Какие печальные стихи. Вы её ждёте?

ТЕО. Да. И очень надеюсь, что она вернется. Вернется и Арис.
МИЯ. Конечно, надейтесь.

Она и собака спускаются в зал, идут к выходу. Тео идет за ними. Звезды на небе начинают менять очертания, плывут, соединяются, создают всевозможные фигуры.

Легкий ветер кружит на сцене осенние листья, зонт и сумочку Мии.

Слышна музыка – это мелодия Молли.

ТЕО. Понимаете. Я ночью написал новую картину, и мне предложили выставить её в Музее искусств.

МИЯ. Я рада за вас.

АРИС. Кажется, получилось.

ТЕО. Мне кажется, получилось передать настроение. Передать надежду и ожидание.

МИЯ. Как же вам это удалось?

ТЕО. Я написал её портрет. Ночь. Она сидит у окна. Лицо её едва освещено светом уличного фонаря. А в глубине, почти в темноте, моя собака. Арис. Они в моей жизни появились совершенно неожиданно и так же неожиданно исчезли.

МИЯ. И вы не знаете, где они?

ТЕО. Нет.

АРИС. Ты рассказывай, рассказывай и не отставай. Ей интересно.

МИЯ. Очень интересно.

ТЕО. Как вас зовут?..

Они покидают зал. Музыка звучит громче. Сцена погружается в темноту.

АЛЕКСАНДР ГРИЧ – 75

Член редколлегии нашего журнала Александр ГРИЧ – профессиональный литератор, автор ряда телефильмов, продюсер. Родился и жил в Баку. Был членом Союза писателей и Союза журналистов СССР.

С 1992 г. живет в Лос-Анджелесе.

В Москве стихи, статьи и переводы Александра Грича публиковались в периодике – журналах «Юность», «Дружба народов», «Литературное обозрение», в «Литературной газете», «Комсомольской правде», книги выходили в издательствах «Советский писатель», «Художественная литература». В Баку – в издательствах «Язычы», «Гянджлик».

Основные работы: книги «Такие дела»(1981), «Погода»(1986), «Через годы»(1989), «Один, Другой, Третий»(1992), «Окно в моём дому»(2004), «Осенняя остановка» (2011), «Рубаи» Хайяма Анакойхера» (переводы и вступительная статья А.Грича, 2016), «Вилла мертвого доктора», «Тень иракского снайпера», «Месседж от покойника» (М. «Эксмо», 2017), «Надейся и верь» («Неформат», Оттава, 2019), телевизионные фильмы «Неофициальный портрет президента» – 5 серий (1998), «Есть только миг...» (2000), «Жизнь, судьба, эпоха»(2010).

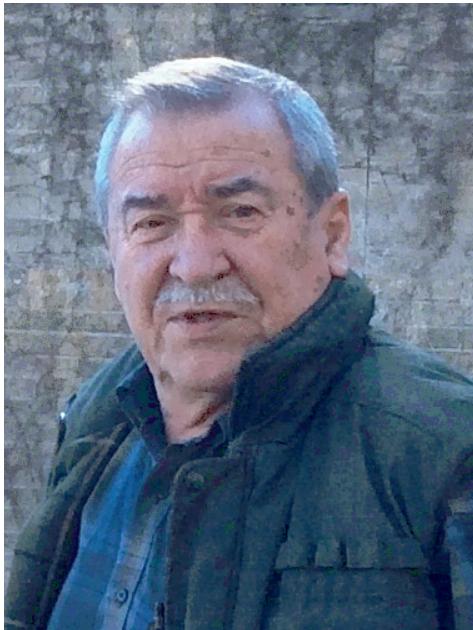
Автор и ведущий (совместно с Интигамом Гасымзаде) ежемесячного телевизионного литературного Альманаха «БАЯТЫ» (1980 – 1992, Баку)

Сотни публикаций в журналах и газетах Лос-Анджелеса, Москвы, Баку, телевизионных и радиопередач.

Живя в Лос-Анджелесе, Александр Грич занимал в разные годы ряд ключевых постов в калифорнийской русскоязычной масс-медиа.

Более десяти лет являлся вице-президентом и CEO Всеамериканского Культурного Фонда Б.Окуджавы. Премии этого Фонда удостоены, в частности, М.Шемякин, А.Городницкий, Е.Евтушенко, Б.Ахмадулина, А.Гладилин, О.Видов. Много лет А.Грич вел по телевидению популярные передачи «Факты и комментарии», «Рядом с нами».

Автор и продюсер интернет-журнала «Далекое-близкое»

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Всего-то

Когда взойдете вы на пьедесталы, –
Все те, кто к ним сегодня держит путь, –
Весьма возможно, что и я устало
Присяду на скамейку отдохнуть

**Перед одним из этих монументов...
Вглядусь в металла отблеск дождевой
И, грешен, сквозь торжественность момента
Подумаю: а я еще живой.**

**А там – не будет и меня. Всего-то!
Уйду от глаз, которых так боюсь.
Вернусь – травою? Ласточки полетом?..
Всего вернее, вовсе не вернусь.**

**Чего уж там искать путей из бездны,
Когда прожито все, чем дорожил.
Прекрасно знать, что чучелом железным
Я не вернусь туда, где прежде жил,**

**Стихи писал. На пляжи ездил летом.
Не очень торопил свои года.
Да просто жил! Не так уж мало это,
Как, может быть, казалось иногда.**

Как хорошо

(из Фикрета Годжа)

**Как хорошо, что мы пришли с рассветом,
И что назад во тьму уходим снова.
Когда бы нас не ожидало это,
Наш путь земной лишился бы основы.**

**Как хорошо, что весны есть и зимы,
А мы не знаем времени границы,
И что един наш мир необозримый:
Под нами – рыбы, а над нами – птицы.**

**Как хорошо, что небу улыбнемся,
Что поглядим, как ветер волны множит,
Что мы в конце концов к земле вернемся,
Или она вернется к нам, быть может...**

**Ах, кто кому принадлежит – не важно,
Мы зря об этом непрестанно судим,
Ведь все, что человек вершит отважно,
Останется равно – земле и людям.**

**Мы ищем в прошлом завтраших ответов,
Мы в новый день спешим, к иным пределам.
Как хорошо, что есть на свете белом
Грядущее... Хотя и странно это.**

Мотив

**Я верю: небосвод хрустalen и высок,
и Млечный Путь висит на нем, как полог.
К ногам твоим звезда упала на песок –
живой и теплой вечности осколок.**

**И звездные лучи, и шорохи ветвей,
и на волне дрожащий след светила
в мелодию слились – и не умолкнуть ей,
покуда ты меня не разлюбила.**

**Немыслимый напев,неси меня, кружи,
напоминай о том, что век не прожит...
Не занимаюсь я спасением души,
а вот душа меня спасёт, быть может.**

* * *

**Был у меня такой тяжелый год,
Когда зима кривила скучой рот,
И я к своим друзьям забыл дороги.**

**Взошла весной щербатая трава,
Жизнь утверждала, что всегда права.
А я не верил – подбивал итоги.**

**И лета беззастенчивого дни
В горячей душной площадной тени
Считал, считал – их оставалось мало.**

**Деревья стали желтыми на треть...
В ту осень жил я, чтоб не умереть.
На большее меня недоставало.**

**А для других я жил. Ходил на корт,
Шутил. Давал советы. И на борт
Взбирался в три прыжка. И пил умело.**

**А скольким я в ту пору услужил –
Когда не жил, а делал вид, что жил –
И вспомнить страшно. Вот такое дело.**

* * *

**В старом фильме «Не горюй»
Жизнью смешанные краски –
Свадьбы, похороны, пляски
И дуэль, и поцелуй.**

**Кровь – ручьем, вино – рекой,
И лохмотья, и наряды...
Будто жизнь окинул взглядом:
Я ее не знал такой.**

**После кое-что постиг,
А тогда был глуп и молод.
Но доныне помню холод –
Уходил седой старик**

**От веселия – в провал,
В черноту – и нет возврата...
Ох, как это было снято!
Понял, хоть не понимал,**

**Хоть не знал, что суждено
Оказаться у предела.
...Рядом женщина сидела,
Это было так давно.**

**Шел веселый фильм тогда,
Кажется, в начале лета...
Той, сидевшей рядом, нету.
И не будет никогда.**

**Не оглянешься назад –
Больно все. Но почему-то
Тянет в тихие минуты
В тот вечерний темный зал.**

**Там звучанье винных струй,
И загадочное пенье,
И девиз, предошущенье,
Назиданье – не горюй!**

Комендантовский час

**Опустели проспекты и трассы,
Никого, ничего, ни черта...
Тишина комендантского часа,
Ты другой тишине не чета.**

**Тишина генеральского ранга,
Что чиста, будто санпропускник...
Лязгнут зубы железные танка,
Ржавый ветер под дулами сник.**

**Сиротливые жмутся вагоны.
Оцепление. Прожектора луч.
Светят звезды, как будто с погона,
Сквозь суконце шинельное туч,**

**Да спешит одинокая сука,
Твердо зная: не спросят, куда.
Такова наша с прошлым разлука –
И разлука уже навсегда.**

**В тишине комендантского часа
В КПП – или как? В проходной? –
Ты со мной, лейтенантом запаса,
Попрощаешься, город родной.**

**Деловито билеты пометишь
(Слышиу сердца паскудную дрожь).
Ты, по сути, меня не заметишь,
Ты вполне без меня проживешь.**

**Не ропщу. Ни о чем не жалею,
Жизнь минувшую благодаря.
Тем светлее мне, тем тяжелее,
Что любовь неизменна моя.**

**Знать, она и останется в силе
Там, где я не хозяин, а гость...
А о прочем меня не просили,
Слава Богу, не бросили кость.**

**Город мой, ты уже за спиной!
Горе – мне, а тебе – не беда.
Но таким, как бывал ты со мною,
Ты не станешь уже никогда.**

**Вспомню в шуме иного прибоя,
Где придется свой век вековать,
Что таким, как бывал я с тобою,
Мне уже никогда не бывать.**

**...Запах прелый, тяжелый, солдатский
И отсутствие прочих примет...
В пять окончится час комендантский,
И на улицу выйдет рассвет**

Итак...

(Вступление к ненаписанной поэме)

**Итак, над побережьем ночь немая,
И дело в октябре, а может, в мае,
Когда роса глухая каплет с крыш
И кажется, что жизнь так много значит...
Сезон закончен или же не начат,
И клочья то ль газет, то ли афиш
По солнному асфальту так небрежно
Ползут, про день напоминая грешный,**

И ты не знаешь, бодрствуешь иль спиши.
Но нет – не спиши. Точней, заснуть не можешь.
И снова ты в себе сомненья множишь,
Рассматривая жизнь, что прожита
Так невозвратно и неотвратимо.
В ней было всё, и всё промчалось мимо.
А вот теперь виднеется черта –
Та, за которой лгать уже не станешь,
И ни себя, ни прочих не обманешь:
Попробуй-ка – не выйдет ни черта.

Все это так. И кто же спорит, право,
И кто захочет мудрствовать лукаво,
Тебе твердя, что все идет на лад?
Ползут и шелестят бумаги клочья...
Обманет день. А ночью, только ночью,
Мы знаем всё, кто прав, кто виноват.
Когда сквозь тьму не проникаешь взглядом,
Но прошлое и будущее – рядом,
Вон – за плечами у тебя стоят.

И в будущем всё имена, всё лица,
Оно двоится или же троится,
Тебя пугает, манит и зовет.
А в прошлом – только тени, только тени
Людей, деревьев, волн или растений.
Но прошлое ешё в тебе живет,
Ты в нем и любишь, и страдаешь ложно,
Но истинно... Поскольку невозможно
Иначе повернуть событий ход.

С ночного моря теплый ветер веет,
И ты не знаешь, что в тебе живее,
Минувшее ли, нынешнее? Но
Вот этих волн безудержная пляска,
И отсвет маяка, и ветра ласка –
Не более, чем старое кино:
Вот так мы и влюбляемся обычно
Во все, что подготовлено, привычно
И, стало быть, известно нам давно.

Ах, связь времен! Успел поставить точку –
И вот уж в прошлом нынешняя строчка.
Еще одну успеешь перенесть
В стихи – как птицу выловить из стаи –
А вот уж в прошлом и она. Листаю
Страницы... Все ль вы прошлые? Бог весть!
Так время пропускает нас сквозь сито.
Но не тверди, что прошлое забыто:
На самом деле лишь оно и есть.

АЛЕКСАНДР ПОЛОВЕЦ

ТРИ ИПОСТАСИ АЛЕКСАНДРА ГРИЧА, или НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

ВСТУПЛЕНИЕ

Почему он так редко говорит о литературе?... – спрашиваю я. – Но ведь правда – почему Александр Грич за многие годы, что мы провели с ним под одной крышей в редакции «Панорамы», никогда и ни разу не назвал себя поэтом или просто литератором?

Так, произносил он иногда общие слова о своей доиммиграционной службе, из которых следовало, что работал он на телевидении, в газетах. Иногда вспоминал между прочим и о том, что он – автор ряда сценариев к фильмам и их продюсер, о том, что был членом Союза писателей и Союза журналистов СССР, печатался в журналах «Юность», «Дружба народов», «Литературное обозрение», в «Литературной газете», в «Комсомольской правде». И что во многих столичных издательствах выходили его книги... И значит – профессиональный литератор. Но эта тема, повторю, была у него как-то всегда на дальнем плане.

Саша всегда работал, и работал много. Но сегодня, рассказывая о нем, уместно, показалось мне, позаимствовать заголовок «Не хлебом единым» у Дудинцева, так назвавшего свой роман, наделавший в свое время немало шума в кругах советской интеллигенции. Хотя, собственно, советской по-настоящему она никогда и не была: подсоветская – да, и только 90-е годы ушедшего века вернули ей основания и право называться – российская, это после семи десятков лет, пытавшихся отобрать у нее не только голос, но и неисчислимые жизни.

Значит, всё же российская – да, конечно! – при том, что национальность и ве-роисповедование у тех, кто может быть к ней отнесен, рознятся. И это, как ни к кому, относится к Александру Гричу, рожденному в Азербайджане и хорошо знающему азербайджанскую культуру – еврею по отцу и русскому по матери, говорящему, пи-шущему и думающему по-русски. Сегодня я прошу Сашу рассказать о том, что не по-пало в его книги, с которыми я знаком, и не стало темой наших с ним разговоров.

Ну а почему, всё же «не хлебом единым»? Да потому, что он, при всех своих ипостасях, при всех должностях, какие ему приходилось занимать, и при всех видах работы, которую ему досталось выполнять, порой далекой от творческой – до им-миграции и после – он продолжал писать. А однажды случилось, вспоминаем мы се-годня, и такое: его пригласили делать фильм о тогдашнем президенте Азербайджана. И ведь, наверное, не случайно – именно его?

НА ПОРОГЕ

– Саша, – спрашиваю, когда мы наконец собрались записать одну из наших бесед «по душам» на диктофон, – если бы не «Панорама», как могла бы сложиться ваша судьба в Штатах?

Я стараюсь не перебивать его рассказ:

– Приехали мы в Штаты в 92-м году, и как-то раз один из моих новых знакомых предложил: «Хочешь, я тебя познакомлю с Половцем?». О «Панораме» я знал ещё в Баку, слышал о ней, как об издании достойном и популярном, только и в мыслях не было, что я действительно буду когда-нибудь в ней работать. Говорят, висит где-то такой колокол, в который, согласно легенде, можно позвонить, чтобы исполнилось загаданное желание. И рядом – объявленыице: «Трижды подумай, прежде чем загадать желание, потому что оно может исполниться»... Не было у меня случая позвонить в этот колокол, но, что касается «Панорамы», у меня действительно произошла реализация того, о чём я мог думать прежде как о невыполнимом.

И вот после нашего знакомства я оказался на месте помощника главного редактора, о чём, честно говоря, тогда, в Баку, и мечтать не мог. Друзья помогли... Мои друзья вообще сыграли и играют поныне в моей жизни большую роль, – с этого Саша начал свой рассказ...

А ДО ТОГО...

– Вернемся чуть позже к разговору о моих друзьях, без которых меня сегодняшнего просто не было бы... Начнем традиционно – конечно, родители, семья наша – это они, прежде всего и в первую очередь, определили мой жизненный путь. Я бы ими так же гордился, если бы они и не занимали высоких должностей, и если не имели бы высоких наград...

Отец – военный врач, видный организатор медицинской службы в Закавказье – во время войны командовал всеми госпиталями в Азербайджане и в Дагестане... И представьте себе: его не стало в 59 лет, в два дня: врачи в Питере прозевали перитонит после операции – беда... А мама была начальником главка в Министерстве нефтепереработки и нефтехимии. Не забудем, что в войну каждый 2-й советский самолет, танк, самоходка шли в бой на азербайджанском горючем. Мама работала в те годы почти круглосуточно, включая иочные вахты, она весила тогда всего 42 килограмма...

Баку немцы не бомбили: Гитлер его берег для себя – так, один-два раза пролетали самолеты-разведчики. Я же появился на свет тогда, когда стало ясно, что приближается победа...

Еще о себе? Моя первая жена Инна умерла совсем молодой, была она журналистка незаурядная, наш с ней сын Роман живет в Израиле, он видный политолог, телеведущий, я им горжусь! У него замечательная жена Ариша, красавица дочь Алиска, а родилась еще одна дочь, и ей дали по наследству имя Инна... Род наш продолжается. Вторая моя жена, Людмила, – филолог, она работала вместе со мной в Союзе писателей Азербайджана, в Литературном фонде. Она – способный администратор, ведь Литфонд был крупной организацией, имевшей всё – от писательской поликлиники до права давать бесплатные творческие командировки в любой конец Союза. Люда писала прозу, которую переводили на азербайджанский и армянский языки... И вот в какой-то момент мы всё бросили и оказались в Америке. С двумя детьми: сыном Яковом и дочкой Лалой – она теперь отличный психотерапевт, от больных, желающих у нее лечиться, отбоя нет. У нее хорошая семья – муж Юра, успешный юрист, и чудная наша здешняя внучка Надия. Младший наш сын Яков – или Джек по-американски, превосходный специалист в компьютерном деле, выработался в хорошего менеджера в американской компании. Ему уже за 30.

ПОЧЕМУ – БАЙРОН, ХЛЕБНИКОВ И ДР...

– В прочитанных мною ваших заметках-воспоминаниях, – продолжаю я, – юный Саша Грич покупает только что вышедший сборничек Хлебникова. Не популярного тогда Симонова, например, или Долматовского. И там же, в заметках, написано, что Саша с 14 лет переводил на русский Байрона, не правда ли, хороший вопрос – почему?...

– У Симонова, безусловно, есть своё место в русской поэзии, какие-то его стихи я помню. Но не более того. Долматовский? Это не для меня. А насчет переводов – у меня была замечательная учительница английского языка Бронислава Борисовна Янкелевич. Ее муж служил в свое время управляющим нефтяными промыслами, а сама она была такая благообразная седая женщина с голубыми глазами, а на полу в ее квартире лежала шкура барса с оскаленной клыкастой пастью и стеклянными глазами... – до сих пор помню.

Жила она тогда, после уплотнения, уединённо, в одной комнате – там не было случайных вещей, каждая была если не антикварная, то что-то вроде того. Мои родители отдали меня учить английский к Брониславе Борисовне – у неё был прекрасный язык, британский, конечно, не американский, и она пыталась меня ему научить, – а я не хотел заниматься! Бронислава Борисовна мне говорила: «Саша, я в отчаянии: деньги твоих родителей жгут мне руки, я не могу их принимать – ты же ничего не делаешь!».

– Совсем как у меня в рассказе об Анне Семеновне! – поразился я, перебивая его.

– Ну да! – улыбается Саша, – видимо, уже тогда я не очень любил обязаловку. И вот вдруг... У Брониславы Борисовны была старинная книга – сборник поэзии, и она предложила мне: – Хочешь почитать её? Вот, выучи какой-то кусочек из стихов. А перевести его с английского на русский сможешь? – и я перевел. И потом – ещё и ещё... Сначала всё было у нас в учебных целях, но это оказалось таким замечательным занятием, когда сначала учишь стихи на английском языке, потом их переводишь. Постепенно это стало стимулом к переводам английской поэзии на русский... В итоге в газете «Молодежь Азербайджана» взяли мои переводы с английского... А переводы были такие: «В горах мое сердце» Бернса и «Вечер» Шелли... И меня напечатали! Тогда я учился в 9-м классе.

(Мы помолчали.)

– А когда пришли свои стихи?

Улыбаясь, Саша вспоминает:

– У нас была большая, по советским понятиям, квартира. Там собирались друзья старшего брата Вячеслава. Он был блистательным химиком, в 30 лет защитил докторскую, в США работал директором компании в Силиконовой долине. Там, в Сан-Матео, и сейчас живут его жена Ира и сын Сергей. Славы, к несчастью, уже нет в живых... А тогда, в молодости, у него в комнате было шумно. Пели, читали стихи, а я, лёжа за перегородкой, их слушал. Так я выучил стихи Гумилева: «Послушай... дальше, на озере Чад! Изысканный бродит жираф...» и ещё многое.

Наверное, это был первый толчок... И о песнях – отдельно. Когда я был совсем маленьким, по утрам, каждое воскресенье, мы с мамой подолгу пели песни. У меня ни голоса, ни слуха особого... Но с тех пор чуть не все советские песни, начиная от песен гражданской войны, я знаю наизусть. До сих пор, когда мы начинаем петь в хорошей застольной компании, на меня смотрят, как на ненормального: ну, можно знать один куплет, можно знать строчку-другую, но всю песню «Мы красная кавалерия и

про нас..»...

И тут Саша действительно напевает один куплет за другим! Я подхватываю тему: «Взвейтесь кострами, синие ночи!..». Мы оба смеемся – ну, действительно, зачем всё это помнить до последней строчки? Так ведь память сама хранит, ничего не сделаешь...

– Ну хорошо, а почему всё же Хлебников, а не Симонов или Долматовский, например? – возвращается Саша к моему вопросу. – Для меня разница всегда была очевидной. Помню, через годы меня послали брать интервью у Евгения Винокурова от газеты, название которой вызывало, да и сейчас вызывает однозначную реакцию – и по ту сторону границы, и по эту – газета называлась «Вышка», орган ЦК компартии Азербайджана. Но ассоциировалось у советских людей это название в большей степени не с нефтяной вышкой, а с высшей мерой наказания, иначе говоря – с расстрелом. Сильны, сильны в нашей жизни криминальные ассоциации. Обратите внимание, кстати, что и в нашей иммиграции не принято говорить «садитесь» – всегда говорят «присаживайтесь», люди воспринимают сей глагол однозначно. И это тоже – память.

Так вот, Евгений Винокуров, когда я на одной писательской встрече к нему пошел, пытался уклониться от беседы: – «Ну что вы со мной будете разговаривать, вот там Доризо стоит, интервьюируйте его!» Неохота было замечательному поэту общаться с газетчиком... Но для меня разница между Винокуровым и Доризо была абсолютно ясна. И не просите для читателей подробностей – какая разница и почему. Кто понимает, что я имею в виду, тот поймет, а кто не понимает – благополучно проживет и без этого. Справедливости ради отмечу: Доризо написал замечательные песни, которые пережили его и, наверное, всех нас переживут.

Но Доризо – одна ипостась, а Винокуров – другая, Хлебников – третья. А Долматовский из абсолютно иной «весовой категории», если уж выражаться по-спортивному.

С Винокуровым тогда мне всё же удалось поговорить, и я этому рад – больше нам встретиться не довелось. А Хлебников... Тогда в Малой библиотеке поэта вышла его книжечка. Я ее как сейчас вижу: бежевого цвета, шершавый переплет, и я знал, что должен её купить.

– Сможете и Хлебникова процитировать? – не успокаиваюсь я.

– Пожалуйста: «*O, рассмейтесь, смехачи!/O, засмейтесь, смехачи!.. /Что смеются смехами, что смеяնствуют смеяльно, /O, засмейтесь усмеяльно!*»

Меня в моём сегодняшнем собеседнике не первый год поражает: какое ни начни читать стихотворение, порой самого малоизвестного поэта, или, к слову, произнесешь строчку из старинного романса, – он тут же, не задумываясь, продолжит текст дословно, совершенно точно воспроизводя мелодию.

– Хлебникова ведь тогда только-только начали издавать... – продолжает Саша.

– А того же Гумилева вовсе не издавали... Тогда всё было построено на противоборстве: разрешено-запрещено. И то, что было запрещено, привлекало вдвойне. Те, кто запрещал, обладали отменным вкусом: дерзко не запрещали никогда.

И Саша снова цитирует Гумилева: «*Старый бродяга в Аддис-Абебе, покоривший многие племена, прислал ко мне черного кольеносца с приветом, составленным из моих стихов...*» – и размышляет:

– Вся настоящая литература в шестидесятые годы строилась на противостоянии официальной и новой поэзии и прозы. Помните, молодые поэты-шестидесятники собирали стадионы – никогда в России не было такого... – и, помолчав, добавляет, – и никогда, наверное, уже не будет... Повторяю, – вся литература, которую мы чи-

тали, была основана на противостоянии двух противоборствующих лагерей: «Нового мира» – в нём были Твардовский и Локшин, с одной стороны, и «Октября» с Кочетовым – с другой; «Юности», которую начинал Катаев и продолжал Полевой, с одной стороны, и «Молодой гвардии» – с другой.

Вот и было всё на этом построено, и когда ты что-то писал и сдавал в печать, ты уже думал – а что тебе скажет Главлит (*управление по охране государственных тайн в печати, цензура, проще говоря*), что тебе скажет редактор. И что как-то надо будет защищать написанное, и как это сделать. Словом, в каждом пишущем жил внутренний редактор, который заставлял быть не только оглядчивым, но и требовательным к себе. Последнее особенно важно. Сейчас я думаю, что когда эта требовательность к себе исчезла, стала обесцениваться и литература, и нивелироваться та роль, которую она играла в нашей жизни.

– Думаете, этот процесс неостановим?

Я догадывался, что ответит Саша – и не ошибся:

– Думаю, что те времена ушли безвозвратно, потому что, во-первых, ту ситуацию никогда не вернуть, а, во-вторых, непонятно, что будет с печатным словом вообще: я уже сейчас вынужден читать книги в электронном виде, хотя люблю, чтобы книга была книгой, а не «листать» её электронные страницы.

– Но ведь это многократно расширяет доступ к книге, так что, наверное, не обязательно жалеть, что проходит век бумажных изданий, – замечаю я, лукавя, потому что на самом деле и сам жалею не меньше моего собеседника о вроде бы проходящей эпохе книгопечатания... – Хотя, ведь с другой стороны, не будем забывать, – добавляю я вслух, – прочитанное изначально влияет на мозги, на восприятие жизни и, соответственно, на поведение человека... А сейчас в интернете столько мусора, и не всегда безобидного!..

НО И ВСЁ ЖЕ – ПОЧЕМУ СТИХИ?

Словом, склонности мои к тому времени определились, – продолжает Грич. – У мамы был замечательный вкус, она пыталась и мне передать своё отношение к хорошей литературе. И всё же родители очень мягко, но и настойчиво мне говорили: «Ты уж как-то решайся – поэзия такое дело: хочешь писать стихи, так ты будешь их писать, а нужно иметь профессию в жизни, самому стоять на ногах».

И я пошел по материнским стопам: поступил на химико-технологический факультет нынешней Азербайджанской нефтяной академии – тогда это был очень хороший Институт нефтехимии.

И там я учился так: когда стипендию давали с тройками – на тройки, когда с четверками – на четверки, а когда стали давать только с пятерками – на пятерки. А попутно чего только не делал! И везде мне везло. Писал стихи – и меня печатали. Занимался спортом – стал чемпионом республики по академической гребле. Занимался КВН – и в нем наша команда выступала успешно, тогда бакинцы стали чемпионами Союза. Мы с замечательными братьями Виталием и Савелием Колмановскими составляли сценарную группу. Там родилась наша дружба – на долгие десятилетия. Печально, что не стало Виталия, Вики, как мы его называли... Он был эрудит, знал семь, кажется, языков. Жил в Силиконовой долине. Теперь дружим с его дочерью Машей. А блистательный остроумец и добрейший человек Савелий с женой Эммой живут в Москве. Их дочь Лена – одна из основателей знаменитого «Яндекса». В той команде КВН играл и мой давний товарищ Эмин Алиев, талантливый физик, лауреат Госпремии (увы, и его уже нет с нами), да и вообще много у нас было замечательных

ребят. Но в какой-то момент из команды я ушел, рассудив, что заниматься КВН до седых волос не стоит. Как выражаются американцы, «не моя чашка чая» – «not my cup of tea».

Ну, а потом, после института – работа во ВНИИОлефин, и еще потом – после того, как я стал регулярно печататься, работая на судоремонтном заводе, и печатался под своей фамилией, мне дали понять, что надо или заниматься тем, чем я занимаюсь на службе, и «отдавать этому все силы и время», или, как они выражались, «писать стишкы». Стихи я не собирался бросать ни под каким предлогом, но теперь печатался уже под псевдонимом. Так появился Александр Грич.

Борис Абрамович Слуцкий, чье добroе отношение к моим стихам помогло мне безмерно на первых порах в литературе, был этим псевдонимом недоволен: «Вы бы взяли себе что-нибудь рыбное... Или птичье». Имелись в виду псевдонимы – Сомов, скажем, или Скворцов. Но я хотел, чтобы псевдоним был сродни фамилии, хоть и отличался от нее, – это всё Саша вспоминает, отвечая на мой вопрос: почему на его книгах имя автора обозначено – «Александр Грич».

– Упомянутая «Вышка» мне дала многое, – продолжает он, – но и газета к поэзии имеет отношение... далекое, скажем так. Поэтому, когда меня пригласили в Союз писателей, я с радостью перешел в журнал «Литературный Азербайджан», где благополучно последующие 17 лет и отработал – до самого отъезда в Америку... И для Союза писателей никакого Гуревича не существует. А вот Александра Грича, к моей радости, там помнят.

А еще, помимо журнала, у меня была телепередача – ее делала главная телередакция «Дружба». Существовала эта передача, которую мы вели вместе с видным литератором и моим товарищем Интигамом Гасымзаде, больше 12 лет, она пользовалась популярностью: в моей жизни был такой период, когда все, от дворника до руководящих чиновников, меня узнавали в лицо и по голосу, иногда это было даже приятно, – улыбается Саша. – И в гостях у нас были литераторы, имена которых не нуждаются в комментариях: Андрей Битов, Давид Самойлов, Владимир Британинский, Сергей Баруздин, Олжас Сулейменов, азербайджанские писатели, которым сейчас ставят памятники, как классикам, – Саша перечисляет имена, не берусь все их здесь привести. – А творчество Анара, Фикрета Годжа, Максуда Ибрагимбекова, Чингиза Абдуллаева – известно далеко за пределами Азербайджана.

ВСЁ ЖЕ – КНИГИ...

– Ну, вот, вы в Америке – что дальше? – спрашиваю это я, конечно же, помня, что Саша и Людмила успели со мной поработать не один год – успешность «Панорамы» во многом зависела и определялась чёткой работой отдела распространения популярного еженедельника – таким он стал в большой степени и их трудами. Это тогда сократилось многократно число звонков с вопросом «Где моя «Панорама», уже среда (четверг... пятница...), а почтовый ящик пуст!», а в десятках киосков и магазинов на прилавках появилась наша газета.

Но пришло время, и к заботам Гричей прибавился книжный магазин «Ковчег» – чуть ли не единственный тогда, предлагавший русские книги. До них магазин назывался «Терек» и работал так: продавались подержанные советские книги (их приносили на продажу новые иммигранты), были и некоторые зарубежные издания русских книг и газет – от «Посева» и «Граней» до соседствовавших с ними рыбных консервов из России, пельменей из Сан-Франциско и духов «Красная Москва». Теперь же свое место там заняли современные издания из метрополии, что (поначалу)

в те годы было совсем не просто... Но «Ковчег» стал отличным книжным магазином и пережил добрых три десятка таких бизнесов, возникавших и исчезавших за последние 20 лет. Он и сейчас существует, но уже с другими хозяевами – жизнь не останавливается...

– Так ведь и вы в какой-то степени были сопричастны к организации «Ковчега», – напоминает мне Саша, – вы не возражали, чтобы я, работая в «Панораме», помогал «Ковчегу» – но, главным образом, хозяйствала там Люда. И заметьте – за все годы, что у Люды был магазин, мы не скопировали и не продали ни одной видеокассеты или аудиокассеты. Пиратством не занимались. Мы продавали книги, и к нам шли за книгами, а не брать фильмы напрокат...

Теперь, спустя годы, я уже не спрашиваю Александра, почему именно книжный магазин стал его детищем, а не что-нибудь по-настоящему денежное.

– Книги – это наше, – вот и всё, – отвечает он без раздумий. – Как это ни забавно звучит, эта сторона была решающей. Вряд ли у нас с Людой мог быть успешный гастроном... Разумеется, «Ковчег» был предприятием небольшим, но прибыльным. Однако пришла пора и с ним расстаться. Впрочем, книгами занималась главным образом Люда.

– А вы?

– Давайте забежим на годы вперед, – говорит Грич. – Несколько лет назад меня пригласили на съезд писателей Азербайджана – отмечалось 80-летие писательской организации, и поездка эта получилась совершенно замечательной. Там были представители из 30 стран мира. На постсоветском пространстве такого литературного форума не организовывал ещё никто. Уникальный факт – Союзом писателей уже больше 30 лет руководит Анар. Сами подумайте, сколько стран, секретарей и президентов перестали существовать за эти годы. А Анар, прекрасный прозаик, – по-прежнему руководит такой сложной организацией, как писательская... Они работают в тандеме со знакомым вам Фикретом Годжа – народным поэтом, первым секретарем Союза.

* * *

... Из недавно вышедшей книги Александра Грича:

«Однажды, много лет назад, мы попали с Фикретом в автомобильную аварию, – этот день непросто вспоминать даже сегодня. По узкой улице нёсся самосвал. Надо представлять себе абшеронские стародавние поселки, их разнобой дувалов и домишек, их улочки с неожиданными поворотами, где и двадцать километров в час – большая скорость.

А этот самосвал нёсся на все пятьдесят-шестьдесят. И «для безопасности» не-прерывно гудел. На переднем сидении в нашей машине рядом со мной был Фикрет, на заднем – наши жены и маленький сын Яшка, было ему года четыре. Это мы с Людой и Яшкой приехали в гости к Фикрету на дачу и решили поехать на море. Вот и поехали...

Я потихоньку выезжал на перекресток, дом на углу закрывал обзор, гудка самосвала я не услышал. Удар был очень сильный. Нас спасло то, что отброшенная самосвalom машина ударила задом в ворота школы, а они были заперты, но замок оказался хлипкий. А потому – ворота распахнулись, спружинили и как бы погасили удар. Благодарение небу, никто из нас сильно не пострадал. Ушибы, ссадины – и только.

Поистине судьба нас всех хранила, потому что на то, что осталось от автомо-

биля, смотреть было страшно. Мы были совершенно ошарашены. Помню, на улицу выскочили люди, стали спрашивать, нужна ли помошь, потащили нас всех к себе в дом, за праздничный стол. И вот за столом Фикрету стало плохо. Но – удивительное дело – он и в этом состоянии как будто больше всего заботился о том, чтобы не привлекать к себе внимания.

Через несколько дней я зашел к нему. Фикрет был непривычно мрачен. «Да нет, – отмахнулся он на мои вопросы, – все в порядке». – И спросил таинственно: «Ты знаешь, что такое «чылтак»?» – Я не знал. – «Короче говоря, – продолжал Фикрет, – мы должны проделать тот же маршрут, что мы так неудачно завершили в воскресенье, но теперь уже завершить его успешно, благополучно, с удовольствием. Чтобы в душе не оставалось страха и обиды. Таким образом мы с этим делом и с неприятными воспоминаниями о нем покончим раз и навсегда. Как ты думаешь?»

Не помню, что я ответил, но слово «чылтак» с тех пор запомнил, И бывало, когда случались неудачи, думал – надо «сделать чылтак». И делал... И помогало».

* * *

– А до той конференции, – возвращается Саша к рассказу о писательском съезде, – я снимал в Баку фильм о Гейдаре Алиеве. Я прямо из «Панорамы» ушел в этот проект – у меня была интересная работа: много поездил, занимался тем, чем люблю заниматься и что умею делать. Человек Алиев был совершенно незаурядный – среди советских руководителей того времени ему не было равных. Он был интеллигентом в первом поколении, то, что американцы называют self-made man, и масштаб его личности был очень значителен.

Приходилось читать у политологов, что когда он был первым заместителем предсоммина СССР, ему прочили быть премьером... И сделал он для своей страны очень многое. Не думайте, что я идеализирую его – среди моих друзей есть и те, кто относится к нему очень сдержанно. Я же всегда считал и теперь считаю его деяте-

лем выдающимся и работать с ним было интересно. Не вижу, чья еще фигура из руководителей того поколения с ним сопоставима.

Помню, ехали мы из Москвы со съемочной группой в аэропорт. Дело было в ельцинский период. Студийная машина в последний момент испортилась, еле разместились в стареньком «Москвиче». В дороге остановил ГАИшник: «Кто такие, куда едете? Почему машина перегружена?» «Мы опаздываем, капитан, – ничего лучшего в голову не пришло, и я сказал правду. – Мы – съемочная группа. Летим в Баку, снимаем фильм об Алиеве». Реакция была неожиданной.

«Достойный мужик, – вдруг сказал капитан. – Не то, что наш... Поезжайте!»

В одном из интервью я спросил героя фильма: с кем можно сравнить вашу карьеру – с Шеварнадзе, например, можно? Он ответил: «Не забывайте, что после распада Союза Шеварнадзе вернулся в Грузию на русских штыках, а меня позвал народ!» И это правда, так оно и было. В трудный переходный период Народный фронт не сумел обеспечить стране стабильность – то, что сумел сделать Алиев. При нем прекратились военные действия и перестала литься кровь. Благодаря ему страна развивается, как цивилизованное светское государство.

Веротерпимость тут – не слова, а дела. Крепкие деловые и культурные отношения связывают Азербайджан с Израилем. В Израиле есть, в частности, отделение СП Азербайджана. В Баку много лет работает Славянский университет. Университет, а не факультет, заметьте!

Издание писательских журналов, в том числе и русскоязычного «Литературного Азербайджана», где я работал, сейчас финансируется государством. И вообще Баку – прекрасный город, ходи и любуйся, перемены огромные.

– А не было ли недовольства у местных кинематографистов: вот, мол, приглашили снимать фильм именно вас, из эмиграции – в Баку ведь, наверное, и своих желающих было предостаточно?

– Почему же только в Баку? Об Алиеве и ваш добрый знакомый Андрон Кончаловский снял добротный документальный двухсерийный фильм «Бремя власти». Но он снимал позже, когда Гейдар Алиевич был уже очень болен. Поэтому у него в фильме мало синхронов, прямых бесед. А мне повезло. Там много живого героя на экране – и в беседах, и просто в кадре. Теперь это всё – уже история.

Что же до ревности... Не знаю... может, и была какая-то ревность, и даже навязчества была, но Алиев был не тот человек, которому можно было навязывать решения...

– А он сам вас назвал?

– Нет, думаю, ему предложили, рассказали, кто я такой, хотя, судя по тому, что я от него слышал, он знал и мою предыдущую работу.

...НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

– Одним словом, Саша, и после нашей редакции американская часть вашей биографии была в большой степени связана с печатным словом, не так ли?

– «Панорама», в которую я пришел, была в Лос-Анджелесе первой и единственной авторской газетой, потом появились другие издания, но целиком вторичные – составленные из склеенных отрывков, вырезанных из советских газет, и позже – из интернетных, мягко говоря, «заимствований». Некоторые из них и сейчас как-то выживают. Давным-давно один человек, который сдавал тогда экзамены на доктора, мне сказал: «Замечательно, что ты работаешь в «Панораме», но скажи мне по сек-

рету, сколько у вас подписчиков – миллион есть?» – И ведь он не шутил!

Знал бы он, что в тех, привычных нам, редакциях советских и российских изданий с их миллионными тиражами – работали десятки сотрудников, там были отделы текущей информации, политического фельетона, промышленности, культуры, юмора – там сидели редакторы, и всем им за это платили... Там работали журналисты. Они писали! А тут редакции, в которых, в лучшем случае, сотрудники собирают рекламу. Вот и мой опыт был таким, я ведь в дальнейшем работал в Калифорнии не в одном журнале и не в одной газете, был и соиздателем, и редактором этих изданий, и сполна испил свою чашу...

Так я пришел к выводу, к которому надо было, наверное, прийти раньше: приобрести американскую специальность. Вы знаете, уже много лет я занимался торговлей недвижимостью. Был не чемпионом, но и не аутсайдером. Значительно больше сотни завершенных транзакций. Неплохо, в общем, хотя всегда хотелось большего.

– И значит, «жизнь удалась»? – в шутку, но и всерьез привел я известное выражение, – но ведь не хлебом единым жив человек, не так ли? Вы же продолжаете писать стихи, продолжают выходить ваши книжки...

– Если о стихах, то я только что выпустил книжку «Надейся и верь» – лирика разных лет, упомянутые рубаи, неопубликованные бакинские стихи, немного переводов... Получилось «Избранное». Новых стихов очень мало.

А до того написалась, я бы сказал, странная книга – «Осенняя остановка», которую я имел возможность представить читателям у вас дома, и потом были встречи с читателями в Оранж-каунти, в Силиконовой долине – там вообще был замечательный вечер! Книгу купили по интернету в одиннадцати странах – Англии, Германии, Италии, Алжире, России... Неожиданно и приятно.

И вообще «Осенняя остановка» дорога для меня тем, что возвращает к людям и событиям, многие из которых – уже история. Взять ли классиков азербайджанской литературы старшего поколения – Мирзу Ибрагимова и Расула Рза, теплым отношением которых ко мне я горжусь, или замечательного поэта Мансура Векилова, который многие годы руководил журналом «Литературный Азербайджан» – мы долго и хорошо работали вместе, или Владимира Портнова, блестящего литератора, который учил меня понимать поэзию, или Юсифа Самедоглу – прекрасного прозаика, Интигама Гасымзаде – талантливого и в литературе, и в дружбе... Чудесного поэта Фикрета Годжа вы помните – мы с ним были у вас в гостях, когда он приезжал в Лос-Анджелес. И еще в этой книге отдельно – об моем «ЛА» той поры. Не о Лос-Анджелесе, а о «Литературном Азербайджане». Этот журнал уже давно возглавляет дочь Мирзы Ибрагимова – Солмаз-ханым, и мне приятно, что издание читают и знают не только в Азербайджане.

...Среди откликов на мои «заметки о писателях», – рассказывает Александр, – были и такие голоса: «Какие-то герои твоих заметок нереальные... Все у тебя хорошие, правильные, сильные, талантливые – ну просто идеальные! Странно как-то...» А что странного-то, уважаемые господа? – отвечал им. – Я пишу о людях, которых люблю и которых знал многие годы. Иных уж нет... другие, к счастью, живы. Никто из них не идеален, понятно. А пишу так, как я их вижу...

Хочу подчеркнуть, что в этой книге – речь не только о писателях. Там «Сага о Криманах» – повесть о семье моего дорогого друга, ученого и бизнесмена, лауреата госпремии России Эльдара Кримана.

Да будем мы к своим друзьям пристрастны,

Да будем думать, что они прекрасны! –

...прочитировал Саша почитаемую нами обоими Беллу Ахмадулину и продолжил:

– Конечно, занятие это я не оставляю – пишу постоянно. А вот почему стихи не пишутся, не знаю, – разводит он руками.

– Может, оттого, что «Для поэзии планета наша мало оборудована...» – перепhrазирую я поэта.

– Да нет, не сравнивая себя с известными всем писателями, просто напомню: Эренбург годами, и даже десятилетиями не писал стихов, но были три периода в его жизни, когда он их писал. И его стихи мне нравятся больше его прозы...

– Но вы же, надеюсь, не считаете, что ваш «Хулио Хуренито» уже написан?

– Да нет, абсолютно так не считаю... писать я продолжаю. Три года назад вышел сборник «Рубай». Для рубаи я придумал автора – он тоже Хайям, как великий предшественник, но фамилия вполне значимая – Анакайхер. А в последние годы занился детективными романами. Серия из трех таких романов вышла в Москве, в издательстве «Эксмо». Работаю над продолжением серии... Что из этого получится – посмотрим.

– А в Азербайджане вас переводят? – спросил я, ожидая услышать утвердительный ответ: ведь в его книгах столько об Азербайджане, о людях оттуда...

– Нет... но это отдельная и больная тема: о Советском Союзе много сказано и говорится – о том, что было там плохого, и гораздо реже – о том, что было тогда хорошего. А ведь там была создана блистательная школа переводчиков, поскольку существовал тезис «дружба народов», и первые перья переводили на русский язык того же, например, Расула Рза. Переводили Арсений Тарковский, Павел Антокольский. Борис Пастернак переводил Самеда Вургана – и это было замечательно! Переводы А.Адалис и М. Алигер –очень хороши.

В те времена Расул Рза, уже тогда классик, написал рецензию на мою книгу, я этим до сих пор горжусь. А народный поэт Фикрет Годжа переводил на азербайджанский мои стихи, публиковал их... Это были будни нашей работы.

Теперь же, когда всё в издательском деле стало на коммерческую основу, школа перевода сильно пострадала. Новые переводы, скажем, с английского, даже в России в первые годы после раз渲ла Союза были ужасающими, читать невозможно!

ПОВТОРИТЬ ДОРОГОУ?

Здесь мне показалось уместным вспомнить сюжет из рассказа Александра Грича про «чылтак» – о том, что следует повторить дорогу, в которой случилась неудача, но теперь успешно – чтобы ее исправить в памяти, но и чтобы она не повторилась в жизни, и я спросил его:

– А в вашей жизни здесь, в Америке, да и вообще, остается необходимость в таком «чылтаке», да и была ли она – повторить нечто, чтобы исправить что-то в вашей жизни? – спрашивая это, я знал, что в моей жизни такое было... А у Грича?

– Знаете, наверное, я ничего бы не стал переигрывать, хотя точно делал в жизни много глупостей и вообще герой из меня – никакой. Но попытка переделки? Нет. Как бы то ни было – и в плохом, и в хорошем – это был мой путь, мой выбор, как и вся непоследовательность моей жизни. Мой любимый учитель в литературе, великолепный ее знаток, поэт и переводчик Владимир Портнов говорил: «Грич – это лоскутное одеяло! Ну чем ты занимаешься, что ты хочешь сделать? Ты бы сосредоточился на чем-то одном, и, может, tolku было бы больше...» И я думаю, что он был прав. А отвечая на вопрос, удалась ли жизнь... Думаю – да! Пусть я и не могу

при этом «упасть лицом в черную икру», а сейчас даже и в красную стало несколько проблематично....

– Но остается еще кабачковая, – поддерживаю я шутку.

– Остается – но ведь ее еще надо приготовить! И я благодарю небо за ту жизнь, какая она у меня была и есть. За многое из того, чего у других, скажем, нет.

ДРУЗЬЯ

– Вот теперь самое время сказать о друзьях, – Александр очень серьезен. – Это – не поза, не тост, это – моя жизнь. Без этих людей меня сегодня могло бы вообще не быть, во всяком случае, выживать и просто жить – они помогали и помогают. В Москве живет Эльдар Криман, о котором я упоминал. Мы с ним дружим уже шестьдесят восемь лет – и я благодарен судьбе за эту дружбу. И точно столько же лет нашей дружбе с Багатуром Гаивовым – он в прошлом крупный руководитель, теперь с семьей живет в Хьюстоне, мы с Людой летали к нему на юбилей. А они с женой Зулейхой сюрпризом для меня прилетели в Лас-Вегас, куда мы решили когда-то скрыться на мои юбилейные дни. Много ли людей могут похвастать такими друзьями, с которыми вместе чего только не прошли?... В прошлом году Савелий Колмановский пригласил в Москву на свою восьмидесятилетие. Обеспечил замечательную во всех отношениях поездку! Какая радость была увидеть и Саву, и Эмму, и их dochь Леночку в добром здравии, в окружении любящих друзей. Когда встречаемся, – а это иногда через годы, – чувство такое, будто вчера расстались. Теперь дружат наши дети – и я счастлив этим. А еще у Савы на юбилее мы увиделись с воронежским профессором Марком Берколайко – с ним у нас тоже почти семидесятилетний стаж знакомства и дружбы. Немногие могут похвастать таким кругом близких.

В Лос-Анджелесе нам тоже повезло – у нас много добрых знакомых и приятелей. Но помимо этого «большого круга» существует и прекрасный «малый круг» наших друзей. В него уже двадцать лет входят Лора и Даник Парижер, Аркадий Стерн, Наташа и Фима Портман, Лариса и Джозеф... Сами знаете, Америка не любит сентиментов. Тем больше надо дорожить близкими, которые рядом... И наши с вами, Саша, отношения – безусловно, в этом ряду.

ЭПИЛОГ

Завершая запись нашей беседы с Александром Гричем, думаю: почему он нечасто говорит на литературные темы? Почему многие, знающие его годами, и понятия не имеют о его главной – литературной работе?

Паустовский, кажется, сказал, что встречаются в жизни чрезвычайно редкие люди, без которых литература невозможна, вне зависимости от того, много или мало они написали, – наверное, сегодня подошло время сказать то же и про Александра Грича:

*Вот и прожил полжизни богато,
Ибо помнил: «Молчание – золото»,
По хорошим дорогам ходил.
Пере... – перево... – переводил...*

– горько написал он когда-то про себя. Но он сумел сказать свое слово – и это главное.

И еще: Александр по-человечески надежен – это его качество довелось мне испытать при тех обстоятельствах и в те дни, когда все и почти всем было неясно:

где, в какой стороне сокрыты справедливость и истина? А за этим «почти» был он, Саша Грич, и оставался рядом столько, сколько требовалось. Наверное, это тогда наши добрые и ровные товарищеско-служебные отношения получили право называться дружескими.

Мы знакомы с ним вот уже 27 лет, из них – 15 лет дружны по-настоящему, хотя и остаемся в разговоре на «Вы», – я бы сказал, что в нашем случае это есть отражение Высшей степени взаимного уважения, доверия и приязни, да простит мне читатель невольный каламбур...

ОБ АВТОРЕ

Сегодня мы публикуем беседу Александра Половца с Александром Гричем.

Прозаик, издатель, редактор Александр Половец вошел в историю русской Калифорнии прежде всего как создатель в конце 70-х крупнейшего тогда в Соединенных Штатах русскоязычного еженедельника «Панорама».

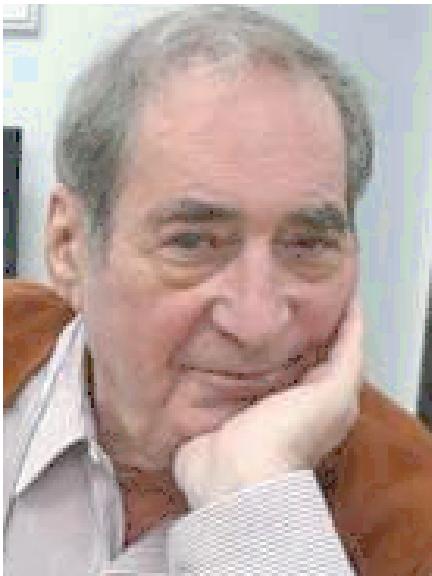
Сейчас, когда мы живем в открытом мире, трудно себе даже представить роль этой газеты в той ситуации – и для наших соотечественников в США, и для тех, кто приезжал из России.

Вокруг газеты собрался замечательный круг авторов – Б.Окуджава, В.Аксенов, Е.Евтушенко, С.Довлатов, А. Гладилин, И.Губерман, А.Битов, Э.Севела, Ю.Семенов – всех не перечислишь...

Помимо газетных публикаций, Александр Половец провел интереснейшие беседы со всеми названными выше писателями и еще многими выдающимися деятелями культуры.

Эти беседы составили заметную часть книги А.Половца «БП. Между прошлым и будущим», вышедшей в Москве. Завершилась и публикация четырех томов произведений писателя.

Александр Половец ныне – Президент Всеамериканского Культурного Фонда Булата Окуджавы, член международного ПЭН-клуба и Союза Писателей Москвы.

ЗЕМЛЯКИ

АННА НЕМЕРОВСКАЯ

Детские годы чудесные...

Rассказ

Память – удивительное создание Высшего Разума... Почему одни события запоминаются, а другие – нет? Как, по каким законам и по каким ассоциациям всплывают в памяти совсем далекие и почти забытые события?...

Мои внучки, когда были маленькими, просили меня: «Бабушка, расскажи, как мой папа был маленьким». А рассказывать следовало именно какие-нибудь забавные случаи, и для этого приходилось перемежать правду с... как бы помягче выразиться... не то чтобы с вымыслом, а просто немного расцвечивать историю некоторой долей юмора. Я помнила главный принцип педагогики: детям нельзя врать. И я не врала. (Боже упаси!) Но надо же рассказать внучкам, какой у них был послушный, старательный пapa, как он хорошо учился и вообще...

Говорят, чем старше человек, тем чаще он вспоминает молодость. Значит, я старею... Ну и пусть, зато так приятно перебирать старые фотографии и вспоминать...

* * *

У меня два сына – старший, Володя, и младший, Матвей. Разница 5 лет. Жили мы в пригороде Баку, в поселке с довольно прозаическим названием «8-й километр». Район новостроек, «спальный район». Семьи обычно большие. Работающий народ по утрам разъезжался, но поселок не пустел: бабушки, дедушки, ребяташи – дома.

Для начала надо описать моих деточек, их поведение, привычки, обстановку в доме... Как это часто бывает, дети, рожденные одними и теми же родителями, имеют совершенно разные характеры, темпераменты, манеры.

Володька – самый высокий в классе. Родственники называли его на родном идише «а лангэр локш», в дословном переводе – «длинная лапша», а по отношению к подростку означало не просто высокий, а длинный, худой, руки-ноги, как у Буратино, на шарнирах. При этом медлительный и ленивый – все ему по фигу.

Очень не любит быть в центре внимания, в незнакомом обществе сидит обычно в углу, всех выслушивает, все впитывает, но сам в разговоре не участвует. Долго привыкает к новым людям.

Когда бабушка просила его сходить в магазин за хлебом или молоком, делал это с большой неохотой. А если и соглашался, то сначала подсчитывал, сколько надо заплатить за покупку, и брал точно требуемую сумму, чтоб без сдачи, тогда с кассиршей не нужно будет разговаривать.

Дело в том, что у нас в Баку кассиры очень не любили давать сдачу. «У меня нет сдачи», – нагло говорила кассирша и смотрела прямо в глаза. Что тут поделаешь? Просто уходишь, становясь как бы жадиной-говядиной. Не жалко этих 3-5 копеек, но чувствуешь себя противно надутой. Прошло много лет, пока я сама научилась, презрительно скривив губы, говорить: «Считаю, что я подала нищей 5 копеек». Но это я, взрослый человек, а мальчик, который не может ничего кассиру ответить?

Мотька тоже не маленький, не самый высокий в классе, но один из... Сложен чуть получше, покрепче, во всяком случае под определение «лангэр локш» не подходит. По характеру – полная противоположность брату. Шустрый, живчик, любопытный, до всего ему есть дело, во всем жаждет участвовать.

Когда Мотя подрос, он с удовольствием, лет эдак с семи, ходил в магазин. И хотя тоже предпочитал брать с собой сумму денег без сдачи, но если не получалось, протягивал кассирше, скажем, рубль и звонким голосом на весь магазин провозглашал: «Два творога, пакет молока и 37 копеек сдачи». Чаще срабатывало, но не всегда. Володя с превеликим удовольствием отдал брату почетную обязанность – ходить в ближайший гастроном, выполняя бабушкины поручения.

Активный, непоседа и при этом прагматик.

В начале учебного года в класс пришел фотограф, поснимал детей им на память в разных позах: у доски, у глобуса и др. Всем было велено принести по рублю за «память». Матвей принес свой рубль и внимательно проследил, как учительница записала его фамилию в список. Прошел месяц, все, и я в том числе, благополучно забыли про этот рубль, но не Мотя. Как-то вечером он напомнил мне о нем:

– Я завтра подойду к учительнице и попрошу свой рубль обратно. Вдруг вообще фотографий не будет? А если потом фотограф принесет их, то сразу же отдам свой рубль.

Я понимала, что сказать ему просто «нельзя» не могу, в нашей семье так не принято, и дети привыкли, что я всегда объясняю им, почему не разрешаю так делать или говорить. Оказывается, я «изобрела велосипед», – это давно известный педагогический принцип: не следует просто запрещать, надо, по возможности, объяснить логику своего запрета, во всяком случае, постараться. Пришлось призвать на помощь мой авторитет, умение убеждать и даже некоторым образом ораторское искусство, чтобы уговорить своего мальвку так не делать.

– Этим заявлением ты можешь обидеть учительницу, это проявление недоверия, это сомнение в ее честности. Ты, пожалуйста, ничего не говори, а я на родительском собрании постараюсь деликатно выяснить этот вопрос.

Прошла еще неделя, другая, и сын принес долгожданные фотографии.

– Представляешь, как неуютно ты бы себя чувствовал сейчас, если бы тогда потребовал свой рубль? Всегда надо думать о том, как бы не обидеть человека.

Обычно первым приходил из школы Матвей.

– Так, – с порога обращался он к бабушке, – сразу скажи, если надо идти в магазин, пока я не разделся.

– Садись, Мотенька, кушать.

– Нет, я лучше сначала сделаю уроки, а потом с Вовой буду кушать.

– Только не торопись, голубчик, сделаешь неаккуратно – мама опять ругать будет.

Мотя соглашался, но, так как никакого терпения не было, делал уроки быстро – 5 минут на каждый предмет. Примеры были решены верно – единственный плюс, но все тетради грязные, заляпаны, написано в них вривь и вкось, зачеркнуто-перечеркнуто, словом, «грязнописание». Когда я приходила с работы и видела этот кошмар, первым делом заставляла переписывать. А чтобы сохранить неизменным количество листов в тоненькой тетради, отгибали скрепки, вынимали грязные листки, вставляли новые, и великомученик Мотя со слезами на глазах от жалости к себе все переписывал.

Володя приходил из школы на час-полтора позже Моти. Оба садились кушать. Вова брал в руки книгу (благо, дома была обширная библиотека), читал и ел медленно, неспеша. Бабуля подкладывала еще, радуясь хорошему аппетиту деточки. Ведь какая радость для нее, если внук ест все, что лежит на тарелке, а порой и добавки просит! И невдомек наивной, что таким способом он старается продлить время чтения и отдалить выполнение уроков. А Мотя ел быстро, ну, понятное дело, шпильки у него кое-где...

Наконец поводы для оттягивания выполнения школьных заданий были исчер-

паны, и Володя, к бабушкиному удовольствию, садился за уроки. Наступал священный момент, когда она старалась не заходить в его комнату, чтобы не потревожить умницу. А умница тем временем, разложив учебники, доставал «Трех мушкетеров» или другую книгу и увлеченно читал, забыв об уроках.

Книг читал он много и разных, но «Три мушкетера» была особая любовь. Он знал ее наизусть, но все равно примерно раз в неделю доставал, открывал на любой странице и, увлекшись в очередной раз, не мог оторваться и дочитывал до конца. То есть, я так думаю, если начало книги он читал раз 20, то конец – раз 50. Я прятала книгу несколько раз, но он каким-то непостижимым образом (по запаху, что ли?) находил. Я прятала снова, и все повторялось до тех пор, пока я не спрятала ее так, что найти ее не мог никто, и я сама в том числе.

Так у нас повелось, что мои дети не посвящали меня в подробности школьной жизни. Я не спрашивала, считая, что они сами должны решать свои проблемы. А если будет нужен мой совет, они всегда могут обратиться. Теперь-то я сильно сомневаюсь в правильности этого своего педагогического «принципа».

В школу я приходила 4 раза в год на родительские собрания. Сидеть мне на них не особенно хотелось. Я заходила сначала в класс старшего. Просила прощения за то, что должна уходить на собрание к другому сыну.

Учительница:

– Конечно, конечно. Вот ваша ведомость. Что сказать? Мальчик у вас способный, учится прекрасно. Но очень неактивный. На уроке не проявляет инициативу, спросишь – все ответит, а сам никогда не поднимет руку. Вы, мамаша, уж постарайтесь его расшевелить, чтобы поактивнее, посмелее был.

Я:

– Обязательно, непременно постараемся.

Иду к младшему. Говорю, что сидеть на собрании, к сожалению, не могу, так как должна уходить к старшему.

Учительница:

– Конечно, конечно. Вот ваша ведомость. Что сказать? Мальчик у вас способный, учится прекрасно. Но уж очень непоседливый. На уроке крутится, разговаривает, ответ выкрикивает, даже если его не спрашивают... Вы, мамаша, уж постарайтесь его дисциплинировать.

Я:

– Обязательно, непременно.

И спокойно уходила домой с двумя ведомостями. Дома я, разумеется, не рассказывала, как за полчаса умудрялась побывать на двух собраниях. (Ведь врать – ах! – так некрасиво!)

Я не рассказывала о родительском собрании, а дети не рассказывали о событиях в школе. У нас были другие темы для разговоров и обсуждений.

Я занималась немного с моими пацанами, проверяла домашние задания, при этом ненароком забегала вперед школьной программы, поэтому учились они хорошо.

Надо сказать, что в моем дипломе Азербайджанского государственного университета была запись: физик, преподаватель физики. В результате среди множества профессий, которые мне пришлось перебрать, были и лаборант в Лаборатории физики проводников Академии наук Азербайджана, и слесарь КИП (контрольно-измерительных приборов) на военном заводе, и программист в вычислительном центре Статуправления, а затем в ВЦ Минавтотранспорта; был также год, проведенный в далеком горном военном городке Ахалкалаки. Муж служил там офицером-двухгодичником, а я преподавала физику и астрономию в вечерней школе при Доме офицеров.

Так что опыт преподавания и (скажу, не хвалясь) определенные навыки объ-

яснять у меня имелись. Темы обсуждений были самые разные: от электричества (мы не знаем природы электричества, хотя знаем некоторые его законы и пользуемся ими) и законов притяжения (мы просто принимаем факт его существования) до последствий путешествия человека в машине времени, происхождения «черных дыр» и еще много-много чего.

— Представь себе, — говорила я, — большой пышный матрас полосатой расцветки. Положим в середину очень тяжелый шарик. Матрас прогнется. Если положить рядом маленький шарик, то он скатится в углубление к первому, он как бы притягивается к нему. Катиться он будет по полоске, нарисованной на матрасе, и при этом будет «думать», что движется по прямой. Для него это прямая — наикратчайшее расстояние. А мы видим, что он движется по дуге.

От этого объяснения было недалеко до искривления пространства, сравнения Евклидовой геометрии с геометрией Лобачевского и других умных вещей. После прочтения какого-нибудь научно-фантастического рассказа я ненавязчиво вызывала Вову на обсуждение технических проблем, плавно переходя к физике, космогонии и даже социологии.

Интересные разговоры возникали, в частности, насчет путешествия во времени. Перепрыгнуть на несколько десятилетий (или столетий) вперед весьма любопытно — как там будет, в будущем? А вот вернуться назад, в прошлое... Исправить, например, ошибку молодости, не совершив когда-то совершённый нехороший поступок или, наоборот, поступить благородно, изменив тем самым ход истории... Надо учесть при этом определенные этические нормы. Вернувшись в прошлое, человек может очень сильно изменить ход истории, и не всегда в хорошую сторону.

Как-то после фантастического рассказа о пропаже нескольких космических кораблей при необычных обстоятельствах (людей на этих кораблях не было, только роботы, но их тоже было жалко) зашел разговор о так называемых «черных дырах».

О «черных дырах» еще в 1915 году говорил Альберт Эйнштейн. Когда-то гигантские звезды начали угасать и сжиматься под собственным весом до невероятно маленьких размеров. Все знают, что атомы состоят из маленького тяжелого ядра и вращающихся вокруг него электронов. Если сорвать с орбит все электроны, оставить только ядра, получится уплотненное, необыкновенно тяжелое вещество. Кусочек такого вещества размером со спичечный коробок весил бы как наш Земной шар. У тела с такой плотностью настолько большая сила притяжения, что оно «всасывает» в себя все, что попадается ему на пути, даже свет не может вырваться из «черной дыры». А тем более космический корабль, которого попросту разорвет на молекулы. Но даже если бы путешественники не погибли, они все равно не смогли бы вернуться на Землю. Для того, чтобы вырваться из этой «дыры», нужно двигаться быстрее скорости света, а это пока невозможно.

А Мотя обязательно стоял рядом, внимательно слушал обоих, широко раскрыв уши, глаза, рот и черепную коробочку. Насколько глубоко он воспринимал услышанное, я не контролировала, я считала, что вызванный в процессе разговора интерес к науке отложится где-то в уголках памяти и когда-нибудь позже всплынет в нужный момент. Это был мой следующий педагогический принцип — не подлаживаться под возраст ребенка, а говорить с ним о научных идеях как можно раньше — пусть не все до конца пока понимает, но интерес останется.

Прошли годы. Уже будучи в Америке, мы смотрели фильм «Back to the future» и вспоминали те далекие обсуждения. Интересно устроена наша память... Помню подробно, в деталях, наши разговоры, Володькины вопросы, Мотькины круглые глаза...

Вечером, прия с работы и поужинав, дедушка садился на диван и призывал к себе Мотю, который освобождался, наконец, от исправления своего «грязнописания» (Вова тем временем еще делал уроки). Оба любили эти недолгие вечерние поси-

делки: дед в них души не чаял, а Мотька... ну, скажите, пожалуйста, кому еще, как не деду, мог он вешать лапшу на уши? Это же так приятно – кому-то с апломбом рассказывать что-то «умное»! Дед слушал с обожанием, Мотька распалялся с каждым вечером все больше.

– Ну, о чем нам с тобой сегодня поговорить? – спрашивал обычно Мотя.

Однажды он спросил деда после этого, уже ставшего ритуальным, вопроса:

– А ты вообще знаешь, что такое «черные дыры» во Вселенной?

В самом тексте вопроса не было ничего криминального, но я решила сбить спесь с этого воображалы, так как уловила в его интонации толику высокомерия, вообще-то простительного для 9-летнего пацана, только что узнавшего о сверхзвездах. Но это ни в коем случае нельзя было оставить без внимания.

По советским меркам, у нас была большая 3-комнатная квартира (по-американски – 2 бедрум), но все-таки уединиться было непросто (семья-то большая). Единственное место в квартире для уединения и приватных разговоров – «кабинет», роль которого исполнял наш совмещенный санузел. Так что, следуя непреложному (не все, увы, ему следуют) закону педагогики – хвалить ребенка при всех, а делать замечания без свидетелей – я вызывала Мотю в этот самый «кабинет».

Он догадался, что в чем-то провинился, но искренне не мог понять, в чем.

– Как ты разговариваешь с дедушкой? Ты знаешь, какая у него была тяжелая жизнь – бедность, войны? У него не было возможности получить высшее образование. А ты только сегодня узнал, что такое «черные дыры» и уже говоришь об этом, задрав нос. Когда ты разговариваешь с человеком, помни об интонации, говори без высокомерия, так, чтобы не обидеть собеседника, особенно пожилого и, тем более, родного дедушку.

Дедушка не понял ни Мотиного вопроса, ни почему я неожиданно позвала ребенка в «кабинет» («Наверное, надо было», – подумал он). А потом внучек подошел к дедушке и стал подлизываться к нему. Дед был счастлив! А я была рада, что мне удалось сделать еще один шаг на пути воспитания с детства (а потом, увы, будет поздно, если не вовсе бесполезно)уважения к старшим.

Очередной педагогический принцип: с детства воспитывать уважение к близким, пожилым и вообще ко всем людям.

Володя учился в 7 классе, Мотька, соответственно, во 2-м. В 7 классе, как все, наверно, помнят, начинают принимать в комсомол. Для родившихся много позже и не знающих эту замечательную организацию, расшифровываю: КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ. Из учеников, которым уже исполнилось 14 лет, раньше всех принимали отличников и хорошистов – тех, кто учится без троек.

Потом по очереди группами шли в комсомол и другие, пока не оставались самые отстающие и ленивые. Но в конце года их уже взашей гнали в комитет комсомола за анкетой и на собеседование. После заполнения анкеты, собеседования и получения двух рекомендаций от активных комсомольцев (все, как у больших, как у старших товарищей) назначался день, когда комитет комсомола школы приглашал «желающих» вступить в комсомол. Их гоняли по уставу, задавали вопросы на общие политические темы – словом, изображали очень важную и серьезную процедуру. Но в конце концов принимали всех.

Володе уже давно исполнилось 14. Он был одним из лучших учеников (ну, скажем, в первой пятерке), а все еще к концу учебного года не комсомолец. Тут я могла бы расписать, как он будто бы противился быть членом Коммунистического союза молодежи, как в свои 14 лет был, якобы, независим и прозорлив... но не могу – истина дороже. Ведь я же внушаю детям, что врать нехорошо.

В конце учебного года Володьку в школе пихали в комсомол всеми силами. Как же так – он, почти отличник, остался с несколькими двоечниками «неохваченным».

Принять его в комсомол стало в классе делом престижа. А ему как-то по фигу. Правда, членство в комсомоле давало право не носить пионерский галстук. Представьте себе «а лангэр локш», который выше всех учительниц и многих десятиклассников, а ходит по школе с красным галстуком на шее. Однако галстук благополучно перемещается в карман. И все, вроде бы, в норме. Но... И учителя, и члены комитета комсомола школы постоянно делают замечания, раз за разом заставляют вытаскивать галстук из кармана и посылают... в комитет комсомола за анкетой и уставом для изучения. Он обещает и опять откладывает на завтра. Как всегда. Как решение всех своих проблем. Все отодвигается «на потом», по принципу и в надежде, что, авось, рассосется.

Как я уже сказала, я не рассказывала о родительских собраниях, на которых практически не присутствовала, а дети не рассказывали о событиях в школе. Я не спрашивала, почему мой старший «локш» до сих пор не комсомолец, а он не рассказывал.

Вот и учебный год кончился. Лето пролетело быстро. Володя пошел в 8-й класс. Пионером. А Мотька, соответственно, в третий.

Теперь переключимся на младшего. Мотьке 10 лет, он в третьем классе. Настала пора вступать ему в коммунистический союз младших школьников – Всесоюзную пионерскую организацию им. Ленина. Но я об этом начисто забыла, а малый не рассказывает, что происходит в школе.

А в школе тем временем... Из всех 10-леток выбрали 10 лучших учеников и стали их готовить к «процедуре особого значения в их жизни» – приему в пионеры. Каждый день на последнем уроке учительница рассказывала об этом важном событии, и все учили торжественное обещание. (Помните? «Я, юный пионер Советского Союза, торжественно обещаю...»). Потом в актовом зале 10 счастливчиков репетировали этот процесс – держа правую руку согнутой в локте (на ней будет висеть новенький галстук), маршировали, построившись в два ряда по пять в каждом ряду, выходили на сцену и застывали. Остальные ученики в это время сидели в зале подаль и должны были нещадно завидовать избранным. Подразумевалось, что они тоже будут стремиться в пионеры всей душой. После этого члены комитета комсомола, произнеся все полагающиеся речи, выслушав торжественные клятвы новоиспеченных пионеров, повяжут им галстуки и – раздадутся бурные аплодисменты!

Все готовилось исключительно тщательно еще и потому, что на это мероприятие (директриса разведала) должен будет прийти представитель РОНО(!) (это же гроза директоров всех школ – Районный отдел народного образования) и может, даже – фотокорреспондент местной газеты. Вы ж представляете, какая ответственность!...

Мотька вместе со всеми учил торжественное обещание, маршировал, но дома ничего не рассказывал – просто забывал. Так что, когда будет это знаменательное событие, мы не знали. А самое главное – тот, важнейший для этого мероприятия предмет, который должен будет висеть на его согнутой правой руке – красный галстук, не был куплен! Каждый день в школе он думал о том, что надо сказать маме, чтобы купила галстук, но пока доходил до дому, эти правильные мысли начисто выветривались из его головы – его увлекали другие дела и хлопоты.

И вообще, пример старшего брата не вдохновлял. Каждое утро они шли вместе в школу, Мотя видел, что Вова снимает галстук и запихивает его в карман. Кроме этого, старший брат научил его такому, с позволения сказать, стихотворению:

*Как повяжешь галстук, береги его.
Как захочешь кушать, поверни его.*

То есть, чисто утилитарное применение – галстук поворачивается широким концом вперед и превращается в слюнявчик.

Одним словом, почтения к галстуку и трепета перед вступлением в ряды Все-союзной пионерской организации (даже имени Ленина) не было никакого.

И вот в конце сентября, уложив детей спать, занимаемся на кухне со свекровью своими делами, болтаем о нашем, о женском. Глажу ребячью рубашки и удивляюсь, почему каждый день они становятся такими грязными и мятыми, особенно у Вовки. Потом выяснилось, что он – активный участник игры под названием «конный бой», весьма популярной тогда на большой перемене. Кто не знает, объясняю. Участвуют 2 пары. Самый маленький пацан («всадник») садится на плечи самому высокому («коню»). Так же делает другая пара. «Конь» наскакивает на другого «коня». Руки «коня» в борьбе не участвуют — он держит за ноги «всадника». А «всадники» дерутся руками. Их задача — стащить противника с «коня». И вот мой Володька – весьма успешный «конь». А ноги «всадника» елозят по его чистенькой, выглаженной белой рубашке, в которой я каждое утро отправляю его в школу. И это тихоня Вова?! Ленивый, стеснительный мальчик, который стесняется пойти в комитет комсомола?... Выходит, не совсем робкий, не все ему так уж по фигу?

Возвращаюсь к вечеру конца сентября, когда дети должны уже спать, а у нас, взрослых, есть часок на что-нибудь свое. Вдруг на кухне появляется в пижаме заспанный Мотька и говорит:

- Меня завтра будут принимать в пионеры, а у меня нет галстука.
- !!! Почему ты мне раньше не сказал?!?!
- А я забыл.

Тут только мы узнали, как весь месяц они готовились – учили клятву, маршировали и т.д. Вот и все. Просто, ясно, скромно! Свалил на меня свою проблему и ушел спать. И заснул, поверьте мне, совершенно безмятежным сном.

Так как купить красный галстук в 10 часов вечера было абсолютно невозможно, пришлось изыскивать внутренние ресурсы.

На заводе, где работал мой свекор, выбросили за ненадобностью первомайский плакат. Это был красный кусок (не знаю точно, бязи или полотна, во всяком случае, очень грубой ткани) метра 3 длиной с лозунгом «Слава КПСС». Не подумайте, что мой свекор был пламенный коммунист. Он вообще был беспартийный, а этот кусок ткани очень годился нам, так как покрывал паркетный пол, когда надо было красить стены, – тогда этот плакат, несмотря на патриотический лозунг, можно было стелить на пол, ходить по нему (какое кощунство!) и даже заляпывать краской. Делать нечего, пришлось отрезать от плаката треугольник. Пионерский галстук, как помните, по форме был тупоугольным треугольником. Тупой его угол приходился на спину, под воротничок рубашки, а два острых конца завязывали впереди узлом.

Треугольник, который я вырезала, был прямоугольным, и поэтому размером был больше стандартного, чтобы концы можно было завязать. Края настоящего, вискозного галстука были обшиты швом «оверлок». А что мне было делать? Надо же как-то обработать края, чтобы не махрились. Теперь представьте себе прямоугольный треугольник – два катета и гипotenуза. У моей продукции один катет – кромка ткани, ее, как вы понимаете, на мое счастье, не надо обрабатывать, второй катет я аккуратно загнула и прострочила на машинке. Когда же загнула и начала строчить по гипотенузе, обнаружила, что по косому срезу край вытягивается. Кто шьет, знает, что край получается волнистый, как оборочка. Пришлось подшивать вручную.

В результате стараний получился большой треугольник красной грубой ткани, один край которого (катет) – кромка, другой край (второй катет) аккуратно подшит на машинке, но шов грубый, т.к. ткань толстая, и третий край (гипотенуза) вообще подшит руками. Этот кошмар я постирала, отгладила и утром строго наказала Мотьке:

- Скажешь учительнице, что Ты забыл сообщить мне о том, что нужен галстук, и что через день будет нормальный.

Конечно, я могла бы сочинить душепитательную историю, что, мол, этот галстук – реликвия нашей семьи, и что в 1925 году Мотькин дед гордо носил его, и что с тех пор он передается по наследству от отца к сыну, и что он тщательно сберегается в семье (ведь, «как повяжешь галстук, береги его...») и так далее, и тому подобное, и все бы рыдали от умиления... Но, как я вам уже сообщила, вратъ нехорошо, а в ситуации дети – родители даже непедагогично.

После школы сын пришел, коротко сказал, что его приняли. Я принесла после работы новый галстук (выбежала в перерыв, купила). Как прошел сам прием, и что сказала учительница, он не рассказал (пожалел меня). На всякий случай, чтобы не пришлось краснеть, выслушивая выговор учительницы, на первое родительское собрание после окончания четверти я не пошла. Прошел еще месяц-другой, все (по Вовкиному принципу) «рассосалось», подзабылось, а я (по своему принципу воспитания) вопросов не задавала и подробностей не требовала.

Прошло два года. Володя окончил 10-й класс, Мотька – 5-й. Мы собирались уезжать. Вещи частью продавали, частично раздавали. Даже тогда я не нашла книгу «Три мушкетера». Это же надо так спрятать! Есть, оказывается, и в квартире «черные дыры», где все пропадает...

У дальних родственников был мальчик немного младше Мотьки, и поэтому он получил «по наследству» все его вещи, в том числе аккуратно сложенную синюю форму, белые рубашки и пионерский галстук. И тогда мои дети, давясь от смеха, признались наконец, как проходил этот знаменательный прием в юные ленинцы.

Когда всем десяти счастливчикам велели достать галстуки, повесить их на согнутую правую руку и Матвей достал свой так называемый галстук, учительницу можно было только пожалеть – она была близка к обмороку. Ведь Матвей должен был стоять в первом ряду в центре! А в зале – представитель РОНО и, быть может, даже фотокорреспондент местной газеты!...

В Баку две популярные газеты – «Вышка» и «Бакинский рабочий» – 1 сентября, 19 мая (День рождения пионерской организации) и в дни других торжественных школьных событий обязательно помещали статьи на тему «За детство счастливое наше спасибо, Родная страна!». Этому важнейшему материалу отводилась первая страница или одноименная рубрика. И непременно фото счастливых первоклассников или новоиспеченные пионеров.

Детишек для таких ответственных кадров фотокорреспондент сам тщательно отбирал и ставил в первую пару. Не по красоте (хотя очень приятно было бы видеть симпатичные детские рожицы), а по идеологически выдержанному принципу (в интернациональном же Баку живем!). В первой паре должна быть русская блондинка с большим бантом за руку с черноглазым черноволосым пацаном типичной азербайджанской внешности. Во вторую пару допустимо было поставить не столь ярко выраженную иллюстрацию к «дружбе народов» – это, например, могли быть еврейка и армянин – просто выбирали симпатичных детей непонятного этноса.

В первый ряд шеренги будущих пионеров идеально подкованная учительница предусмотрительно поставила «кого следует» – на случай, если придет фотокорреспондент, чтоб не надо было в последний момент менять детей местами. Так, в соответствии с ее понятиями об идеологии интернационализма, в первом ряду, т. е. в первой пятерке из десяти избранных оказались и блондинка, и брюнет, и шатен, и рыженькая. А в середине – Матвей! И не потому, что самый красивый (любая мама скажет, что самый красивый – ее ребенок, но это – выбор учительницы), просто он был такой плакатно-типичный бакинский пионер! Можно даже сказать, что это был как бы собирательный образ интернационального бакинского пионера. Коротко подстриженные каштановые волосы, светлая кожа, черные глаза... А какую наивность они излучали, когда он поднимал их, глядя прямо в лицо учительнице! Но на дне этих

доверчивых и невинных глаз таилось коварное желание задать какой-нибудь ка-верзный вопрос с плохо скрытым намерением загнать вас в угол. Он обожал хитрые, с подковыркой вопросы.

Итак, возвращаясь к минуте приема Матвея в пионеры – учительница близка к обмороку. Но, закаленная в боях за ленинскую идеологию, быстро приходит в себя.

– Беги на второй этаж в класс к брату, возьми его галстук.

Мотька бежит на второй этаж, ничуть не смущаясь, приоткрывает дверь 8-го класса, просовывает туда голову и руку и согнутым указательным пальцем вызывает брата. Представляете?! В те годы, лет эдак 25 назад, 3-классник, не обращая внимания на учительницу (ни тебе «здравствуйте», ни «извините»), поманил ученика пальцем, мол, выходи!... Тогда, в те годы... Это сейчас детки без всякого почтения к взрослым. (Ну, это я так, почему бы не побрюзгать.)

Вова встал и вопросительно посмотрел на учительницу.

– Ну, выйди к брату, может, что-то случилось?

В коридоре Мотя:

– Скорее дай твой галстук – мой не подходит.

Вова задумчиво почесал за ухом:

– Как скажешь...

Теперь напомню, что тот важный кусочек ткани, который называется пионерским галстуком, выполнен из вискозы и обработан швом «оверлок». На концах галстука «оверлок» прерывался (швеи строчили-торопились, их можно понять – работа сделанная). Чтобы концы не махрились, существовал метод «обжига» – если провести над пламенем горящей спички концом галстука, то вискозные махры сплавятся в маленький шарик. При этом в классе, разумеется, запахнет гарью. Учитель, войдя в класс, нервно покрутит носом, принююхиваясь. Странный запах, но явно не курева. (Тайком курили в туалете, а чтобы в классе – ни-ни.) Запах этот быстро рассеивался, но пацанам было по кайфу удивлять педагогов. Вот они и обугливали концы своих галстуков в классе. Да и необходимость была в этом – в момент волнения (вызовут – не вызовут?) иногда грызли концы галстука. (Вас удивили кадры по «ящику», когда Саакашвили грыз свой галстук? Меня – нет. Я помню школьные годы.) Обгрызенные концы снова махрились, и был повод опять опалить их.

Теперь понятно, почему Вова задумчиво почесал за ухом?

– Как скажешь. Надо – возьми.

И вытащил из кармана... мятую-премятую, жеваную, обожженную (и от этого несколько укороченную) «частицу нашего знамени» и отдал брату. Мотька сунул брату тот самый кошмарный галстук, который я смастерила ночью и который был категорически забракован, и,ничтоже сумняшися, побежал с этой добычей в актовый зал. А Володя флегматично запихал кусок кумача от «Славы КПСС» в карман и зашел в класс. Ему было все равно, ведь скоро будет «гореть» на груди комсомольский значок.

Учительницу Матвея при виде этой замены снова чуть не хватил удар...

На этом месте Мотькин рассказ прервался – он снова пощадил меня. Но я смутно догадывалась, что это не конец столь веселенькой истории. Однако выяснить и расспрашивать не было возможности во время предъездной суматохи. Так что окончание ее еще впереди, а пока расскажу, как Вову все-таки «впихнули» в комсомол. Можно даже сказать, по блату (перевожу для тех, кому этот совковый термин не знаком: по знакомству).

В доме напротив жила семья в таком же составе, как и наша: дедушка, бабушка, мама, папа и два сына – Аркадий, на год старше Вовы, и Дима, на год младше Матвея. Ребята дружили. А Аркадий был членом комитета комсомола школы.

Братья часто бывали у нас. Много рассказывала я ребятам историй из моей

школьной жизни. Особый интерес вызывали у них мои воспоминания о том, как повлияла на всех нас хрущевская «оттепель», какая была эйфория после сталинских «морозов», о забытом ныне фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Даже мы, жившие далеко от Москвы, почувствовали запах свободы и дружбы. Казалось, если молодые люди всех стран будут дружить между собой, то никогда больше не будет ни войн, ни диктаторов...

С каким энтузиазмом мы пели (до сих пор помню):

*Каждый, кто честен,
встань с нами вместе
против огня войны!
Песню дружбы запевает молодёжь,
молодёжь, молодёжь.
Эту песню не задушишь, не убьёшь!
Не убьёшь! Не убьёшь!
Нам, молодым,
вторит песней той
весь шар земной!*

(Л.Ошанин)

После фестиваля стало модно переписываться со школьниками из разных стран. Мои подружки переписывались с друзьями из Польши и Чехословакии (эта страна тогда еще не разделилась на Чехию и Словакию), а я только с девочками из Литвы и Латвии, но это было не так престижно. Из Литвы письма были неинтересные. А вот девочка из Латвии была немного старше меня и писала подробно о своих поклонниках – как она пошла с одним в кино, а другой приревновал, потом на танцы с третьим... Иногда мне казалось, что она фантазировала, выдавала желаемое за действительное, но тем не менее читать было интересно.

И вот как-то одноклассница Руфа, чуть не плача, дает мне адрес француженки(!), которая живет в городе Руан, учится в лицее, хочет изучать русский и переписываться с кем-нибудь. Но у ее папы Гольдшмита (однофамильца великого Януша Корчака) еще не выветрился страх – наследие сталинских времен, хотя был уже год 1963 или 1964, – и он не разрешил ей переписываться с «капиталистической» девочкой. Руфа отдала адрес мне... И я, счастливая, начала переписываться и приносить в класс письма и открытки из Франции!

И мои ребята, и их друзья, Аркадий и Дима, слушали эти рассказы с большим интересом, поражаясь многим бессмысленным запретам того времени.

А вскоре Аркадий – член комитета комсомола школы, ответственный за культурно-массовую, общественную, идеологическую и еще какую-то работу (неважно, какую, потому что он все равно ничего не делал) – увидел на перемене Володю с пионерским галстуком на шее и прыснул со смеху: «Ты еще пионер?!» Он решил позаботиться о друге и взял дело в свои руки, раз тот не может, наконец, покончить со своим пионерством.

Через несколько дней на переменке, сорвав брата с весьма успешного «конного боя», Мотя потащил его к новому выпуску школьной стенгазеты, которую старшеклассники давно уже не читали. А несколько любознательных пятиклассников читали с интересом такие, например, вирши:

*Наш Мирон сидит за партой,
Марками меняется,
А как вызовут к доске,
Сразу изменяется.*

Но Мотя с первого класса бегал по всей школе и был в курсе всех новостей.

– Иди скорее, там про тебя в газете написали!

А в газете был напечатан отчет Аркадия о проделанной... даже трудно подобрать слово – ведь нельзя назвать «работой» полностью высосанную из пальца фантазию, поскольку работы, как таковой, не было ни грамма. В заметке же было сказано, что якобы он, Аркадий, организовал Интернациональный клуб. Члены этого клуба переписываются с пионерами и комсомольцами из других стран и республик, и самый активный – Володя П. из 8А класса.

Вова прочитал заметку, не сдерживая смеха, переглянулся с Мотькой. Они-то поняли, где корни этих историй об интернациональной переписке молодежи.

Звонок разогнал их по классам.

После этого Аркадий сказал, чтобы Вова пришел на ближайшее заседание комитета комсомола. Его приняли в комсомол без сучка и задоринки – активность нам завсегда во, как нужна! Аркадия тоже заодно похвалили, а что это за клуб такой, никто не знал, не понял, но даже ухом не повел. Кажется, отчет об этом клубе ушел выше, куда-то вверх по районной, а потом и городской комсомольской иерархии.

Через два года, как уже было сказано, мы получили разрешение на выезд. Володя окончил 10-й класс, Мотька – 5-й. Быстро собрались – время было тяжелое, 1988 год.

...Время тревожное. Страшное время.
Стенка на стенку и племя на племя.
Множится бремя обид.
Праздник бессилен развеять их ярость.
Кровь закипает и в юном, и в старом,
гневом отмщенья горит.
День равноденствия, равностоянья
мрака и света, а я лишь молю:
«Боже, исполни мое пожеланье
и сохрани, что люблю».

(Лиана Алавердова. «Новруз Байрам»)

Даже отменили выпускные вечера и гуляния по набережной – встречать рассвет «новой жизни» тоже было запрещено. (Но об этом не хочется вспоминать.)

Вместе с аттестатом всем выдавали характеристики для поступления в вуз или техникум – нужно, не нужно, какая разница? А то потом будут бегать, искать директрису, классного руководителя, секретаря комсомольской организации, а они тоже люди, им тоже летом отдохнуть хочется.

Сын получил две прекрасные характеристики (школьную и комсомольскую), в которых о его «пофигизме» написали красиво: «по характеру выдержан, спокоен» (совсем в стиле «17 мгновений...»). «В общественной жизни класса участие принимал» (это, наверное, об игре в «конный бой»). Еще интересная фраза: «Имеет аналитический склад ума».

Через 3 дня после получения Вовой аттестата зрелости и вышеуказанных характеристик мы уехали. Я сберегла их, как память о Вовиной школьной жизни.

Прошло больше 20 лет. (Боже мой! Почти четверть века...) Вова уже сам папа, да и Матвей тоже...

На очередном дне рождения Володи мне надо было произнести традиционный «мамин тост», и я сказала так:

– Володя очень хороший мальчик (ему больше 40 лет, а все мальчик...). Конечно, вы, уважаемые гости, можете сказать, что мои слова необъективны по определению – это слова мамы. Но я принесла доказательства.

И достала те две характеристики, где было написано о выдержанном характере и даже моральной устойчивости. Гости, смеясь, разглядывали их.

А мои великовозрастные дети вспомнили и как Володю принимали в комсомол, и процедуру Мотькиного посвящения в пионеры. Вот тут-то мы узнали конец той истории. Оказывается, зная мое неприятие всякой несправедливости, зная, как я буду переживать эту ситуацию, пощадили тогда меня и умолчали о последних деталях того незадачливого дня. После их рассказа меня охватили совсем другие эмоции. Однако пришлось спрятать их подальше, чтобы не портить праздника.

Итак, Мотька прибежал к учительнице в зал, где принимали в пионеры, с жеваным, мятным галстуком брата. Учительница снова близка к обмороку. Казалось, выхода нет – в зале уже сидит ПРЕДСТАВИТЕЛЬ, уже звучит горн и стучат барабаны... Но она, как истинный борец за коммунистическую идеологию, и в этой ситуации быстро пришла в себя.

И что делает эта «умная» учительница?... Вместо того, чтобы просто поставить Мотю во второй ряд, откуда не видно его позорного галстука (это было бы справедливым наказанием для Моти – лишить его такого престижного места, хотя подозреваю, что он нешибко бы расстроился), она забирает новый, чистый, выглаженный галстук у мальчика из второго ряда позади Мотьки и меняет на тот самый кошмарный галстук, вытащенный из кармана старшего брата. Мальчик стоял в слезах от такой несправедливости и люто ненавидел Мотю.

Представляете его потрясение, его обиду? Как подумаю об эмоциональном состоянии этого малыша, у меня сердце сжимается.

После окончания церемонии Мотька отдал мальчику его новый галстук, но тот долго еще смотрел на Мотьку исподлобья...

* * *

Школа № 210 находилась недалеко от дома.

Теперь прошло уже много лет после всей этой некрасивой истории... Если когда-нибудь эти строки прочтет незаслуженно обиженный мальчик (сейчас-то уже, разумеется, давно не мальчик), который учился в школе № 210 Низаминского района города Баку, и которого в 1986 году принимали в пионеры, и которому ... учительница (даже не подберу для нее эпитета) поменяла галстук, я прошу его не держать обиду.

Прости, пожалуйста, эту неумную, бес tactную учительницу.

Прости моего безалаберного сына.

Но больше всех виновата я, прости меня. Это я, безответственная мамаша, готовя сына в конце лета к 3-му классу, как и все родители, покупала форму, рубашки, книжки, тетрадки и т.д. И даже не подумала о пионерском галстуке.

Я чувствую свою вину перед тобой

Прости меня... Пожалуйста.

МАРАТ ШАФИЕВ

Подражание Руми

17 декабря – День памяти выдающегося суфийского наставника и поэта.

26 ноября 1244 года не сошлись в битве великие армии, не открыли новый вид энергии, но случилось не менее значимое для человечества событие – на базарной площади Коны столкнулись два человека. Шамседдин Тебризи задал вопрос, Джалаеддин Руми ответил, и вопрошающий испустил вопль и без чувств упал на землю. Люди того времени болели и умирали от любви; не уставали радоваться встрече с другом; плакать, услышав неприхотливую мелодию дудки. Мы больше знаем, но умеем ли мы чувствовать и изливаться в чувствах с такой силой? Благодаря этой встрече, в огне этой дружбы согрел правоверный шейх и родился, как птица Феникс, суфийский Мастер.

«Маснави-йи Манави» (Поэма о скрытом смысле) Руми – энциклопедия суфизма (её называют персидским Кораном), она сама – как мир, единство которого проявляется через бесконечность многообразия, грандиозная симфония человеческого духа в становлении, опыт, изложенный не в отвлечённо-логических категориях, а в пламенных поэтических образах. «Я прокричал тебе в дверь: – Мистики собираются на улице. Выходи! – Оставь меня в покое. Я болен. – Да хоть ты и умер! Иса здесь и он хочет кого-нибудь воскресить!»

В США с начала 1990-х годов самым продаваемым и, стало быть, самым популярным становится не один из гигантов американской поэзии – Роберт Фрост, Роберт Лоурэлл, Томас Элиот, даже не Шекспир, Уитмен, Гомер, Данте, обязательные для школьной программы, а Руми!

В мире столкновений цивилизаций правитель умов – средневековый мулла, получивший классическое исламское образование и преподававший шариат в медресе!

* * *

**Давно назрело дело –
пожертвуй ночью смело,
не ублажая тело:
не спи, не спи, не спи!
Такую ночь не сыщешь!
Тебя в неё Друг тычет,
проспал ночей ты тыщу –
сегодня хоть не спи!**

**Всего лишь ночь, но с толком –
узнаешь истин столько!
Не спит один Он только,
и ты –не спи, не спи!
Пусть дева чернокожа
вино тебе предложит,
в постель с собой уложит –
не пей, беги, не спи!**

**И поминай о ночи,
когда ты, в муках корчась,
навзрыд проплачешь очи,
услышав: вечно спи!**

**Смерть постучится: «Здравствуй,
пожалуйте на завтрак».
Не будет больше «завтра»,
так что не спи, не спи!**

**Что, Боже, будет с нами,
обманутыми снами?!
Кем перед Ним предстанем?
От страха горы тают.
А сердце ведь не камень.
Не спи.
Не сплю. Аминь.**

**Страйся, Духа спутник,
ты станешь новой сутью,
но бойся только утра:
не спи, не спи, не спи!**

* * *

**Милосердие без меры,
разум, символ или вера?
Не найду Тебе примера –
Что Ты? я не знаю.**

**Но на сцене обозримой
нас играй невыразимой
Ты пронзал неотразимо.
Кто Ты? я не знаю.**

**Серебрясь, клубясь над крышей,
Млечный Путь уходит выше.
Есть предел Тебе, Всевышний?
Я не знаю.**

**Океан, ревмя ревячий,
эту Землю содрогавший,
влагою живой поящий,
рыбою кишмя кишащий, –
мир твой я не знаю.**

**Солнце, ярче! Солнце, звонче!
Удивительное Солнце!
Потрясающее Солнце!
В глубине, на сердца донце, –
Друга Лик. Я точно знаю.**

**Сяду птицей на морозе,
уколюсь смертельной дозой,
прорасту горячей розой –
странные метаморфозы
как того Ты хочешь, знаю.**

«Ха» вращая, как наваху,
«Ху!» — потом кричим от страха,
«Ах!» — восходим мы на плаху,
тварный мир я знать не знаю.

Что комедия, что драма,
что аскеза и что сама¹ —
разрешайте, люди, сами.
Я не знаю.

Разбивающий мечты,
Ниспровергший с высоты,
всё, молчу. В молчанье — Ты.
Больше ничего не знаю.

* * *

Караван, вперёд ушедший,
не догонит быстрый пеший,
но вне времени и места
я танцую с Другом вместе.
Я стал радостным, как пламя,
сжёг свой дом существованья;
на сквозном ветру былинка
выпрямляю гордо спинку.
Пожелтевший и иссохший,
стал я барабанной кожей —
и добротной, и надёжной, —
день приветствующий дробью.
В беспощадной пасти зверя
снова обретаю веру:
небо — область просветленья,
мир наш — сумерки и тленье;
дуализм — смешное дело,
устремлённым в Запредельность.
На дороге грязью лягу,
чтоб во мне копилась влага;
чтобы получить лекарство,
стану я больным прекрасным.
Стану впадиной глубокой
или местным водостоком,
чтоб стекала, не пролилась
в мир Божественная Милость.
И — пылинка золотая, —
в световом потоке тая,
из порожнего колодца
пряником взлечу на Солнце.

¹ Самá (араб.— слышание), также Семá — суфийский ритуал, представляющий собой разновидность зикра. Включает в себя пение, игру на музыкальных инструментах, танец, декламацию стихов и молитв, ношение имеющих символическое значение облачений и др.

* * *

**Я смертельно болен жизнью,
замечательный где врач? –
вены вскроет, кровью брызнет,
не огляднется на плач.
Если мир в любви зачали,
то откуда, Боже Мой,
нас разящие печали,
острый меч над головой?
Потрясающий Основы
и Сжигающий Мосты,
убиваю невиновных,
трубадуров Красоты.
Кто ты перед Нашей Мощью,
сам с собою не в ладу? –
пыль на стоптанной подошве,
шип в обугленном саду.**

* * *

**Человек вообразил, что в аскезе и джихаде
убивается Зоил, исправляется характер.**

**Не жалея сил и средств, он с собой ведёт сраженье:
и отстроенный дворец вновь подвергнет разрушенью.**

**И тогда Бог говорит: «Как потуги твои жалки,
десять тысяч лет идти до стоянки близлежащей!**

**Дело храброе – посметь! Вот такая незадача:
как достойно умереть – на Пути одна задача.**

**Но когда, тоской пронзён, ты признаешь пораженье,
милостиво Мной включён будешь в текст Поминовенья».**

* * *

**Прежде чем с мешком тащиться,
содержимое проверь:
что в дороге пригодится,
что оставить у дверей.
До скончанья своих дней
груз нести гнилых костей?
Прежде чем мешок нести,
его надо потрясти,
чтоб, представ перед Владыкой,
не заплакать от стыда...
Двух миров уже на стыке
разгорается звезда.
На свиданье выйти к ней
налегке – ещё верней.**

* * *

Я добрался до Ирака,
а кругом – сплошные враки,
а в разбойничьем Герате
и за чих платить заставят,
в Туркестане и Китае
меня ловко обсчитали –
путь закончив наконец,
пропечённый солнцем весь,
мистиком не стал купец.
Что Алеппо, что Медина –
для глупца везде едино,
и сильнее муэдзина
голос медяков в корзине.

* * *

Разрушь сей дом из камня дорогого,
ведь можно строить здание другое:
блестательней, огромней во сто крат!
Не бойся разрушать – под домом клад.
И Божий дар – не милость, воздаянье
за наше непростое состоянье.
Ветшает дом и рухнет в одночасье,
сокровище другой достанет мастер.
А как же ты, способный строить лучше?
Разрушь сей дом, и ты сполна получишь.

* * *

Ищи убежища от алчных
среди товарищей достойных:
кого не пожирает альчик,
кто крест судьбы несёт достойно.
И вырви пёрышки тщеславья
или покинь мирской бедlam,
и в одиночество, как в саван,
запеленуйся лучше сам.
Не дай вовлечь себя в беспутство,
плоха ли жизнь иль хороша –
о том ничуть не беспокойся,
самодостаточна душа:
она едома и едящий,
она и жертва, и судья...
Сокровище в руинах ищет
о чём-то знающее «я».

* * *

Иглой Раскаянья Одёжку Бытия
я штопаю, благодарю за Милость
Всевышнего: за то, что жив и я,
и мне по жизни что-то отломилось.

И даже зло, содеянное мной,
не говоря про мелкие проступки,
вычёркивал из списка Он долой
иль объявлял забавнейшую шуткой.
И это Им спасённый от огня,
я помещён в саду благоуханном,
и мир огромный не вместит меня,
и состоялся в замысле я главном.
И если бы мой каждый волосок
обрёл язык, и все они взывали,
я б благодарность выразить не смог...
«О, если б мои люди только знали».

* * *

Жонглировать словами
уже в твоей крови –
отбрось мирскую славу
и Бога позови.
Как неподъёмно бремя,
грядёт девятый вал!
не трать напрасно время
на заскучавший зал.
Ты скажешь: «Не завидуй»,
но было бы чему?
такое вот придумай,
что всем не по уму.
А все твои стишата –
рисунки на песке,
к другому поспешайте,
ведь жизнь на волоске.
Рассыпавшийся прахом
мир – ты отыщешь где?
но с «я» своим бесстрашно
не пропадёшь в беде.
Другое есть виденье,
пророчеству подстать,
так вспомни повеленье
громовое: Читать!
И неизменный, цельный
на полотне небес
алмазною пыльцою
нам светит этот текст.

* * *

Снаружи – вечная мерзлота,
мир, закованный панцирем льда,
во мне не стихает сердечный пожар:
моря испарились, обуглился шар,
космическим ветром рассеялся смог –
но пепел, лишь пепел увидеть я смог.
Отсутствие всяческих новостей –
вот главная новость жизни моей.

* * *

Пустой мешок увидев на гвозде,
дервиш стенал, вращаясь в исступленьи:
«Едок, что не нуждается в еде,
и в голоде находит исцеленье!»
И жар того любовного костра,
раскрывшего широкие объятья,
взошли не раз ходившие в астрал
дервиша обезумевшие братья.
«Мешок пустой!» – прохожий закричал.
«Идёшь куда, иди себе и дальше,
ты не нашёл того, что ты искал,
и не стоял пред Ангелом – дрожащий.
Еда влюблённого – сама любовь, не хлеб,
едва учуяет запашок нездешний,
летит без крыльев, не увязнет в хлябь,
не потеряется во тьме кромешной.
Нил для Египта страшен и кровав,
для иудея воды в нём – прозрачны,
и мистиком душой отважно став,
ты в неизвестность сам шагнёшь однажды.

* * *

За гранью бытия
есть поле, там однажды
сойдёмся: ты да я,
но вот душе что страшно:
наполнена трава
таким густым замесом –
не то что там словам,
а мыслям нету места.

* * *

Сходя с ума все эти дни,
я в дверь ломился: отвори!
когда открыли, понял я,
что не снаружи был – внутри.

МИРЗА ИБРАГИМОВ
ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К ЧИНГИЗУ ГУСЕЙНОВУ
(1971, 1976, 1987, 1988 гг.). Из архива Ч.Г.

Перевод Ханлара ЗИЯЗАДЕ

Дорогой иуважаемый Чингиз!

Получил твоё письмо. Хорошо, что ты поговорил с Храпченко и Абалкиным. Спасибо тебе. Я уверен, что ты доведешь всё до конца. Здесь вышло решение ЦК. Создана юбилейная комиссия. Два дня назад я был у товарища Алиева. Он сказал мне, что лично будет говорить с товарищами из руководства в Москве о том, чтобы предложение было принято. Он ожидает, что и Союз писателей СССР по своей линии окажет содействие в этом вопросе. Речь идёт о самом высоком звании. (Герой Соц. Труда!) В любом случае большое им всем спасибо. Сама эта инициатива является очень дорогой и ценной для меня. Уверен, что ты доведёшь это до сведения наших тамошних друзей и в первую очередь до Маркова и Федина. Я не сомневаюсь, что они поддержат эту инициативу, и их слово возымеет действие...

В общем, я доставляю всем вам хлопоты и иногда спрашиваю себя: а не обижаются ли мои друзья на меня за всё это? Посылаю тебе те фотографии, что ты хотел. 29-го этого месяца я лечу в Москву. Меня пригласили на вечер Мирзо. Поручи Пашкевичу забронировать для меня номер в «Москве».

Большой привет от нас Марийке и малышу Гасану.

Твой Мирза Ибрагимов

23.09.71.

P.S. Чингиз! – не забудь связаться с журналом «Огонёк». Позвони Софронову и дай ему информацию.

Дорогой Чингиз!

Я прочёл твою повесть «Магомед, Мамед, Мамиш» в журнале «Дружба народов». Прежде всего хочу сказать, что она мне очень понравилась в плане языка. Она так хорошо выражает все тонкости и красоту русского языка, что даже не верится, что это перевод, кажется, будто она написана на русском. (Хотя если чуть поразмыслить, становится ясно, что это вполне естественно. Ведь ты прекрасно владеешь обоими этими языками. Мы имеем полное право считать оба эти варианта твоего произведения – и азербайджанский, и русский – оригиналами).

И материал, и сюжет, и стиль письма повести являются новыми, оригинальными. Быть может, не всем у нас понравится этот стиль: но никто не сможет отрицать его лаконичности и выразительности, заставляющих глубоко задуматься читателя. Недостатки, пороки и негативные явления, подвергающиеся здесь убийственной критике, являются вопросами, беспокоящими и волнующими всех. Блестяще и гражданское отвращение писателя к людям, представляющим эти пороки. Но при этом я бы пожелал, чтоб ты несколько активизировал Мамиша и его бригаду...

В любом случае я поздравляю тебя в связи с этим очень значительным худо-

жественным событием. Сара ханым тоже прочитала твоё произведение и присоединяется к моим поздравлениям. Естественно, часть нашего со всеми читателями чувства благодарности приходится и на долю Марины ханым. Передавай ей наши искренние приветствия и скажи, что я еще не забыл вкуса её кутабов с зеленью и свежей рыбы.

Посылаю тебе газету «Баку». Посмотри 3-ю страницу.

Жму твою руку. Мирза Ибрагимов. 10.11.76. Баку

27 сентября 1987 года. Воскресенье
Чингиз, дорогой!

Сегодня я с большим интересом прочёл твою статью «Два языка, оба – родные» в «Литературной Газете». Она мне очень понравилась. Написано очень умно и ясно. Ты очень хорошо освещашь исключительную роль правил и порядков каждого языка в художественном творчестве. Проблема языка и художественного мышления является важным вопросом – и один из его важных аспектов – отторжение, возникающее при неверное подборе слов, и потеря всей красоты и смысла произведения. Ты глубоко прочувствовал и выразил это. Ты естественно и убедительно представил связь Мирзы Фатали с русской средой, с русско-европейской культурой и с вопросами южного и северного Азербайджана. У статьи много достоинств. Но я удовлетворяюсь только этим.

Спасибо. Я получил большое духовное наслаждение.

Передавай привет Марине.

Мирза Ибрагимов.

Дорогие Чингиз и Марина ханым!

Прежде всего посылаю вам свои давно накопившиеся приветствия! Уже долгое время я не имею возможности увидеть вас, услышать ваши голоса, хотя душой я с вами. Ведь дорогие и бесценные дни, незабываемые для нас – те дни, что мы встречались в Союзе, проводили в вашей квартире за приятными беседами за чашкой чая вприкуску с сахаром... всё это остаётся сладкими воспоминаниями в разных уголках нашей памяти и всегда даёт о себе знать. Но встречаться лично удаётся не всегда. В первую очередь потому, что я не так часто езжу в Москву, а приехав и закончив дела, сразу возвращаюсь назад. Ну, а дни летят и летят всё быстрее. Да и сам я очень быстро устаю. А при усталости начинается аритмия, начинаются ненавистные мне процедуры уколов, причём внутривенных!..

Да и телефоны сейчас работают не так, как раньше... можно измучиться, пока дозвонишься. Ну да ладно...

То, что я говорю, напоминает жалобы уставшей от жизни и вечно недовольной всем старухи, но не обращайте на это внимания, как бы то ни было, я всё ещё дышу и понемногу пишу. Сейчас в издательстве «Язычи» готовится к печати сборник моих новых статей. Второй сборник под названием «Наш язык и наша литература» я готовлю для издательства «Азернешр». Ну, а книга «Сənub sovgatı» – в издательстве «Гянджлик».

Чингиз! Всем, в том числе и мне, понравился твой роман, посвящённый Мирзе Фатали. Но я не в курсе того, как обстоят дела с другими твоими работами. То, что я слышу здесь от учёных и готовящихся стать учеными людей, убеждает меня, что в учреждении, присуждающем научные степени, тебя и твою работу принимают с боль-

шим уважением. Это очень хорошо. В Москве не так уж много наших людей. Я очень радуюсь любому положительному отзыву о наших деятелях науки и культуры, государственных и партийных деятелях, и это пробуждает в моей душе позитивные чувства...

Недавно Теймур Ахмедов и Закийя ханым Гиясбейли на нашей встрече вспоминали тебя добрыми словами. В жизни и творческом развитии их обоих и я сыграл какую-то свою роль. Ещё двадцать лет назад Теймур Ахмедов, приехав из Еревана в Баку, обратился ко мне. Он выбрал себе тему. Я стал тогда его научным руководителем. Он написал и с успехом защитил свою работу. Он усерден, трудолюбив, способен мыслить и может отличать хорошее от плохого. Сейчас он защитил научный труд по докторской диссертации под названием «Творческий путь Нариманова» и уже направил его в Москву. Думаю, ему удастся успешно завершить это. Ведь он, пожалуй, является наиболее последовательным и ярким из всех исследователей, представляющих творчество и деятельность Нариманова. В Институте Низами в отделе «Литература Южного Азербайджана» (19-20 веков) он является моим заместителем.

Но, по-моему, я слишком затянул. Заканчуваю. 16-го этого месяца я лечу в Москву. Меня пригласили на заседание Президиума Верховного Совета СССР, назначенное на 18-е число. Видимо, будут рассматривать вопрос Нагорного Карабаха. Пусть накажет Всеевший тех, кто внёс раздор между двумя соседскими народами.

Целую вас обоих.

12 июля 1988 год.

Дача в Шувеляне.

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

ПРОШЛОЕ СТУЧИТСЯ В НАСТОЯЩЕЕ

Мирза Ибрагимов (1911-1993) – фигура объёмная в истории СССР, советского Азербайджана, азербайджанской культуры и, к счастью, редкостно положительная для своего времени по меркам этических, так сказать, заповедей, норм, и это при том, что Мирза Ибрагимов, рано и успешно начавший писательскую деятельность, был с молодых лет, в 26! депутатом В/Совета СССР почти всех – редчайший случай – созывов, носил, в 36! высокий научный титул Академика, занимал пост президента республики, не раз возглавлял Союз писателей Азербайджана, – всех должностей и, естественно, почестей не перечесть, да и непосильная это работа, так что я, помимо приведённых здесь нескольких писем ко мне Мирзы Ибрагимова, решил предложить вниманию читателей малую-малую толику штришков к его облику.

Замечу тут же, что я не раз бывал в гостях у Мирзы Аждаровича, однажды по дороге на дачу, куда он меня пригласил, – песчаный берег, чистые воды Каспия, рыбаки... – рассказал о своем прошлом: про техникум имени Лассала, где учился; про английских солдат-индусов, они жили в бараках, «Ты мусульманин?» – спрашивали. «Да». И они кормили пловом их, голодных ребят.

Мирза Аждарович бывал (и с женой Сарой-ханым) у нас в Москве и, возвращаясь в Баку, всегда оставлял у нас дома свой чайный сервис: любил, живя в гостинице, заваривать особым способом чай, – по долгу дружбы я приносил ему его «движимое имущество», как он называл свой чайник, стакан-подстаканник, ложку-нож, – такая деталь.

... Маститые наши писатели, приезжая в 50-70-е годы в Москву, считали как бы долгом рассказывать мне, литературному их полпреду, каковым, очевидно, видели меня, психологию деспотизма – модная тема тех лет, увы, актуальная и сегодня – имея при этом в виду знаменитого Мир-Джафара Багирова, азербайджанского Сталина + Берия в одном лице, ведь долгие годы непосредственно контактировали с ним, несменяемым, вольным, как говорится, казнить или миловать, а это общение, даже в воображении, – как соединить оголённые провода: так ударит током, что испепелишься вмиг... Поделившись, выскажешься и, глядишь, полегчает на душе.

Рассказы эти не содержали прямого осуждения деяний М.-Дж. Багирова, лишь констатация, даже как-то Мирза Ибрагимов заметил, признак объективности? что – записи мои дневниковые – «Багиров радел за престиж азербайджанской культуры», мол, «лично» настоял на Сталинской премии для Сулеймана Рустама за цикл «Два берега». Думается, не без участия Первого лица заветную тогда эту премию получили и поэмы «Над небом Ленинграда» Мамед-Рагима и «Ленин» Расула Рзы, роман «Абшерон» Мехти Гусейна, здесь не исключение и роман самого Мирзы Ибрагимова «Наступит день» со славной по сей день темой, тогда более реальной, а ныне – иллюзорной, единения Северного российского и Южного иранского Азербайджанов, эта идея всю жизнь грела Мирзу Ибрагимова... – но игры фортуны непредсказуемы: кто мог подумать, что русское государство, которое складывалось более чем за триста лет, рухнет, точнее, будет разрушено при непосредственном участии самого же титульного этноса, менее чем за три дня?

... Экскурс в мои далёкие 40-50-е гг, соскок в наши дни, загляд в утопическое будущее. Копились во мне крупица за крупицей знания, запомнил, как в ереванской спецшколе каждую ночь – год был 1944 – стены и потолок комнаты с выбитыми стёклами в многоэтажном общежитии прорезались блуждающими лучами фар ревущих американских студебеккеров: с грохотом, тяжело и натужно шли, крытые брезентом, по крутым серпантины дороги, ведущей из Еревана в Иран, север которого, или Южный Азербайджан, был оккупирован нашими войсками, и там верховодило на правах иранской автономии «Азербайджанское демократическое правительство». Экспансия осуществлялась для расширения нашенских стран («экспорт революции»), с дальnim прицелом, по «строго-секретному» документу, «инициировать в северных областях Ирана движение за отделение», а далее – проникнуть в Турцию... Впоследствии «великие державы» оговаривали, что советские войска покинут Иран через полгода после победы, но мы медлили, и после какого-то времени Трумэн – США успели уже взорвать две атомные бомбы, а у нас ничего – ультимативно потребовал вывести войска из Ирана, что мы и были вынуждены сделать, и по мере вывода наших войск в провинцию вводились иранские войска... – вождь демократических сил Пишевари ежедневно слал телеграммы в Баку: «Помогите! Реакция наглеет! Террор!» Дали знать Сталину – про последний вопль отчаяния тоже: «Я вам больше не верю!».

Зафиксировал рассказ Мирзы Ибрагимова, как в три часа ночи его вызвали в числе приближённых на квартиру к Багирову, хозяин встретил послушную элиту в пижаме. «Только что, – сказал встревоженно, – я говорил со Сталиным (о, эта сталинская бессонница!). Он спросил: «Вы за мир или войну? Мы воевать не можем. Нас втягивают в авантюру. Поступайте, как подсказывает совесть партийца». То есть: вывести войска из Ирана, никаких обсуждений».

И хлынул к нам поток беженцев, тысячи обманутых социалистической пропагандой южных азербайджанцев, спасаясь от гибели... Накануне всё складывалось в пользу новой «автономной власти»: 3 сентября 1945 года Пишевари опубликовал в

Тегеране и Тебризе возвзвание к народу, и одним из лозунгов был: «Да здравствует Мир-Джафар Багиров – отец единого Азербайджана!» Вскоре после эмиграции в СССР Пишевари, которого, как Багирова, звали Мир-Джафаром (но часто именовали Сейид-Джафаром, замена «Мир» на «Сейид» допустима: то и другое – принадлежность к роду пророка Мухаммеда) погиб при загадочных обстоятельствах в автомобильной аварии близ Гянджи вечером 3 июля 1947-го года, ходили слухи (в подтверждение крылатого азербайджанского выражения: «Не могут в одном кotle вариться две баараны головы»), что убийство – дело рук Багирова и кэгэбе: неугомонный Пишевари доставлял много неудобств.

Вспоминаю своё выступление в феврале 2004 г. на съезде азербайджанцев мира в Кельне в ответ на крикливую критику царизма, де, он разрезал Азербайджан надвое... «Критиковать Россию надо не за то, что она присоединила Северный Азербайджан, – заметил я, – а за то, что, захватив в войне с Ираном и Южный Азербайджан, дойдя аж до Тегерана, довольствовалась контрибуцией шаха и северными землями; захвати она весь Азербайджан, мы бы имели, пройдя через революцию и распад СССР, большой независимый Азербайджан, никто бы не посмел пойти войной против нас, не было бы и нынешнего конгресса, собранного из беженцев-азербайджанцев как из Ирана в результате политического их исхода, так и экономического в смеси с политическим из Азербайджана».

... Мой земляк-сосед по Баку Али Туран (в войну был в плену, сумел перебраться после победы в Турцию) поведал мне в Стамбуле, когда в 1969-м я ездил туда, такое везение выпало мне, что, услыхав об угрозе Америки, он тотчас заспешил к Мамед-Эмину, опальному лидеру Азербайджанской демреспублики 1918-1920-го годов, и восторженно ему заявил: «Трумэн утёр Сталину нос, велит убраться из Иранского Азербайджана, не то сбросит на Москву атомную бомбу». Мамед-Эмин озадачил его: «Не радоваться надо – плакать, – и пояснил: – Дело шло к объединению Азербайджана, разделенного царем и шахом на Северный, тут три миллиона, и Южный, а здесь – пять [ныне иные цифры: за десять и тридцать], и если бы не ультиматум, – Мамед-Эмин часто-часто задышал, астма замучила, – то Азербайджан стал бы большим единым государством, советская империя не вечна». Тут он мог вспомнить, критически настроенный к тому, что в Азербайджане творилось (не откажешь в дальновидности), как Ататюрк сказал ему: «Ничего не добьёtesь, деля нацию на бакинцев, гянджинцев, гарабахцев, нахчivanцев... Мы запретили племенные наименования, все мы турки, это закреплено в конституции».

В книге «Мой отец Берия» Серго (назван в честь Орджоникидзе) пишет, что М.-Дж.Багиров, «как вспоминал отец», мечтал о создании «великого Азербайджана», и «отец гневно распекал Багирова, что, де, хочет из-за крошечной земли превратить Иран в нашего врага». Тогда вполне понятно желание Сталина помешать реализации идеи, убрав Пишевари. Очевидец вспоминает: осенью 1945-го Багиров встретил в приёмной Сталина Берию и Микояна, они «поздравили со скорым расширением территории за счёт Юга», мол, тогда Багиров расщедрится и подарит Нагорный Гарабах Армении (мечта Микояна), а Балакен и Закаталы – Грузии (мечта Берии).

«Хозяин» республики, будучи вспыльчивым, часто распалялся, входя в раж, громил всех и каждого, случалось – выбирал объект для порки и обрушивал на него обвинения в смертных грехах: измене, двуличии, вероломстве... – все терпеливо ждали, не смея пикнуть, но и зная, что выпустит пар, успокоится. Но наступал момент, когда молчать далее нельзя, и тут, точно существовал негласныйговор с ним, находился смельчак, и он на свой страх и риск вдруг предлагал, мол, «человека, так

vas расстроившего, мало ругать, его надо расстрелять». И тогда случалось неожиданное: тиран прерывал тираду и, якобы выказывая человеколюбие, злорадно говорил, обращаясь к виновнику: «Слышите, что предлагает ваш коллега, а я прощаю!..»

Любил, копируя Сталина, посеять среди подданных интриги, крепко их пропугнуть, выгодно выглядеть самому. Так случилось, по рассказу Мирзы Ибрагимова, со знаменитым певцом Гусейнагой Гаджибабековым – обсуждали какой-то его проступок, и Ордубади, писатель ранга «классика», репликой: «Его расстрелять надо!» – сбил с Багирова пыл, и певец был прощён. Так спасли и Сабита Рахмана: пожалел группу беженцев, снабдил деньгами, а среди них оказался «предатель» (мнимый?): «Пожалел?! – кричал Багиров. – Помогал?!» И пошло-поехало.

Мирза Ибрагимов однажды посмел «спорить» с ним. В моих записях: «На сессии В/Совета СССР в 1937-м мы были вместе, я высказался против перегибов, что есть у нас поговорка: «Мярди гова-гова...» [смысл: можно так загнать мужественного человека, что он превратится в немужественного, в ничтожество]. Багиров перебил, поправил меня: «Намярди гова-гова!» [т.е. «Если загнать труса...»]. Но в таком случае, сказал я ему, бессмыслица получается. И тут кто-то мне в бок, мол, не спорь! Потом, после перерыва, спрашивала у него: «Почему МингечаурГЭС не строится?» Тогда в среде интеллигенции это горячо обсуждалось: есть РионГЭС у грузин! Расвирепел, набросился на меня: «Откуда у тебя такие мысли? Это идея отъявленных националистов». А в 1943-м сам выдвинул идею МингечаурГЭСа».

Мехти Гусейн тоже рассказывал... – дело в том, что в трёх его романах выведен «хозяин»: в премированном «Абшероне» – это положительный герой Асланов, а в «Черных камнях» и «Подземных водах, текущих в море» он же – зловещий Моллаев... Была – на короткое время – оттепель, всем со всеми можно было, не таясь, откровенничать, и Мехти, как и я, недоумевал: Багиров к моменту его расстрела был из тех редких деятелей, который имел несметное число орденов Ленина, кажется, восемь. А выдвинулся... – тут уже рассказ Мехти: до революции Багиров был главарём бандитской шайки, называлась потом «революционной дружиной», и воевал с другими бандитами, а чтобы усилиться и суметь расправиться с «врагами», примкнул к большевикам. Тогда выработал методы борьбы: собирая на сходку главарей, вероломно их разоружал, возил по деревням и расстреливал на виду у всех... На суде Берии якобы кто-то из свидетелей, хорошо знавший старшего брата Багирова, сказал, что Мир-Джафар – именно тот, слыл авторитетом в Кубе, а брат убил, взяв его популярное имя (?!).

Была у «хозяина» привычка: если на кого зол, обращался к нему «господин». И к Мехти обратился так, когда республикам была дана команда в свете постановления ЦК от 1946-го о журналах «Звезда» и «Ленинград» найти «своих» «блудниц»-ахматовых и «пошлиаков»-зощенок для избиения, и выбор пал на Мехти за «уход от современности в историческое прошлое» – сочинил драму «Джеваншир».

Но были люди, которые с Багировым воевали, – работая над «Чёрными склами», Мехти, допущенный в архив, нашёл там, как Джуварлинский бросил Багирову в лицо: «Я воюю с тобой, а не с партией!» А критик Мустафа Кулиев при Мехти сказал Багирову: «Какой ты вождь? Элементарный начальник милиции!» Султан-Меджид Эфендиев говорил Багирову: «Меня так легко не съешь!» «Наивный, – заметил Мехти, – ещё как съел, не подавился».

Глазами других... Восхищённо о Мир-Джафаре Али-Аббасовиче говорила в Баку мама моего друга Гриши Гомельского Фrima Борисовна, личная его стенографистка: что был внимателен, добр, отзывчив, «остановит уборщицу и долго говорит с нею – в чём нуждается? чем помочь?» Да-с, демократ!..

В оценках кое-кого из бывших высокопоставленных, которые работали бок-обок с Багировым, в частности, Виталия Юнусовича Самедова, я улавливал эмоционально добре к «хозяину» отношение, а негативные оценки зачастую были рассудочные, как бы, «так надо». Самедову принадлежат крылатые слова, сказанные с высокой трибуны на все нашенские времена: «Нас губят три вещи: коварство, мстительность и невосприимчивость». Что ж, вполне приемлемо: важно, конечно, быть объективным, но чтобы при этом та или иная чаша, в одной – деяния добрые, в другой – дьявольские, не перевешивала, увы, не избежать при этом субъективности в оценках. «Берия? – вдруг задал В.Ю. себе вопрос, всё ещё его волнует. – Сын его неправду пишет: де, арестовав, тут же убили. Особое судебное присутствие было, возглавлял маршал Конев, «маршала мог судить только маршал», неделю шёл... – он отказывался, но Хрущёв настоял». «Он был, – продолжал В.Ю., – большой организатор, с ним связано рождение атомной бомбы, реактивных двигателей, водородной бомбы, его идея была: гениальных учёных изолировать, чтоб не просочилась ни одна информация, чем они занимаются, по форме – ГУЛАГ, по содержанию – идеальная жизнь и условия для работы. Именно он закрыл «дело врачей». Член суда Джавахишвили, предсовмина Грузии, сначала защищал Берию, де, не сможет вернуться в Грузию, а узнав, что в списке девиц на вызов значилась и его племянница, записную книжку нашли в кармане помощника Берии, стал ярым его противником, требовал расстрела. Берия просил в заключительном слове: понимает, что суд политический, но «вы знаете мои задатки организатора, сохраните жизнь, используйте опыт». Расстрел был предрешён...». Да, Берия был «Почётным гражданином Советского Союза», имел личного астролога с юности, некто Будиани, доктор-психиатр, иллюзионист, помогал выуживать признания у арестованных в ЗакЧК, от него он узнал и о Нострадамусе, Сведенборге тоже, да, спиритизм, астрология, оккультизм. «Да кто спорит? – уловил мой скептик: мол, чего ждать от него, сподвижника Багирова? – Нельзя ему простить убийство многих честных коммунистов, – называет Султан-Меджида Эфендиева, предЦИК ЗСФСР; Гусейнова Мирзу Давуда, 1-го секретаря ЦК Таджикистана, – отозвал и его, и Левона Мирзояна (хорошо говорил о нём, авантюристе: Нариманова травил!...), любимца бакинских рабочих, Сталин его ценил как прекрасного организатора, он был 1-м секретарём ЦК Компартии Казахстана. Азербайджан помогал республикам, туго у них было с местными кадрами. Ещё одну жертву назвал Самедов, кто «повторил подвиг матроса Железняка: вошёл в Парламент, когда Красная армия вторглась в Азербайджан, и сказал: Кончилась ваша власть! – Как можно было такого человека, как тёзка твой, Чингиз Ильдырым, казнить?!» И, помолчав: «Багиров, между прочим, потом резко выступал, да и не он один, против пыток». «Насытившись?» – заметил я. Улыбнулся: «Можно и так трактовать».

К слову сказать, шифrogramma (шедевр жанра!) послана за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД 10/1/1939 (в мои десять лет и прочитана мной в мои почти восемьдесят): «Опыт показал, – сказано вождём, – что установка [выбивать показания под пыткой] дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врачов народа. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении агентов буржуазии, врагов... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь».

... В аспирантские мои годы я, уже женатый, семьянин, подрабатывал переводами судебных дел в Прокуратуре СССР, и однажды вручили мне увесистый том, ко-
рявые на азербайджанском записи от руки, материалы суда над сестрой Багирова
Сеид-Фатьмой: она десятки лет не платила за свет-воду-газ-телефон, точнее, ком-
мунальные службы из страха не присыпали квитанции, а как осудили Багирова – тот-
час предъявили огромный счёт, началось судебное разбирательство. «Но с чего
платить было?» Говорилось о её повадках «хозяйки»: на базаре брала, что понрав-
ится, и тоже ни за что не платила – кто б со страху заикнулся об оплате? Суд она,
естественно, выиграла.

Я помню сына Багирова, года на три моложе меня, звали его Джен: ранец на
спине, голова опущена, робок, согбен, кажется, не от тяжести книг-тетрадей, а давит
ноша отцовской ответственности... – живя в Москве, Джен пытался при Брежневе до-
биться реабилитации отца (при Хрущёве был исключён как сын «врага народа» из Во-
енно-воздушной академии имени Жуковского, – закончил автодорожный институт),
стал доктором технических наук по машиностроению, а пока учился, есть такой миф,
кто-то, для кого М.-Дж. оставался кумиром, помогал семье: каждое воскресенье под-
кладывали к их дверям сумку с продуктами.

Как-то передали мне: Джен желает поговорить со мной, «писателем». Я со
встречей тянулся, во мне боролись обычательское любопытство и политическая брезг-
ливость, что ли, пока не узнал, что он, бедняга, умер в году, кажется, 1996-м (до
того потеряв сына, которого назвал Мир-Джафаром в честь отца: был спортсменом,
погиб в Индии). Возникло, не скрою, сожаление, что не свиделись – висел у него на
квартире, занимая полстены, большой портрет отца в очках и с усиками. Но сегодня
даже рад, что не поговорили: о чём?.. И благодарен судьбе за то, что в оттепельные
годы не разрешили мне ознакомиться с материалами суда над Багировым: 90 томов!
Послали за подписью К.Федина ходатайство в Верховный суд, чтобы дали возмож-
ность азербайджанскому писателю «реализовать художественный замысел, отве-
чающий духу XX съезда»; получил отказ, устный, правда (не оставляют следов?);
хорошо, что отказали: надолго б отменил существование, померкли б краски мира.

... Из Дневника от 28 марта 1966-го: Мирза Ибрагимов рассказал, что в годы
войны, в 1942-м, будучи наркомом просвещения, он предлагал отмечать там Новруз-
байрам, дабы установить взаимопонимание с южно-азербайджанцами в Иране, где
это государственный праздник, объявляющий начало нового года, красочно его про-
водить, в школах дарить подарки, и т.д. Просил дать ему газеты про Новруз в... Тад-
жикистане, где все советские годы Новруз всегда отмечался на государственном
уровне, газеты пестрели лозунгами: успешно встретим Новруз в преддверии – тогда
– XXШ съезда партии.

Позднее нарушил официальное молчание Рахман Везиров: выступая в феврале
1957-го в Баку на партийном съезде (начало оттепели!) как первый секретарь ком-
сомола республики, он предложил возродить забытые национальные игры («топ алды
гач», «ох атма», «гюляш», «дирэ дёймя», «ат чапамаг»), отмечать, как русские –
«масленицу», праздник Новруз-байрам, который не содержит в себе ничего рели-
гиозного. Предложения такие казались тогда донкихотством: Везиров Рахман рас-
сказал мне, что во время перерыва ему советовали «впредь не делать политически
незрелых заявлений». А первым, кто использовал данную ему власть, чтобы народ
официально – не таясь – отмечал Новруз-байрам, был Шихали Курбанов, – он очень
мало прожил, 41 год, – по его инициативе в короткую его бытность секретарём ЦК КП

Азербайджана по идеологии был снят официальный запрет на празднование Новруз-байрама, увы, на короткое время, с марта 1967-го по март 1969-го, и снова – запрет, введённый в памятные годы широко шагающего к коммунизму Азербайджана и отменённый лишь в 1989-м... Не могу в связи с этим не выразить негативного отношения к повсеместно укореняющейся моде вести отсчёт исторического времени в Азербайджане с 1969 года.

Мне представляется, что мало кто сегодня вспоминает Шихали Курбанова, хотя желал бы заблуждаться. Первая веха в его жизни – 1941-й: юнцом ушёл на войну, без царапинки вернулся – судьба, как у Булата Окуджавы... Потом вуз, русистика, «Пушкин и азербайджанская литература» на материале «Восточной элегии на смерть Пушкина» Ахундова; завотделом культуры ЦК, откуда турнули в 1958-м за «идеологические ошибки»: не сигнализировал в Центр о готовящемся включении в Конституцию в президентство Мирзы Ибрагимова статьи об азербайджанском языке как государственном; стал рядовым сотрудником Института литературы. Раболепствующие издевались над скинутым с высокого поста, но Шихали сумел переломить отношение к себе, занялся исследованием русско-азербайджанских связей, защитил докторскую, даже... открыл в себе дар драматурга, «сюжеты комедий в избытке даёт, – говорил мне, – наша реальность»... По истечении многих лет его назначили, случились такие неожиданности, аж секретарём ЦК по идеологии, и тотчас завиляли хвостами те, кто вчера измывались над ним, – я был свидетелем подобных пресмыкальств. Словно предчувствуя, что всесильная эта должность дана ему на короткий срок, Шихали спешил сделать что-то важное и существенное, с чем и связана его инициатива с Новруз-байрамом. Нелепыми были тогда запреты, кстати, на пасху тоже, которым никто не следовал: бытова программа концепция компартии, что социализм окончательно победит, когда ликвидируют в стране два пережитка, доставшиеся нам в наследство от феодально-капиталистического прошлого, – религиозные предрассудки и пьянство.

Поздравив меня по телефону с праздником, Шихали сказал: только что напомнил Рахману Везирову о десятилетней давности его выступлении в защиту Новруза. А через пять дней, в день премьеры своей пьесы с роковым названием «Без тебя», Шихали велел родным идти в театр, а он... на минутку заглянет к врачу снять зубную боль; и вот его ждут, публика волнуется, но как начинать премьеру без автора? А Шихали... – укол врача, шок: моментальная смерть!

Поистине, как сказано, ранние смерти «не всегда по понятным причинам»: случайность? злой рок? чей-то умысел?

Дерзостные вольности Мирзы Ибрагимова... – вдруг от пьянящего оттепельного воздуха сессия В/совета Азербайджана в августе 1956-го по предложению председателя Президиума, или Президента, Мирзы Ибрагимова проголосовала за поправку в Конституцию, дабы противостоять процессам ассимиляции, что «Государственным языком Азербайджана является азербайджанский язык».

Точно бомба взорвалась: что началось!.. Всплеск популярности Мирзы Ибрагимова и, естественно, глухое недовольство верхов. Тогда случались казусы: на одном из собраний Кара Каравея попросил говорить на удобном ему языке; но надо отдать должное великому композитору – признаваясь в слабом знании родного, сказал, что ему тяжко и обидно оказаться в таком положении; к Назыму Хикмету во время визита в Баку поступила записка: «Что думаете об азербайджанце-интеллигенте, который знает, но принципиально не желает на нём говорить?» Назым ответил уклончиво, вмешался Мирза Ибрагимов: «Такой человек, – сказал под гром

аплодисментов, – «аджлаф» («подлец»).

Своеволие завершилось оргвыводом – лишился президентской должности (хотя действо своё согласовал с непосредственным начальством – Ворошиловым, а ля Президентом всей страны). Впрочем, указы-поправки о государственном языке мало что значили: языковая ассимиляция была процессом необратимым. Так, при обсуждении брежневской конституции (часто меняется: у каждого главы – свои конституционные пристрастия) втихаря выкинули из некоторых республиканских конституций статьи о национальных языках как государственных. В Азербайджане и Армении пиллюю проглотили, а гордые грузины взбунтовались: интеллигенция выссыпала на улицы, блокировав здание ЦК, Шеварднадзе в панике позвонил Брежневу, того на месте не оказалось, позвонил Суслову: «Народ взбунтовался? Введите танки!» У Шеварднадзе хватило ума дождаться генсека: «Что? Хотят пункт о государственном языке восстановить? Так восстановите!» Потом центр, дабы «не обидеть» соседей грузин, предложил эти пункты и в их конституции вернуть, пустая ведь формальность: чем бы дитя ни тешилось!

В течение многих лет мы часто с Мирзой Ибрагимовым бывали в гостях у Азиза Шарифа, его друга (и переводчика романа «Наступит день») и моего научного руководителя по аспирантуре. Так совпало, что мы оба называли его Азиз-даи, «дядя Азиз»: он – полуший, ибо моложе на шестнадцать лет, а я – всерьёз, ибо моложе на тридцать четыре, и Азиз Шариф иногда усаживал именитого гостя в кресле... Мамедкулизаде Мирзы Джалила, – «Вы оба Мирзы!», – привезенное из Тифлиса-Тбилиси, оно было высокое, с прямой ковровой спинкой, сидение тоже ковровое, широкие подлокотники, для чаепития, очевидно. «Тебе, автору первой монографии о нём, «Великий демократ», и сидеть в этом кресле», – выспленно молвил А.Ш. Не помню, с чего, но вдруг Мирза Ибрагимов заявил: – Вот вы говорите, и я вам вторю, согласно кивая, про режим, всевластие безнаказанной жестокости, сколь долго терпеть... Но признаюсь, никак не оправдывая всевозможные культы, что многое ещё людей, – перевидал немало, оглянитесь кругом и увидите их, – которые утрачивают все человеческое, когда над ними нет разящего меча!

– Да, мыслишь диалектически! – ему Шариф.

Мирза смеётся: – Что иного остаётся потерявшему власть?

... Ещё из тогдашних моих записей.

К концу рабочего дня 10 марта 1965 года меня срочно зовут к Маркову, вхожу к нему в кабинет – он весь красный, побагровел аж, говорит по телефону с Баку, недоумевает: «Как убили?!» И – трубку мне: «Узнайте, что там у них в Баку стряслось?» Это Наби Хазри, секретарь СП, в панике кричит в трубку: «Убили Мехти Гусейна, прямо на заседании...» – и называет «убийца»: «Сулейман Рагимов!.. Мамед-Рагим!» Что за нелепость?! Марков мне: «Срочно летите в Баку!» Тут же новый звонок ему, уже по правительенному: Ахундов, 1-й секретарь ЦК. «Да, Вели Юсуfovич, знаем...». И мы с Виталием Васильевским, председателем Совета по азербайджанской литературе, кстати, переводчиком романа М.И. «Слияние вод», летим в Баку... ИЛ-18, сильная качка. Ночь. Встречает нас Юсиф Самедоглу. Холод. Ветер. Цепь новостей: заседание президиума долго шло, озлобленные нападки... Обсуждали дату съезда писателей, Мехти предложил декабрь, а полемисты – май, дабы скорее «избавиться» от него, а «грехи»: не обеспечил выход С. Рустама во 2-й тур претендентов на Ленинскую премию; С. Рагимов, что не поддержал его выдвижения на республиканскую

премию; «несправедливости» при распределении квартир; о докладе на съезде: те настаивали на содокладах – лишить его единоличного суждения о литературном процессе; о делегатах на съезд: выбирать из 3-х или из 5-ти? Мехти сказал: «По всем вопросам посоветуюсь с ЦК». Мамед-Рагим крикнул: «И мы пойдем с тобой!» «Нет, пойду я один!» – резко ответил Мехти... И в разгар спора – смерть. Наби Хазри тут же, на заседании президиума, ударил кулаком в грудь Рагимова, кто-то потянул Рустама за депутатский значок на петличке пиджака, крики ворвавшихся писателей: «Это вы убили Мюшфика! Гусейна Джавида!» Телеграммы генпрокурору Руденко, Вели Ахундову, в ЦК КПСС.

Утром были в доме Мехти. Истерика вдовы Фатьмы-ханым, говорящей сквозь слёзы, что якобы Сулейман Рагимов велел передать ей: «Пусть Мехти прекратит со мной интриговать, урейини партлатарам! [сердце его взорву]». Турецкое радио передало, что Мехти умер в результате «соз басгыны», «словесных атак». Слухи, что у кого-то из «недругов» Мехти на радостях играли музыканты.

Непривычная для Баку погода – снег, буран. Тело перевезли в Академию наук. Непокорная голова Мехти никак не ложилась прямо на подушку, я пробовал поправить, меня удивило, что голова теплая. Толпы и толпы... Всем хочется взглянуть на него в гробу: он уже знает больше нас, мудрость и вечность на челе. Во время гражданской панихиды плач в зале. При выносе тела Мирза Ибрагимов почувствовал себя плохо. Сел, попросил принести воды... После похорон (начальственно распоряжалась замминистра культуры Гюля-Гюльрух-ханым Алибекова) – поминки дома. Молодые хотят вручить петицию против С.Рустама, С.Рагимова и М. Рагима, их на похоронах не было, отсоветовали в ЦК идти, дабы не вспыхнула стычка, обстановка накалённая, между земляками (газахцами) Мехти и (гарабахцами) Рагимова. Потом были правительственные поминки с посещением кладбища. Страхнулся, это тоже в моих записях, слой снега с портreta.

Утром 14-го марта обед у Мирзы Ибрагимова, ему поручено возглавить Союз писателей, а вечером – к Фатьме-ханым, он, как мог, терпеливо утешал её, вспомнил раннюю смерть Самеда Вургана в 50 лет (а Мехти умер в 55 лет), «Надо жить, храня память...», что-то в этом роде.

Вышли от Фатьмы-ханым, и Мирза Ибрагимов мне... – то же, почти слово в слово, скажет мне по приезде в Москву Георгий Марков, точно подслушал собрата по перу: «По-дружески вам советую – не забывать, что вы кровно связаны со своей литературой, помните о завтрашнем дне республики и национальной литературы, вам в ней работать и жить, так что пишите отчёт один, по-совести, а Васильевский подпишет...». Что ж, дельный совет [особенно в контексте всё и вся отменяющего «завтра»].

P.S.

Компьютер, подчеркнув красным слово **«по-совести»**, предложил мне замену: **«по-советски»**. Как ни странно, это, рассмешив меня, никак не удивило: во-первых, из общественного обихода сегодня ушли слова совесть или честь, а по-нашему – намус, виждан... – понятия, которым, кстати, следовал в жизни Мирза Ибрагимов, а во-вторых, ещё не до конца изжиты, признаюсь, и у меня тоже советские пережитки в освещении и трактовке лиц и событий тех лет.

zigni4@gmail.com

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЯШАР БУНЬЯД

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Еще летают самолеты...

Рассказ «Еще летают самолеты...» стал в 2018 году победителем Международного конкурса рассказа, посвященного памяти Мир-Джалала Пашаева.

Проснуться утром рано
И стать ребенком вдруг.
Увидеть близких дома,
Ушедших тесный круг.

...Неужто вмиг исчезнут?
Запри-ка быстро дверь.
Пусть в комнате с тобою
Гостит твой новый друг.

Рамиз Ровшан

...Теплый ветер поцеловал меня в щеку, коснулся носа и губ, погладил кончик усов, наполнил наш маленький дворик пьянящим ароматом жареных каштанов, медовой пахлавы и халвы из сямени. Весь смак праздничных яств витал в воздухе города. Эти запахи я чуял с самого детства в маленьких крепостных двориках, стоявших впритык, в каждом камне крепостных стен, каждой щели мощенных булыжником улиц. Однажды буйный хазри принес вместе с собой чуждый запах – пороховую гарь. («Пусть те дни уйдут навсегда», – говорила бабушка). Он принес вместе с собой смятение, ужас и смерть, унес взамен молодых и крепких мужчин, а затем в двери постучались «письма-треугольники», но этот ветер не смог унести родной запах, впитавшийся в каждый камень Ичеришэхера...

Только-только наступило утро, ночью я и глаз не сомкнул. Сообщение, поступившее ночью на телефон, переполошило мои мысли, отогнало сон... Копаясь в собственной памяти, я бесцельно прохаживаюсь в одиночестве по безлюдной площади, но ничего припомнить не мог.

Гилавар, играя с соленым, пахнущим мазутом морским воздухом в узких переулках, вспугнул весенний туман, приникший к щербатым каменным стенам Крепостной площади; серебристо-фиолетовый туман осторожно сполз с Шемахинских ворот и растворился в шире Внешнего города...

Праздничное веселье закончилось еще вчера, но покрытые росой, точно жемчугом, деревянные киоски, где продавался антиквариат, ковры, сувениры, сладости и всякая снедь, покрытая брезентом сцена в южной части площади, гигантские колонки остаются на прежних местах. Покачивающиеся на весу разноцветные лампы чертят на влажной от росы брусчатке причудливые кляксы в духе Пикассо...

Одеть я легко, потому стало холодно. Я поспешил обратно домой. Может, снять с полки какую-нибудь скучную книгу и заснуть за чтением? Я переворошил библиотеку, но ничего скучного найти не смог... Налил себе чашку холодного кофе и вышел на балкон. Заснуть всё равно не получится.

Я оглядываю темную улицу. Дома в нашем тесном квартале стоят впритык друг к другу, как неразлучные друзья, словно танцуют яллы вдоль кривого туника. Извивающиеся переулки столь тесны, дома стоят столь близко друг к другу, что, без всякого преувеличения, крыша соседнего дома находится на расстоянии вытянутой руки. Дед говоривал, что именно эта близость причина тому, что обитатели Крепости живут сплоченно, словно члены одной семьи... Я вижу собственное отражение в широком окне жившего напротив соседа, который уже два года, как переехал в Германию. На меня смотрит уставший, утомленный человек...

Я вернулся в комнату. Вдруг дом слегка затрясло. Значит, уже шесть часов, заработало метро... Метро – подземные куранты Ичери шахера. Почему-то порой мне кажется, что в тех зданиях, под которыми проезжают поезда, не бывает курантов...

Я лег на диван и включил телефон, перечитал сообщение, пришедшее на WhatsApp: «Сладкий гогал и Джыртдан». Перед тем, как спуститься во двор, я перечитал его без малого раз пятьдесят. Долго ломал голову, но понять ничего не мог. Какой гогал?.. Какой Джыртдан? Да и на праздничную шутку в Новруз-байрам это неподходило... Кто это собрался меня доконать?! Этого еще не хватало!.. Ни номер, ни код мне незнакомы. Я перезвонил, но никто не ответил. Я написал сообщение, спросил «Кто это?».. Но мне не ответили.

Сначала я заподозрил Рауфа. Он знал, что сейчас вся моя семья в Стамбуле. Наверное, хотел подшутить надо мной. Не к лицу ему это, не по годам, но такие шуточки он любит с детства. Я позвонил ему, но он стал божиться, что понятия ни о чем не имеет. Я поверили, потому что он поклялся могилой своей матери... Так кто же это мог быть?

«Взять бы сейчас и спуститься в метро, сесть в вагон, прокататься пару часов туда-сюда и отоспаться заодно, а о гогале забыть... Многие ведь отсыпаются в метро». Почему бы и нет! Я оделся и вышел... и вдруг обнаружил себя в парке имени Вахида, на месте бывшего дома тети Бясти. Оказывается, для того, чтобы вернуться в детство, не нужны ни летающий ковер, ни птица Симург. Достаточно захотеть этого, отрешиться от всех забот и проблем и вернуться в те годы. Хотя бы на миг... Кажется, нежданное сообщение пробудило мою память и теперь вело меня вслед за воспоминаниями, притаившимися в каждом уголке чудной и родной Крепости...

Я помню всё: старое тутовое дерево, приникшее к потрескавшейся стене дома на углу кособокой улицы, полуразвалившуюся железную кровать под этим деревом, стоящий чуть поодаль большой котел для кира с растопкой, ржавую железную лестницу, свисающую с крыши двухэтажного дома, виноградные побеги, обвившие эту лестницу, птичник Садуллы, получившего восемь лет за то, что ударил ножом студента из района, который «плохо посмотрел» на соседскую дочь, покрытую тентом «летнюю» будку мороженщика Шафикиши, оглушительный рокот моторов и скрежет тормозов, доносящиеся с автобусной остановки между станцией метро и крепостными стенами...

...Мы с моим двоюродным братом Салимом были сверстниками, потому я всё свое время проводил с ним, домой приходил только спать. Будь моя воля, я бы всё лето провел у тети. Отец и мать уже устали меня упрекать. «Вагиф, родной, заходи

иногда к себе домой»... После этих полушутилых-полусерьезных слов бабушки я, застыдившись, стал приходить домой вовремя, когда звучали позывные программы «Время». Я знал, что стоит бабушке обидеться и – не видать мне денег на мороженое и кино!..

За исключением полуденного пекла, все наши дни проходили на крыше у Салима. С нашей крыши даже Девичья башня не была видна, а с их крыши море смотрелось как на ладони. Отец Салима поднял на крышу старую железную кровать, побросал на нее видавшие виды матрац и подушки, из которых выбивался пух... Под колесики кровати он подложил обернутые в промасленные страницы «Огонька» деревянные бруски, чтобы колесики не продырявили кир. Белый шаны, добравшийся до самой крыши, так широко раскинул свои побеги, что полностью покрыл чердак над кроватью, да еще и частью на улицу свесился. Душными ночами кровать принадлежала отцу Салима, а днем находилась в нашем распоряжении. Лежа на кровати и глядя на море, мы представляли, что находимся на широкой палубе корабля, бросившего якорь на берегу древней, неприступной крепости. Бескрайнее небо над головой, синий Хазар вокруг, белые чайки, серебряные волны... гордая Девичья башня... дворец Ширваншахов... устремившиеся ввысь минареты... точь-в-точь как в сказке Синдбада! Ветер играл накрахмаленными простынями, которые тетя развесила сушиться, и тогда крыша превращалась в настоящую парусную лодку, оторвавшуюся от берега и устремившуюся в ширь моря...

Я передумал спускаться в метро.

На мгновение я закрыл глаза. Казалось, что тот дом, снесенный тридцать восемь лет назад по причине аварийности, стоит на прежнем месте. Тетя Бясти зовет Салима, меня и Пакизу со двора: «Жарко, идите домой»... Казым киши и дядя Агасефер играют под тутовым деревом в нарды, попыхивают папиросами, попиваются крепкий чай. Раньше мне казалось, что эти мужчины живут здесь же, под тутовым деревом, ведь они там в любое время суток... Все дворовые ребята, завидев Шафи киши с «будкой» на колесах, мчатся домой за деньгами на мороженое... В ноздри мне ударяет запах кира, размягченного от жары... На веревках для сушки белья покачиваются белые простыни... Я чувствую на пальцах и губах сок хартуга... Так захотелось мороженого. Побежать бы домой, за деньгами...

Прежде чем снести тетин дом, государство выделило ее семье четырехкомнатную квартиру. На Ясамале. Помню, дядя Джрафар поймал «ЗИЛ», и весь двор, от мала до велика, помогал грузить вещи. Мы так радовались! А больше всех – Салим и Пакиза. Ведь они переезжали в новую квартиру... Лишь тетя и дядя Джрафар выглядели расстроенно. Мы своим детским разумением еще не могли понять, сколь тоскливо покидать родной очаг. Тогда я впервые увидел, как горько плачет тетя Бясти. Моя мама не переставала утешать свою сестру, но поток ее слез не прекращался. «Как я буду там жить?», – не переставала спрашивать тетя, будто Ясамал находился за тридевять земель.

Теперь я думаю: как хорошо, что когда бульдозер безжалостно сносил дом, тети там не было. Этого бедная женщина, наверное, не выдержала бы...

Весеннее солнце скupo греет воздух.

Я медленно спускаюсь вниз по Кичик Гала. Дойдя до бани Ага Микаила, я вспомнил деда. Каждый раз, смотря фильм «Не та, так эта», покойный говорил: «Моя, дядина, отцовская свадебная баня, как у Мешади Ибада, состоялась здесь. Вагиф, сынок, я поклялся, если доживу до твоей свадьбы, пущусь в пляс и сам дам банщику

червонец»...Бедный дедушка, не дожил до моей свадьбы. Да если бы и жив был, всё равно не воплотил бы мечту, потому что в год моей свадьбы баню закрыли на ремонт, искупаться мы пошли в «Фантазию».

Я ступаю вперед и провожу, как и дед, пальцами по щербатым камням, чувствуя тепло. Он говорил, что эти камни впитали тысячелетний жар. Правду говорил дед.

Прежде Ичери шэхер не знал такой сутолоки. Мы заходили в одни крепостные ворота и выходили через другие. Я вижу крыши, откуда мы запускали воздушных змеев, улицы и переулки, где мы играли в прятки и в войнушку, и осколки детских воспоминаний несут меня вслед за собой.

Я спустился по ступенькам в полутемную тесную уличку, пошел дальше по извивающимся лабиринтам переулков и остановился, дойдя до мечети Сыныг-гала. Если не ошибаюсь, в ближайшем доме жил мой одноклассник Джрафар. Теперь он большим человеком стал. Работает в нефтяной компании. Слышал, что дом он продал.

Я прошагал чуть вперед. Кажется, в доме шел ремонт. В прежние времена окна этого дома, чьи стены и низенькая крыша были увиты плющом, всегда были распахнуты, и вся улица пропитывалась запахом жареных кутабов и пирожков. Моя бабушка брезговала «противным» подсолнечным маслом, потому пирожки у нас никогда не жарили. Когда нам хотелось пирожков, мы тайком сбегали к углу центрального гастронома, покупали горячие пирожки с печенкой и картошкой и, конечно же, шатались по городу, жуя жвачку «Джыртдан», чтобы отбить запах подсолнечного масла и не выдать себя дома. Удивительно, но Джрафар, у которого дома постоянно жарили пирожки и кутабы, налетал на купленные нами, говорил, что они вкуснее, чем домашние. Только потом мы узнали, что днем мать Джрафара работает уборщицей в музее, а по вечерам готовит пирожки и кутабы по заказу какого-то кафе. Конечно же, тайком – такие дела в то время считались преступлением. Ведь оставшаяся без мужа женщина должна была кормить большую семью...

На улице Бёюк Минарэ у моего друга ковровый магазин. Наверное, он уже открылся, подумал я, дай-ка проведаю, поздравлю с праздником, а потом спущусь на бульвар. На подходе к Базарной площади на мой телефон пришло сообщение. Это была старая фотография. Я внимательно ее разглядел. Кажется, мы сфотографировались у дверей Рауфа. Выцвела, будто под солнцем, лица различить трудно, но я узнал всех. «Боже, а у меня даже нет этой фотографии». Нам по четырнадцать лет. Прислонившийся к дверному косяку и скрестивший на груди руки – Рауф. Рядом с ним стою я. Надменно улыбаюсь. Офа (Офелия) выглядит, как Наргиз из фильма «Бродяга», улыбается, приложив палец к щеке, только сари не хватает. Салим присел на ступеньке с кожаным мячом под мышкой, точно Банишевский. «Ну и ну... шельмец... До чего смешон»...Фирангиз обнимает стопку книг, которую держит на коленях. «Фира теперь доктор»... Рядом с ней... Лала. Она улыбается, опираясь подбородком на футляр скрипки... А Агасемид в кадр не попал, ведь фотографировал именно он...

Значит, сообщение прислала Лала?! Прошло ровно тридцать лет... Не забыла, значит...

...Ее отец был знаменитым нефтяником. Через неделю им предстояло переехать в Тюмень. Навсегда. Я не хотел, чтобы она уезжала. Она знала, что нравится мне. Неожиданно я предложил ей попросить у меня чего-нибудь. Всё, что пожелает... Интересно, чего, думал я, может попросить девочка четырнадцати лет у мальчика, ко-

торого она больше не увидит и, возможно, забудет навсегда? Я столько всего предполагал!.. Но когда она сказала, что хочет посмотреть на восход с Девичьей башни, я в удивлении уставился на наивную девочку. Мне хотелось сказать, что это невозможно, но я передумал ее разочаровывать.

– Ты никогда не видела восхода солнца? – спросил я.

– Нет, – ответила она, – я всегда опаздывала. Я ведь соня...

Я объяснил, что Девичью башню запирают на ночь, а открывают утром, после восхода. Ведь башня – музей. Значит, на восход надо смотреть с другого места. Например, с крыши вот того высокого здания, с последнего ряда «Зеленого театра» или же из Нагорного парка. Там еще выше. Ты станешь первой, кто увидит, как Солнце согревает своими золотыми лучами море, город и саму Девичью башню... Если хочешь... хочешь, я отведу тебя туда.

– Хочу.

... В утренних сумерках, ничего никому не говоря, мы выбежали из дома и бежали до самого памятника Бахрам Гуру. Казалось, в огромном городе не было никого, кроме нас, а то легко было бы принять нас за сумасшедших. Мы поднялись по ступенькам вдоль фуникулёра и встали лицом к лицу с Хазаром. Оба запыхались. Немного спустя мы увидели проблеск там, где море сливалось с небом. Это было рождение нового дня. Чарующее зрелище! Казалось, какая-то гигантская невидимая рука с небес медленно-медленно покрывает гладь моря сусальным золотом. Я обернулся и взглянул в глаза Лалы; в ее глазах сияло золотом Солнце. Через десять-пятнадцать минут солнечный покров окутал ее целиком...

Она взяла меня за руку. Ладонь ее горела. Я тоже был взволнован. Вдруг она обняла меня. Глядя на море, целующееся с солнцем, она обвила мою шею руками. Я растерялся от неожиданности. Колени мои дрожали. Она так крепко прижалась к моей груди!.. Мои губы коснулись ее щеки. Она закрыла глаза, наполненные пламнем солнца. Не знаю, нарочно или нет, но когда она повернулась влево, ее губы впились в мои... Я вздрогнул и отпрянул. Ее щеки алели, как маки...

Возвращаясь, мы нашли в парке забытый кем-то сверток. Раскрыли его и увидели внутри разломанную, но нетронутую булку с повидлом и тоненькой книжку – сказку «Джыртдан». «Судьба», – сказали мы и съели булку. А книгу Лала пообещала сохранить в память об этом дне. Она выглядела такой счастливой! Я не знал почему: то ли потому, что увидела восход, то ли потому, что нашла забытую кем-то книгу сказок, то ли потому, что донесла до меня свои чувства, которые скрывала до этого дня...

В тот день отец, человек строгий и консервативный, впервые поднял на меня руку. Видимо, по его мнению, я совершил нечто постыдное. Не будь бабушки, на мне живого места не осталось бы. Лалу тоже не выпускали из дома до самого отъезда...

«Я пришел на вокзал проводить тебя раньше всех. Но подойти к вагону не осмелился. Стоя в сторонке, я украдкой наблюдал, как вы прощаетесь с близкими и родными. Я увидел, как ты вошла в купе раньше родителей, просунула голову в полуоткрытое окно и стала оглядываться по сторонам. Мне так хотелось оказаться рядом с тобой... Прости... Если бы ты не уехала...», – я хотел было написать всё это ей, но в эту минуту пришло голосовое сообщение:

«Вагиф, привет! С прошедшим праздником! Узнал? Может, ты давно уже меня позабыл... Мой голос немного огрубел. Наверное, от здешнего мороза... Помнишь тоненькую книжку? Я имею ввиду «Джыртдана». Эта книга всё еще у меня. Раньше я

часто читала ее дочке, а теперь внуку Руслану. Без сказок он, негодник, не засыпает... Да, твой номер я попросила на симпозиуме у Тамерлана, твоего аспиранта. Не обижайешься? Он сказал, что ты откомандирован в Африку и его прислали вместо тебя... Он столько рассказывал о Баку, родном Ичери шэхере, твоих успехах!.. Тогда-то я и поняла, что, оказывается, мир совсем мал, Вагиф, точь-в-точь, как наш Ичери шэхер... Слышала, у тебя прекрасная семья. Я за тебя рада... Да, чуть не забыла, конечно, я б давно тебе сказала, будь у нас связь: я же видела тебя в тот день... на вокзале... Не могу поверить, что с тех пор прошло ровно тридцать лет».

Я чувствую ее дыхание. Будто она рядом. Она выдерживает долгую паузу, словно обдумывает предстоящие слова. Когда начинает снова говорить, я чувствую, что голос дрожит.

«Я так скучаю по Баку, по Хазару!.. Знаешь, и здесь восходит солнце, но не греет. Это странно, но мне всегда казалось, что здешние морозы я перенесла благодаря теплу, которое впитала в Баку...»

Ее голос раздался так близко! Будто вот-вот она выйдет из-за угла, раскроет объятья и крикнет во весь голос «Ва-гиф!». Крикнет так громко, что вздрогнет весь город. Держась за руки, как дети, мы поднимемся наверх, к свету, по спиральной лестнице Девичьей башни, обрадуемся, как младенец, впервые увидевший море. Было бы желание, остальное осуществимо: достаточно купить билет, чтобы сократить разделяющее нас расстояние. Еще летают самолеты...

Я обернулся на петляющую дорогу, ведущую к Караван сараю. Раза два обошел Девичью башню. Стал присматриваться к туристам, сошедшим с автобуса на проспекте Нефтчиляр. Закружилась голова. Вот бы не ошибиться. Ведь мир так мал, точь-в-точь, как Ичери шэхер...

ВЮСАЛ НУРУ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Ильда

рассказ

Моя жена Ильда испортилась вчера ночью. Я пытался над ней до самого утра, пытался починить, но ничего не вышло. Эх, хоть бы глаза открыла, произнесла хотя бы слово... Я чувствовал себя немножко убийцей. Я просидел у окна до самого утра. Кровь застыла в жилах, мозги не работали. Мне захотелось горячего чаю.

– Ильда, принеси чай, – по привычке крикнул я, не вставая с места.

Я впервые ощутил, как мне не хватает Ильды. Я ощущал ее отсутствие. Захотелось расплакаться, не вышло, но я очень сожалел. И вправду, я выглядел очень удрученно. Не знал, как и где налить себе чай. А еще ведь есть обед, стирка одежды, глажка, чистка обуви... Куча всяческих дел, с которыми справлялась одна Ильда. Ни в одном из них я не разбирался. Пока я не переставал обо всем этом размышлять, мне чудилось, что в мозгу перегорают провода. Оказывается, Ильда своим присутствием заполняла самую большую пустоту в моей жизни. То есть, она была важнейшей частью в центре моей жизни. Я чувствовал себя чем-то вроде прибора, у которого сели батарейки. Не стесняюсь признаться, что не понимал этого до вчерашнего дня.

Без нее я был никем. Сидя сегодня в кресле у окна и глядя на посаженные Ильдой в саду цветы и деревья, я чувствовал себя глупцом. Все мои внутренние органы, мозги, мышцы каждую минуту всё отчетливей напоминали мне об ее отсутствии, бунтовали против меня. Чай следовало уже выпить, время упущенное. И даже завтрак я уже пропустил. В это время я уже должен был сидеть на балконе и заниматься через компьютер финансовыми операциями, Ильда должна была принести мне кофе с ломтиками шоколада, а я, закинув ногу на ногу, потягивать кофе и работать.

Вот бы случилось чудо и заработала бы Ильда, принесла бы мне телефон, а потом уже завалилась бы на бок. А я позвонил бы парочке людей и узнал бы, как ее починить. У нас такое отсталое общество, и речи не может идти о развитии технологий. И за что это платят инженерам? Почему какому-нибудь умнику не изобрести телефон с голосовым управлением? В такой вот ситуации я подозвал бы телефон, и тот побежал бы, как собачка, а я управился бы, не вставая с места.

Ах, Ильда, Ильда... знал бы, что ты меня подведешь, не стал бы покупать. Но мне говорили, что она дешевая модель. Мог бы взять получше, только, признаюсь, поскупился. Теперь мне назовут заоблачную сумму, чтобы починить эту женщину.

Было непросто, но я встал и взял телефон. Долго держал трубку в руках. Ильда в такую минуту тут же сказала бы, кому позвонить, избавив меня от раздумий. Странное дело, как только перестала работать Ильда, и мозги мои перестали работать; я не мог вспомнить ни одного друга. С другой стороны, мешал думать голод. Я готов был сожрать телефон. Телефон... За левым ухом Ильды записан номер компании. Ильда, вот бы ты могла заглянуть за свое ухо и продиктовать мне номер, я вызвал бы инженера из сервиса, стоя там, где стоял. Мне пришлось вернуться в комнату. Она продолжала лежать на кровати в той же позе. Мне вправду было очень тоскливо видеть ее в таком положении: ну почему, спрашивается, испортилась на ровном месте эта женщина, вынуждая меня прибегать к лишним тратам? Я перевернул ее, увидел записанные мелким шрифтом цифры на ее шее и набрал номер. Ожидание давалось тяжело, мне хотелось, чтобы, как раньше, за меня говорила Ильда.

– Здравствуйте. Наконец ответили. Моя жена испортилась. Вчера ночью. Что делали? А чем еще занимаются ночью с женщиной в постели? Да. Нет, вдруг остановилась. Ни одна функция не работает. Ни одна. Нет, в женщинах я особо не разбираюсь... Вместо того, чтобы выводить меня из терпения своими неуместными вопросами, пришлите лучше инженера. Да, гарантия давно закончилась. Я должен привезти? Но почему? Я купил эту женщину в вашей компании, вы и присылайте инженера для ремонта... Вы очень грубы.

Не помню, куда швырнул от злости телефон. Что за компания? Вы должны нести ответственность за свою продукцию! Они еще перечить смеют: «У нас много заказов, сами привезите»... Как бы я ни нервничал, я понимал, что без Ильды моя жизнь совершенно бессмысленна. Я не могу задохнуться и умереть в этой бессмысленности. Надо продолжать свой путь. Это мучительно, но всё-таки надо отвезти ее в компанию. Другого выхода нет. Я одел Ильду. Аккуратно причесал каштановые волосы. Я даже не думал, что причесывать женские волосы настолько сложно. Попытался сделать макияж. Стирал помаду несколько раз, снова наносил. Не получалось, потому истер окончательно. Удивительно, Ильда была прекрасна и без всякого макияжа.

Хорошо, что она, по сравнению с некоторыми, не отличалась размерами. Да, она была высокой, но стройной, так что мне удалось с огромным трудом выволочь ее из квартиры и усадить в машину в гараже. Ильда впервые сидилась на сиденье рядом

со мной, если это вообще можно было назвать «садилась». А я впервые видел ее такой спящей, если это вообще можно назвать сном. Ее голова склонилась на левое плечо, каштановые волосы прикрыли оголенные плечи. Я перекинул через ее плечо ремень безопасности, из-за чего ее грудь обозначилась еще четче. Каким же идиотом я был! Никогда не обращал внимания, эта женщина будоражит меня даже за ремнем. Знать бы это раньше и кататься вот так вот с ней, и бросать на нее время от времени пламенные взгляды. Вот так вот позволить бы ей спать рядом со мной. Интересно, все женщины прекрасны во сне или только Ильда это к лицу? Почему я всегда ложился раньше нее? У Ильды были и другие функции. Я поцеловал ее в губы. Ах, как сладко. Я никогда не обращал внимания на то, что она настолько прекрасна.

Я утвердился в мысли: как бы это ни было сложно, я ее отремонтирую и верну домой. Никто не заменит Ильду. Именно с этой целью я переступил порог компании.

Из лаборатории привезли носилки и осторожно увезли Ильду. Я заполнил электронные бланки с глупыми вопросами и спустился в лабораторию. После техосмотра мне должны озвучить сумму. Там, внутри, над ней работают, вроде бы, двое инженеров. Скоро результат появится на мониторе над дверью. Я принялся ожидать, как и все остальные. Ожидание – штука противная. Ильда никогда не позволяла мне томиться в ожидании. Время шло, и желудок мой сводило от голода. Пускай скорей починят Ильду, а она уж точно найдет, чем заморить червячка. Со вчерашней ночи маковой росинки во рту не было. Болит голова, чувствую слабость. Когда терпенье готово было лопнуть, я наконец-то увидел на мониторе имя Ильды и прочел результат осмотра: «Устройство **Ильда** перегружено, ее искусственный интеллект вышел из строя, от напряжения сердечный аппарат сильно поврежден...» Плохие новости. Что же с ней стряслось? Как только главный инженер вышел из лаборатории, я побежал к нему:

– Когда она будет готова? Мне срочно нужна женщина. Я с вечера ничего не ел.

– Вы должны заключить контракт, – ответил он. – Устройство нужно оставить у нас на неделю для починки.

– Что? Целую неделю? Да знаете вы, что говорите? Через неделю она мне не нужна. К тому времени я отдам концы. Мои органы вынут и пристроят другим.

– Господин, вы пользовались женщиной очень неаккуратно и даже, позвольте сказать, грубо. Хотите, я покажу вам все ее испорченные детали? Вам следовало бы учесть, что детали женщины очень нежны.

– Понимаю, вы говорите всё это, чтобы набить цену, дурите меня.

Голова разболелась. Будь моя воля, я бы придушил стоящего перед собой человека. Он держал меня за дурака.

– Это совершенно не так, господин. Мы заглянули в два оставшихся процента ее памяти. Вы бесперебойно пользовались ею во всех сферах...

– Во-первых, у вас нет разрешения смотреть в ее память. Там находится личная информация. Это незаконно. А во-вторых, если женщина непригодна во всех сферах, то зачем она мне вообще?

– Вы, наверное, невнимательно читали электронный бланк. Вы своей подписью дали согласие на доступ к памяти женщины.

Я смущался.

– Терпения читать не хватило. Мне всегда читала Ильда... Как быстро вы можете мне ее вернуть?

– Как я уже говорил, через неделю после заключения контракта. Да и то, если

найдутся все детали. Она – старая модель. Сейчас непросто найти ее детали. Не знаю, может быть есть на рынке бэушных женщин?!

– Выходит, я должен сидеть и ждать?

– Если есть вопросы, обращайтесь в регистратуру. Мой лимит на разговор с вами закончился.

Когда он повернулся и ушел, мне захотелось дать ему такого пинка, чтобы он кубарем с лестницы скатился. Целая неделя...

Я поднялся и сел перед девушкой из отдела, высказал ей в лицо все свои вопросы и требования вперемешку со злостью. У меня было одно требование: пусть инженеры отложат все свои дела и починят Ильду! Я не хотел оставлять ее здесь. Я разошелся и раскритиковал компанию за медленную работу. Хорошо, что в девушке отсутствовала функция ведения спора. На все мои реплики она отвечала искусственной улыбкой, старалась молчать и выслушивать до конца.

– Ну не смогу я обходиться без женщины целую неделю, – устал повторять я одно и то же.

– Может предложить вам новых женщин. Последние модели.

– Они тоже хорошо готовят и занимаются любовью? – пришлось мне невольно спросить.

– Это умеют все женщины.

Я задумался и понял, что будет немного сложно привыкнуть к новой женщине. Пока она меня узнает, я отдам концы. А с Ильдой мы друг друга понимали идеально. Я никогда ничего не повторял для нее во второй раз. Порой она читала все по глазам. Да и дополнительных расходов у меня на нее не выходило.

Я осмотрел предложенных женщин. Да, среди них были красивые: лицо, глаза, взгляд, рост, тело... Одна была даже красивее Ильды, я не мог от неё отвести глаз. Крутя пальцами ее трехмерную модель, я страстно рассматривал все ее укромные местечки. Однако цена превышала мой бюджет. И тут меня посетила мысль: кто даст гарантию, что отремонтированная женщина снова не испортится? Один раз подвела, подведет и во второй. Гарантийный срок вышел. К тому же очень давно, примерно три месяца назад. Но новенькая – другое дело. Золотая гарантия на пять лет. Если что-нибудь случится, доставлять ее сюда нет надобности, за ней заедут, заберут, починят и вернут в тот же день. Все свои дела я могу проворачивать, сидя в кресле. Жена будет дома до самого ужина. Пользуйся, как душа пожелает...

– Вы покупаете использованных, испорченных женщин? На запчасти. Я хочу купить эту женщину. – Я подсчитал в уме, что если Ильду возьмут за нормальную цену, плюс продам машину, то нужную сумму поднабрать смогу.

– Покупаем. – Я, услышав эти слова, впервые за сегодняшний день обрадовался. Девушка прошлась тонкими пальцами по монитору, просматривая особенности Ильды и подсчитывая ее стоимость. Я ждал в нетерпении. Наконец ее губы зашевелились. Платье на Ильде стоило в два раза дороже, чем сумма, которую она озвучила. Будь я уверен, что меня не арестуют, я дал бы увесистую пощечину девушке, схватил бы ее за волосы и бил бы головой об стол, пока глаза не выскочат. Нервы шалили, хотелось выпустить пар, но девушка продолжала улыбаться.

– Если денег не хватает, можете принять предложение компании о кредите. – Она тут же раскрыла передо мной пакет предложений. Я внимательно просмотрел условия. Еще раз бросил взгляд на женщину. У меня и вправду слюнки текли. – Эта модель женщин новая, – продолжала тараторить девушка. – Волосы, глаза – нано-

технология, можете поставить любой цвет. В зрачках алмазы, они всегда сияют. В память встроены тридцать два языка. Вы в этих странах можете обходиться без переводчика. Два раза в год она может рожать. В период беременности никаких трудностей не создает. Даже в этот период она будет справляться со всеми вашими поручениями. Она может думать...

– Погодите, погодите! Что вы сказали? Она может думать? – это мне не понравилось. – Что за глупая функция? Какой это умник решил ее добавить? Разве женщина должна думать?

– Она предназначена для мужчин, занимающихся научной работой. Она, не думая, отвечает на все правильно поставленные вопросы. Ведет дискуссии на политические, общественные, экономические темы, излагает лучшие предложения и мнения.

А что, не так уж и плохо. Я ведь застреваю иногда на некоторых экономических вопросах. Хорошее предложение может принести успех. И то, что она может рожать, мне очень понравилось. Вот это настояще новшество! Пополнение... Я люблю пополнение. Как только ребенок чуток подрастет, его можно гнать на работу. Прибыль, которую он принесет, покроет расходы на мать. И в итоге жена обойдется мне задарма.

– Снаружи очередь. Отведенный для вас лимит заканчивается. Господин, решайтесь. Либо подписывайте контракт, либо забирайте жену.

Когда продают – щебечут соловьем, безлимитно, а когда у тебя к ним претензии – клещами каждое слово вытягиваешь. Даже подумать толком не дадут. Я искал варианты, как мне не загнуться без жены в течение недели. Целую неделю не заниматься любовью... Это хуже смерти. Понимаю, мне полагается наказание за убийство жены. Но еды-то меня зачем лишать... Ах, Ильда, мой блок питания!

Я подписал контракт и встал со стула. Тут же с моего счета перевели деньги на счет компании. Крупную, очень крупную сумму. Я пообещал себе, что это станет мне уроком. Когда жена выходит из строя, это обходится мне дорого, надо быть нежнее. Глупо каждый раз тратить такие деньги. Пока я готовился выйти из здания, привезли новую жену. Ее белоснежная кожа, золотистые волосы, голубые глаза... От волнения сердце готово было выскочить из груди. Я тут же переименовал ее в Ильду. Для меня все женщины – Ильда.

– Сделайте так, чтобы она сразу поняла весь мой характер, желания, требования. Можно? У меня нет времени вводить ее в курс дела, – сказал я парню, который ее привел.

– Можно. Сядьте перед ней дома. Возьмите за руки и позвольте проникнуть в ваш мозг...

– Нет, нет... Это чересчур, – решительно возразил я. – Лучше я сам ей всё объясню. – Зачем женщине проникать ко мне в мозг?

Мы вышли из здания в обнимку с новой женой, направляясь в сторону автомобиля. Тут к нам подошел рослый грузчик с Ильдой на спине. Он швырнул ее в багажник.

Первое же предложение новой жены пришло мне по душе. Мы везли бывшую продавать на базар.

ХАНАЛИ КЕРИМЛИ

Песнь саза

Песнь саза,
Тысячу лет
Ты друг нашей душе!..
Песнь колыбельная,
Лучше коей нет!..
И в горе, и в радости
Моего народа
У тебя просили совет!..
Мы в тебя влюблены,
Погружены
В сладкие грёзы...
Может, потому
Родина наша
В руках врагов
Проливает слёзы?!..
Почему твой напев
Не пробудил нас?!..
Сотни лет мой Юг,
Север мой
Устремляет свой взор
Через границы.
Почему твой стон,
Твой плач не ослепил
Наших очей зеницу,
Не позволил к себе возвратиться?..
Или чудо от Бога
Сможет нас пробудить,
Сможет к себе возвратить?!..
Не верю... не верю,
Что что-то, кроме тебя,
Может нас исцелить,
Наш удел облегчить!
Песнь саза!
Принеси нам весть,
Верни Шаха Хатая честь,
Пусть навеки
Раздается твоя
Изумительная песнь!..

Мир в моих ладонях

Сижу в комнате,
В четырех стенах,
Совсем один.
Но не теряю
Надежды,
Даже если есть сотня причин.
Воспоминанья заходят с тыла,
Вспоминаю всё, что было...
Мысль парит,
Возносится к вершинам,
Будто горный воздух
Врывается резко,
Летят занавески.
В течение мига
Становлюсь стариком,
В горле стоит ком.
Но не стар я пока,
Не дрожит рука.
Вечер жизни настал,
Тело горит в аду,
А душа – в райском саду.
На крыльях грезы
Лечу на край света.
И по пути
Вижу слезы, слышу обеты.
Хоть и сижу в четырех стенах,
Мир поместился в ладони,
Словно точка.
Ради точки одной
Писал свои строки,
Искал я истоки.
От этой точки
Держу я путь
К себе самому,
Пытаясь познать свою суть.
От этой точки
Не отклонюсь ничуть.
Я тоже частица
Среди точек других,
Среди близких, чужих.
Ни в начале я, и ни в конце,
Но Вселенной я цель,
Сам к себе идущий.
В точке той воплощен
День мой грядущий.

Боже

**Боже, друга мне пошли,
Горе гложет душу мне.
Не могу о них поведать,
Становлюсь я глух и нем.**

**Так устал я сам себе
Вторить, сам с собою спорить.
В одиночестве горю я,
Жизнь моя сплошная горесть...**

**Чуждой стала мне природа,
Не могу я ей раскрыться.
Укажи мне место, Боже,
Где бы удалось мне скрыться.**

**Может, мною недоволен,
Нет в устах моих хвалы.
Кто же стерпит эту боль?
Твердость здесь нужна скалы.**

**Знай, тебе я благодарен,
Лучше всех меня ты знаешь.
Стынет в жилах моя кровь,
Всё с улыбкой ты встречаешь.**

**Мы с тобою одиноки,
Ты на небе, на земле я.
Жаль, что не могу никак
Нашу боль унять, развеять...**

**Боже, друга мне пошли,
Чтобы горе разделить.
Или же к себе возьми,
Душу я хочу раскрыть.**

Здесь убита человечность

Из цикла «От себя к себе»

**Все стихи сейчас впустую,
Где же наша человечность?
Кто же здесь поймет поэта?
Жизнь пройдет, она не вечна.**

**Пишешь кровью ты стихи,
Страстно их читаешь всем.
Но вот только твои строки
Стали вдруг совсем ничем.**

**Истину никто не слышит,
Тут впустую и стихи...
Мы забыли человечность,
Помним? Нет?.. свои грехи.**

**Есть мечта, греза поэта:
Пусть стихи очистят мир.
Ты забудь о белом свете,
Помни тех, кто наг и сир.**

**Если совесть умерла,
Будут мертвыми слова.
Напиши хоть сто поэм,
Ждет тебя один провал.**

**Потерял наш стих упругость,
Каждый третий – рифмоплёт.
Настоящий где поэт?
Пусть лишь он стихи поёт...**

**О поэты, где же вы,
В вас нуждается народ!..
Разве судный час настал?
Здесь убита человечность,
Вместе с нею весь наш род!**

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ПОЭТ, ЧУТКО ОТНОСЯЩИЙСЯ К СЛОВУ

Поэт, литературовед, член СП Азербайджана с 1998 года, доцент Нахчыванского государственного университета Ханали Керимли (Ханали Аббасали оглу Керимов) – автор стихотворных книг «В лунном свете» (1998), «Письмо от матери» (2001), «Ещё одна сказка» (2004), «Мне так мнится...» (2008), «Мое сердце как океан» (2011), «Осенние чувства» (2013), «Ehlet taş» (2019, Турция, Стамбул). Его стихи переведены на русский, английский, французский, тюркский и персидский языки, творчеству посвящены литературно-критические труды «Письмо поэту» (2007), «Алинджинская крепость слова» (2011), «Сказка одной жизни» (2013) и «Свет поэтической жизни» (2016), где обстоятельно исследуются аспекты поэтической деятельности поэта, где содержатся критические статьи и рецензии на его поэтические сборники известных литературоведов и соратников по перу.

Поэт родился 27 ноября 1951 года в селе Махмудоба Шахбузского района. Здесь не только духовные, но и земные его корни, тут жили его родители, деды и прадеды, прошли его детство и юность. Природа родного села и величавые горы Шахбуза сформировали характер и выбор будущей профессии. «Родная природа и горы, окружающие населенные пункты района, в моей судьбе означали все: я научился жить и расти, тесно связанный с родной природой, с малых лет приобщился к земле, на которой крепко держались горы, почувствовал теплоту лучей солнца, рано утром выглянувшего из-за гор, озаряя всю окрестность, заряжая природу и

здесь людей сильной, бесконечной энергией, секреты жизни узнал у щедрой природы раньше, чем начал читать и мыслить, научился общаться с горными тропами, скалами, журавлиными ручьями прежде, чем говорить с людьми, встречавшимися мне в разные периоды моей жизни, вникал в мудрость здешних природных картин до того, как начал черпать знания в книгах, раньше учителей первыми моими наставниками были мои родители, в каждом слове которых таилась народная мудрость, хранившаяся веками, формирующая настоящего гражданина», – не раз вспоминал он в беседах с близкими.

Отметим, что журнал «Литературный Азербайджан» до этого публиковал переводы избранных его стихов (около 50-ти) в 2013 (№№ 4, 12) и 2016 (№№ 4, 6) годах в переводах Ровшэна Кафарова, Инессы Ловковой и Ниджата Мамедова, сумевших донести до русскоязычных читателей все достоинства керимлинских стихов. А в статье автора этих строк «Постижение высги» («ЛА», 2009, № 12) так определена поэтическая особенность творчества нашего современника: «Х.Керимли настойчиво доносит до читателя ту сентенцию, что от осмыслиения собственного бытия каждым гражданином зависит в конечном итоге не только его, гражданина, личное нравственное здоровье, но и моральное состояние всей нации».

Характеризуя свой творческий почерк, Х.Керимли отмечает: «Я работаю над стихотворением до той поры, пока слова не взбунтуются против меня. Как почувствую, что они стали утаивать от меня свои эмоции и краски, тотчас откладывают перо и занимаю себя другими делами... Недопустимо насилие над словом, должно пребывать с ним в согласии...» Главным объектом поэтических раздумий Х.Керимли является Человек. Поэт необычайно чуток в восприятии и, соответственно, воспроизведении всех проявлений человека, горячо сочувствует исконному стремлению людей к усовершенствованию мира и самих себя. Все общественные пороки, полагает художник, проис текают именно от недостаточного соответствия человека им же провозглашенному этическому эталону. Это особенно ярко и красочно выражено в его так называемой философской лирике – афористических произведениях, написанных как в стихотворной, так и прозаической формах.

ГУСЕЙН АДЫГЭЗАЛОВ

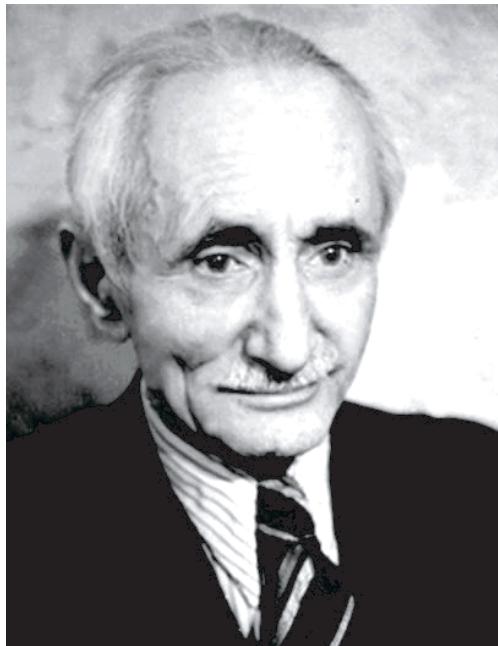
ПАМЯТИ АБДУЛЛЫ ШАИГА

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, ДРАМАТУРГ

*Мудрец весёлый, добрый детям друг,
Ты дружен с птицей Симург.
Поэт! Тебя мы будем вечно читать,
Ты жил, живёшь и будешь жить.*

(Четверостишие из статьи Арифа Турана,
посвященной Абдулле Шаигу)

Улица Шаумяна, дом №1 – сейчас эта улица, параллельная проспекту Нефтяников, носит имя известного азербайджанского врача-офтальмолога, супруги предыдущего и матери нынешнего Президентов Азербайджана Зарифы Алиевой – дом, в котором я родилась и прожила довольно продолжительный отрезок своей жизни. Из окон нашей квартиры на последнем, четвертом этаже открывался прекрасный обзор на море, бульвар и – здание Кукольного театра. Впрочем, тогда в этом здании располагался Музей сельского хозяйства Азербайджана, в который мы с братом частенько заглядывали, благо, идти было недалеко и, что, согласитесь, немаловажно – вход в музеи в те времена был бесплатным. Да и экспозиция там была интересная – особенно нам нравились сельскохозяйственные орудия, которыми пользовались в древности... Позже музей куда-то перебрался, а в здании расположился Кукольный театр, носящий имя Абдуллы Шаига – известного азербайджанского писателя и поэта, он писал и

для детей, спектакль по его сказке «Тыг-тыг ханым» уже не один десяток лет идет в этом театре. Это, пожалуй, и все, что я о нем знала. А вот подробности о его жизни, судьбе, творчестве, которые всегда были мне интересны, были мне неизвестны – неловко в этом признаться, но как-то так получилась, узнать их все как-то «руки не доходили». И вот – дошли.

Читаю воспоминания о нем, факты из его биографии, его стихи. Два из них я даже осмелилась перевести. Вот эти переводы.

Фиалка

Я фиалка, я фиалка,
Оборвать меня не жалко.
Углядят меня, не спросят –
Оборвут, а после бросят.

Слаще всех благоухаю,
Самой первой расцветаю,
От морозов убегаю,
В небо птицею взлетаю.

Вот придет тепло – проснусь.
Жаль – живу одну весну.
Чья-то оборвёт рука
Жизнь прекрасного цветка.

* * *

- Нет мне счастья, оно мне не улыбается.
- Мама, мне не хватает твоей любви.
- Но ушедшие не возвращаются.
- Что поделаешь, детка, терпи.
- И зачем ты меня родила, воспитала?
- Чтобы жизнь меня била плетьми?
- Я тоже, сыночек, всю жизнь страдала.
- Что поделаешь, детка, терпи.
- Мама, зачем все люди без дела
- Лгут, друг у друга кусок отнимают?
- Детка, я тоже от них натерпелась.
- Почему все такие – не знаю.
- Я верил людям – меня унизили.
- Кругом обман, я терпеть не в силах!
- Я тоже всем верить старалась в жизни,
- В результате нашла могилу.
- Ты видишь, мама, как горьки эти строчки?
- Мама, к тебе я хочу уйти.
- Послушай, ты просто устал, сыночек.
- Терпи, сыночек, терпи.
- Позови меня, мама, в жилище свое,
- Встречей с тобой порадуй мне душу!
- Сынок, коль отправишься в небытие,
- Кто помянет меня из живущих?

Почему захотелось перевести именно эти стихи? Наверное, потому, что они и сегодня, как и многие стихи Абдуллы Шаига, да и других классиков, актуальны, как и тогда, когда они были написаны – а написаны они были почти сто лет назад. Что поделаешь, жестокость, лживость, алчность человеческие – вечные темы, в сообществе людском они, по-видимому, неискоренимы. И это не может не тревожить, не ранить тонкую душу поэта.

Такого поэта, каким был Абдулла Шаиг...

Абдулла Шаиг (Абдулла Талыбзаде) – представитель азербайджанской интеллигентии, обладавший многими литературными талантами. Ему в равной степени удавались и прозаические, и поэтические, и драматургические произведения. Он был также великолепным переводчиком и прекрасным педагогом. Наибольшую известность он получил как первый азербайджанский детский поэт-классик.

Он родился 24 февраля 1881 года в семье духовного лица, которая жила тогда в Тифлисе (Тбилиси). Тифлис (бывшая столица Грузинского царства) в те годы являлся центральным городом Кавказа. Это был губернский город с самой большой на Кавказе численностью населения и развернутой сетью общеобразовательных учреждений. Город был многонациональным – здесь проживали грузины, русские, армяне, азербайджанцы и др., что придавало городу особый, своеобразный колорит.

В этом городе Абдулла Шаиг получил начальное образование, окончив одну из тифлисских городских школ, в которой обучался в течение шести лет.

Затем его семья на время перебирается в Иран, в город Хорасан. Здесь Абдулла Шаиг обучался в школе прогрессивного интеллигента Юсифа Зии. В Хорасане будущий поэт прожил около восьми лет, изучив за это время персидский и арабский языки, приобрел широкие познания в области восточных литератур.

На какое-то время семья Талыбзаде возвращается в Тифлис, но затем, в 1901 году, переезжает в Баку. Абдулле Шаигу к тому времени исполнилось 20 лет. В Баку он приобретает у одного из здешних русских интеллигентов обширную библиотеку и приступает к самостоятельным занятиям по изучению русского языка, в чем настолько преуспевает, что вскоре сдает экзамен на должность учителя русско-татарских (азербайджанских) школ и начинает свою педагогическую деятельность, которую совмещает с литературным творчеством.

Надо сказать, что интерес к поэзии и к русскому языку появился у Шаига еще в детские годы, когда он учился в тифлисской школе. Он с легкостью заучивал стихи на азербайджанском и русском языках из первого своего школьного учебника «Вәтэн дили», в который, в частности, были включены басни И.А.Крылова в переводе Гасаналиаги хана Гарадагского.

Впоследствии Абдулла Шаиг и сам переведет немало басен великого русского баснописца. В 1938 году выйдет книга его переводов, куда войдут переложения на азербайджанский 97 басен Крылова. Вообще свою литературную деятельность Абдулла Шаиг начал именно с переводов. Однако вскоре из-под его пера стали выходить прекрасные газели, а затем и рассказы, драматические произведения и – стихи и сказки для детей.

Печататься он начал с 1906 года, и первым его опубликованным произведением стало детское стихотворение под названием «Лайлай» («Колыбельная»).

Он и потом много будет писать для детей. Его стихотворные сказки «Тык-тык ханым», «Хороший друг», «Лиса-паломница» и другие, детские спектакли «Хорошая весна», «Чабан» до сих пор любимы азербайджанскими школьниками. Многие поэтические произведения Абдуллы Шаига были изданы в сборниках «Дабистан» и «Мектеб» для детей и юношества.

Абдулла Шаиг не только писал для детей – он много ими занимался. Работая в школе, он составлял учебники, школьные программы, хрестоматии. Книга «Уроки литературы», написанная и изданная им в 1919 году в соавторстве с Гусейном Джавидом, была одним из первых профессиональных научных трудов в азербайджанском литературоведении.

В годы Азербайджанской Демократической Республики Аблулла Шаиг многое сделал для того, чтобы оживить и осовременить работу общеобразовательных школ и просвещения в целом, способствовал национализации ряда частных школ, что позволило обучать там детей из малообеспеченных семей, по его инициативе в русских школах Баку были открыты азербайджанские тюркские классы. Он также был ини-

циатором издания женского журнала, открытия первого детского сада, создания библиотеки.

Но замечательный детский писатель и педагог – лишь одна из ипостасей Абдуллы Шаига, он также написал немало прекрасных произведений для взрослых. Это и рассказы, и драматургические произведения. В ранний период своего творчества Абдулла Шаиг создавал рассказы и стихи, правдиво отражающие жизнь рабочих и крестьян. Так, его рассказ «Письмо не дошло» повествует о беспросветной жизни бакинского рабочего, приехавшего на заработки из Ирана в Баку и погибшего в нефтяном колодце хозяина.

Широко известны и любимы читателями его роман «Араз», драма «Нушаба», поставленная в 1946 году на сцене Азербайджанского драматического театра, рассказы «Должность», «Ему видней, мне-то что?», «Анабаджи», «Нервный человек», поэмы «Гоч-Полад», «Дед Тапдыг», «Труд и красота», пьесы «Ильдрым» («Молния») и «Обманутые звезды» – последняя была написана по одноименной повести М. Ф. Ахундова. Не оставили читателей равнодушными и такие глубокие социально-психологические произведения, как «Переселение», «Наводнение», «Самоубийство или жизнь», «Гриб», «Перед дьяволом», «Герои нашего века».

Большинство его произведений, повествующих о нравах и быте людей, живших в то время, отражали реалии эпохи.

Он был известен и как видный публицист – ряд его статей о науке, просвещении и культуре вызвали широкий резонанс в литературной среде и в обществе в целом.

Еще одна сфера его деятельности – работа в Азербайджанском театре юного зрителя (ТЮЗе). Здесь были поставлены и с успехом шли не один год написанные им специально для этого театра пьесы «Хасай», «Интрига» (написанная на основе сюжетов Низами – также, как и пьеса «Нушаба»), «Цыганочка», «Сын народа», «Родина».

Как уже было сказано, свою литературную деятельность Абдулла Шаиг начал с переводов. Он и в дальнейшем много и плодотворно работал в этом направлении – переводил на азербайджанский язык произведения Низами Гянджеви, Руми, Шекспира, Свифта, Дефо, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Горького и других.

В свою очередь и произведения самого Абдуллы Шаига переводились и издавались на русском, грузинском, узбекском и других языках.

Абдулла Шаиг был неутомимым исследователем и пропагандистом азербайджанской литературы. Неоценимы его заслуги в изучении литературного наследия таких корифеев национальной литературы как Хагани, Низами, Насими, Физули, Хатаи, Вагиф, Видади, Закир, М.Ф.Ахундов, С.А.Ширвани, М.А.Сабир, А. Саххат, М.Хади, Г.Джавид и др.

Своими произведениями, научным творчеством и педагогической деятельностью Абдулла Шаиг внес достойный вклад в азербайджанскую культуру и литературу.

Созданные Абдуллой Шаигом в 20-е – 30-е годы прошлого века научные произведения по фонетике, морфологии, синтаксису и стилистике азербайджанского языка сохраняют свое значение и в наши дни.

Скончался Абдулла Шаиг 24 июля 1959 года в возрасте 78 лет в Баку, оставил после себя богатое литературное наследие и добрую славу.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

НОВЕЛЫ

Бизнес-леди

Сегодня она наденет платье бутылочного цвета, прекрасно оттеняющее ее рыжие волосы. Туфли на каблуках надевать не станет, mauvais ton, если учесть, что на конференцию, куда собралась Диана приедут участники из многих стран мира. А по опыту участия в такого рода событиях, Диана знала, что по высоким каблукам, утюрированному макияжу можно определить новичка либо случайную залетную птичку. Серьезные дамы отличаются сдержанностью стиля. По зрелом размышлении она решила, что совсем не обязательно одеваться как синий чулок. Зачем лишать себя такого серьезного козыря, каким является женское очарование? Необходимо найти золотую середину. Чтобы и мужчины остались довольны, что немаловажно, если учесть, что председательствует на конференции импозантный мужчина-англичанин, и женщины не слишком раздражались, оглядывая ее откровенный наряд. Примерив платье и покрутившись у зеркала, Диана осталась недовольна. «Балахон какой то! Ни талии, ни бедер, как будто у меня их нет! А ведь есть же». Следующим нарядом оказался строгий темно-синий костюм, под который она надела белую блузку с воротником апаш. Нет! Невозможно! Она похожа на сельскую учительницу 60-х годов прошлого века. Так ее высмеют даже самые немодные. Распахнутые дверки платяного шкафа обещали еще массу вариантов, способных покорить, восхитить и умилить самых взыскательных ценителей стильного имиджа. Диана нырнула в шкаф, вытащила целый ворох одежды и стала лихорадочно перебирать разноцветные тряпки. Через час после начала сражения за безупречный наряд она села на стул, тяжело вздохнула, закурила, хотя давно бросила это нездоровое занятие, и даже проплакала. «Вот так всегда! Думаешь, что у тебя есть одежда на все случаи жизни, а когда наступает ответственный момент, выясняется, что совершенно нечего надеть. Почему я такая невезучая?!» Диана здорово понервничала, когда начальство объявило, что ее внесли в список докладчиков. Она стала стройнее и задумчивее. Лучше всякой диеты помогает стресс. Тему доклада девушка выбрала благодарную. Учитывая модную сегодня экологию и еще более модное течение – защиту вымирающих видов животных – успех ей был обеспечен. А вместе с успехом – возможность путешествовать за счет родного института, рассказывая в разных странах о насущной необходимости защищать исчезающий вид полярной совы. С текстом ей помог Заурчик. Попробовал бы он не помочь! Тогда его шансы на благосклонность очаровательной Дианы, и так не слишком высокие, скатятся на нулевую отметку. А так он может помечтать, сидя за компьютером, о возможных дивидендах в отношениях с восхитительной, неотразимой Дианой. Текст доклада она прочла накануне. «Ничего особенного! Мог бы и поинтереснее что-нибудь написать. Какое-нибудь открытие сделать. Предположить, что северная полярная сова в мегалите являлась кузиной средиземноморской совы (правда, я не уверена, что такая существует, но в мегалите, кто его знает, может, и была такая), а уже потом, когда произошли климатические изменения и родственники разлетелись в разные концы планеты, северная сова приобрела свой современный вид. Стала белоснежной, под цвет снега. У нас, азербайджанцев, чаще смуглая кожа и карие глаза по той же причине – из-за климата, из-за горячего солнца. Вот если бы я родилась на Севере, то наверняка кожа у

меня бы была белоснежная, а глаза – синие-синие! Вот это я понимаю, прорыв в науке!» Диана задумалась, отвлекшись на некоторое время от архисерьезной проблемы гардероба. «А ведь если бы я немного подумала над этой проблемой, то могла сделать открытие мирового масштаба! Но откуда взять время?! Если слишком зациклился на науке, то пропустишь все самое интересное. Распродажи! Вечеринки! Чаты! Фейсбук! Превратишься в серую архивную мышь в одном и том же наряде во все времена года. И тогда не видать тебе ни заграниц, ни конференций, ни бонусов. Нет! Оставлю все как есть. И потом, Заурчику тоже нужно чем-то заниматься». Взглянув на часы, Диана ахнула, через час она должна быть на месте в новейшем отеле, где проводилась конференция. А до него сорок минут на машине, без пробок на дороге. Остановилась она на последнем варианте. Как всегда спонтанном, без лишних раздумий, на них просто не оставалось времени. Лиловая прозрачная блузка с воланом на груди, и черные строгие брюки с завышенной талией, модные в этом сезоне. Диана оглядела себя с ног до головы. Осталась довольна своим обликом. По-деловому, с намеком на фривольность – то, что нужно молодой женщине, жаждущей успеха в научных кругах. И доклад послушают, и внешность запомнят.

* * *

Конференция началась с обсуждения скандала. Кто бы мог подумать, что в таком благородном деле, как защита окружающей среды, можно найти повод для скандала! И не просто небольшого, маленького скандалчика, а самого настоящего, масштабного скандала – с сенсационными интервью, с обвинениями во всех смертных грехах, с вынесением сора из избы, а точнее, на просторы евроканала, с участием BBC и тому подобных мастодонтов средств массовой информации. Все, о чем говорил с трибуны председатель, пролилось на Диану ледяным душем. Она даже представить себе не могла, какие страсти могут кипеть вокруг благороднейшей идеи, ни у кого не вызывающей ни малейшего возражения. Свара началась из-за того, что две конкурирующие организации не поделили поле деятельности. Одна из организаций, та, в которую входила Диана, защищала диких животных, оставшихся незащищенными в тех местах, куда еще не добрался человек. Там, где только начинали сказываться последствия его бурной деятельности. А вот другая, конкурирующая фирма, занималась еще более неблагодарным делом – защищала домашних животных. Ратовала за гуманное к ним отношение, достойные условия жизни и смерти и т.д. Так бы все и продолжалось тихо и мирно, каждому свое, если бы конкурирующая фирма не захотела подмять под себя всю защиту. И диких ей подавай, и домашних. Тут началась война. Появились перебежчики, шпионы. Пошли разговоры о коррупции. Люди с закрытыми лицами рассказывали в интервью о том, сколько на самом деле потратили денег на то, чтобы создать приемлемые условия для бизонов в новых заповедниках в одной из азиатских стран. А сколько средств ушло на ознакомительные поездки ученых в места их постоянного обитания. Суммы несоразмерные. На бизонов потратили одну четвертую средств от поездок. После доклада председателя, где он кратко изложил суть дела, стараясь не поддаваться эмоциям, слово взял старейший член организации.

«Послушайте меня, старого и опытного ученого! Я знаю, что мы с вами делаем благородное дело! Защищаем дикую природу! Вспомните, как плохо жилось диким животным до того, как мы создали нашу организацию и стали заботиться о них. Я приведу только один пример. Недавно наш ученый обнаружил на одном из островов в Океании новый, доселе невиданный вид слона, вернее, гибрид слона и носорога. Вы знаете этого выдающегося ученого, Патрик Смит – украшение нашей организации. Он не приехал на конференцию, потому что в настоящий момент пытается выяснить, есть ли у его питомца, как он его окрестил, «слонорога», сородичи. И если есть, то

срочно организовать их защиту. Пожелаем ему успеха! И еще раз погордимся успехами! Так держать, никакие конкуренты нам не страшны. Никто, кроме нас, не сможет так героически служить науке и заботиться о диких животных!» – раздался шквал аплодисментов. Все присутствующие встали и устроили настоящую овацию оратору.

Диана погрузилась в размышления. Пафосная речь оратора не была включена в программу конференции, она выглядела естественной реакцией на беспочвенные обвинения конкурирующей фирмы. Дошла очередь до Дианы. Когда председатель объявил, что слово предоставляется молодому ученому Диане Гарагёзлу, сердце девушки забилось в аварийном режиме. Она встала, оправила блузку и решительно прошла к трибуне. Все взгляды, как ей казалось, сосредоточились на ней. Она начала говорить тихим, неуверенным голосом. Председатель счел нужным подбодрить её. «Смелее, чуть громче». Диана произнесла страстную речь в защиту полярной совы. Перед теми, кто внимательно слушал ее доклад, развернулась трагическая картина непростой судьбы полезной во всех отношениях полярной совы, выживавшей в невероятно тяжелых климатических условиях вечной мерзлоты. К естественным природным трудностям в последнее время добавились такие страшные обстоятельства, как организация туров охоты на этот вымирающий вид. После того, как в фильме о Гарри Поттере сова превратилась в одну из культовых птичек, охота на нее стала главной приманкой для туроператоров. Богатые туристы выбирали индивидуальный тур с проводником, желательно аборигеном, и всем необходимым оборудованием, в которое входило самое современное ружье с прибором ночного видения и автоматической самонаводкой. Охотнику не нужно выискивать цель и наводить ружье на предмет своего вожделения. Достаточно поднять его на уровень плеча, и дальше все происходит автоматически. Ружье берет на прицел заявленный объект, в данном случае сову, даже если она находится далеко, на ветке замерзшего дерева, и похожа на большую сосульку. Паф, и готово. А потом проводник добирается до мертвей совы и приносит ее счастливому туристу. Диана подробно рассказала о том, как происходит отстрел последних сов на планете. Доклад вызвал столь бурную реакцию участников конференции, что председатель предложил его обсудить. Один из участников поднялся с места:

– Скажите, госпожа Гарагёзлу, а вам известно, что охотники делают с мертвыми совами? Зачем они им нужны?

– Недавно я случайно увидела чучело полярной совы в одном из домов, куда меня пригласили на день рождения. Хозяин с гордостью ответил, что сова – его трофей. Он повернулся к сове и сказал: «София, поприветствуешь гостью», и сова раскрыла клюв, подняла крылья и сказала: – Hello, I'm glad to see you.

– Так это была живая, дрессированная сова? Если она могла говорить, открывать клюв и поднимать крылья? Как ее могли научить говорить? Совы не разговаривают.

– Нет, в том-то и фишка. Мне хозяин объяснил, что это чучело совы, но только с электронной начинкой.

Обескураженный ученый, не в силах высказать возмущение, сел на свое место, разведя руками. Элегантная дама в больших темных очках обратилась к Диане:

– У меня к вам вопрос, милая девушка. А вы видели полярную сову где-нибудь еще? То есть, кроме того случая, о котором вы нам только что с таким возмущением рассказали. Вы видели живую сову? Вы наблюдали ее в естественных условиях обитания, на Севере, в районах вечной мерзлоты?

Кровь прилила к щекам Дианы. Она совсем не боялась вопросов, задаваемых серьезными учеными мужами, но вот вопрос элегантной женщины – совсем другое дело; женщина наверняка знала все болевые точки коллеги. Мужчине и в голову не пришло бы задать подобный вопрос. Диана решила пойти самым простым и оттого самым верным путем. Она решила быть искренней:

– Да, конечно, видела. Почему я вообще решила защищать полярную сову? Я посмотрела потрясающий американский фильм «Тупой и еще тупее» и мне так стало жалко сову! Вы помните, в нее еще попали пробкой от шампанского, и она, бедняжка, сдохла! Вот я и решила посвятить свою научную карьеру защите этой мудрой, красивой и беззащитной птички. Я думаю, все присутствующие согласятся со мной.

В зале раздались одобрительные хлопки в поддержку смелой и откровенной, а самое главное, такой красивой и молодой женщины. Элегантная дама поправила большие очки, сползающие на нос, ядовито улыбнулась, готовясь перейти в решительное наступление, однако старейший член организации, столь позитивно отреагировавший на известие о происках врагов, перехватил инициативу. Не дожидаясь приглашения председателя, он встал, уверенным жестом остановил даму в очках, прочистил горло и хорошо поставленным голосом обратился к залу:

– Дорогие коллеги! Только что мы прослушали великолепный, содержательный, эмоциональный и, самое главное, очень познавательный доклад молодого ученого, не побоюсь этого слова, гордости нашей науки, способной поддержать угасающий пламень в горниле экологии.

Зал оживился, седовласый академик, сидевший в первом ряду, нагнулся к соседу и шепотом спросил:

– Извините, господин, о чем говорит оратор? Мне показалось, он произнес слово «горнило»? В последнее время я неважко слышу. Возможно, он упомянул это слово в связи с лесными пожарами?

Собеседник академика спрятал улыбку в усах и серьезным тоном заверил:

– Он говорит о надежде нашей науки, этой милой девушки, и о пожаре, который она зажгла в его сердце своим выдающимся докладом.

Академик покачал головой:

– Согласитесь, наш народ очень поэтичен! Еще немного, и оратор заговорит газелями. Ха-ха-ха. Газели прекрасно вписываются в контекст нашей сегодняшней конференции. Их тоже необходимо охранять!

Академик, довольный собой и собеседником, с умилением посмотрел на оратора. Между тем, выступающий не терял времени даром. Он как будто услышал желание академика и заговорил витиевато, сродни средневековым восточным поэтам. Он изобразил в ярких радужных красках прямой, как стрела, путь молодого ученого Дианы Гарагёзлу и в самом финале своей патетической речи неожиданно предложил:

– Диана ханым настолько чистосердечна, что не побоялась признаться в том, что никогда не видела живой полярной совы. И тем ценнее ее искреннее желание сохранить этот вымирающий вид для наших потомков. Я предлагаю осуществить ее мечту: организовать Фонд Полярной Совы. Председателем выбрать нашу дорогую Диану Гарагёзлу. Как только в Фонде окажется достаточно средств, я не сомневаюсь в том, что Диана ханым вместе с полярниками отправится в экспедицию, чтобы за полярным кругом воочию полюбоваться на редчайшее чудо природы – Полярную Сову, и понять, чего не хватает этой редкой птичке для ее благополучия и счастья.

Участники конференции устроили овацию Диане. Вопрос о создании фонда решил сам собой. Все участники с большим воодушевлением проголосовали за его создание.

* * *

На следующий день Диане позвонил президент главного экологического общества «ЭкоПарадайз XXI». Президент общался с ней неформально, прежде всего потому, что был ее дядей. Маминым старшим братом. Какие уж тут формальности! Звали его Беюк-ага.

– Послушай, милая. Что ты несла на конференции? Ты увидела сову в амери-

канском фильме? Даже если это правда, как такое можно было сказать? Какой еще американский фильм? И название соответствующее – «Тупой, еще тупее». Ты понимаешь, что могла загубить свою научную карьеру?! Ты хоть понимаешь это? Если бы не мой старый прожженный лис Мамед, я не знаю, чем могла закончиться для тебя эта конференция. Ты же видела, Симузар ханым сразу же встрепенулась. Конечно, ты сама вырыла себе яму.

– Dayı, ну что ты так нервничаешь! Нервные клетки не восстанавливаются. (А может, я ошибаюсь? Неважно.) Ты же видел, как все блестяще закончилось. Я теперь президент Фонда Полярной Совы. Я о таком и не мечтала. Не нужно всякой ерундой заниматься. Выяснить подробности про эту сову. Копаться в пыльных книгах, в интернете. Тем более, что про нее никто ничего не знает. Теперь я могу встречаться со спонсорами и теми серьезными организациями, которые хотят поддержать экологию. Между прочим, если дела фонда пойдут в гору, я смогу, во-первых, поездить по разным странам. Я уже придумала, зачем мне нужно ездить. Организую промоакцию для сенсибилизации общественного мнения

– Для чего? Сен-сен-сибилизации, кажется, так? Откуда такое слово знаешь? – прервал ее Беюк-ага.

– Ты забыл? Я ведь училась в Англии! – Диана замолчала на минутку. – А в дальнейшем смогу помогать твоей фирме. Конечно, если хватит на все средства из фонда.

Слова Дианы потонули в гомерическом хохоте дяди.

– Ты мне будешь помогать? Canım, главное, мне не мешай! А помогать?! Себе помоги! Мужа хорошего найди! Это самое главное! Не забывай, девочка, полярные совы не сегодня-завтра кончатся, а красиво жить всегда хочется. Поняла! Тем более, ты у меня красавица. И вообще просто прелесть. Это отметили все. Но только никакой самодеятельности. Если на горизонте появится серьезный жених, сразу дай знать. Ни в коем случае не соглашайся на тет-а-тет. Только после серьезного разговора с родителями, а еще лучше – со мной. У твоей мамы до сих пор ветер в голове не утих. Ну, это я погорячился. Маму нужно любить и слушаться. Все. Твой офис будет готов через неделю. А пока займись гардеробом. Выбери новые вещи, но только спокойные, хороших марок. Это теперь твое главное занятие. Видишь, я точно угадал, где ты будешь на своем месте. На встречах ты должна выглядеть безупречно, но не слишком кокетливо. Серьезно. У тебя получится, я не сомневаюсь.

В новом офисе Диана распорядилась повесить абстрактные картины: размытые цветовые пятна разных конфигураций. Она остановилась на таком варианте, чтобы никто не смог сказать, что у нее пошлый вкус. Если выбирать что-то конкретное, обязательно найдется ядовитая матрона, которая обвинит в отсутствии вкуса, а абстракция – всегда свидетельство нестандартности мышления. Дизайн офиса былдержан в минималистском стиле, только у себя в кабинете Диана поставила на стол двух пушистых плюшевых кошечек, одну рыжую, другую белую. И их пришлось убрать после визита дяди. Он внимательно оглядел картины, хрустальное бра и на конец, задержав взгляд на кошках, постановил:

– Над дизайном офиса трудились профессионалы, можешь не сомневаться. Я не запрещаю тебе вносить свои поправки и даже соглашусь на эту мазню на стенах. Говорят, это модно. Но светильники убери, это тебе не спальня, про кошек и говорить не стоит.

– Дядя, не забывай, мы занимаемся защитой животных! Мои миленькие кошечки тоже животные, и их нужно защищать, – Диана схватила обеих кошечек и прижалась к себе.

Беюк-ага рассмеялся:

– Хорошо, оставь их, не возражаю, но спрячь в ящик, в шкаф. Все равно у тебя в ящиках ничего нет, или есть?

Беюк-ага подошел к письменному столу, стоявшему в углу кабинета, и бесцеремонно открыл верхний ящик. В нем громоздилась гора косметики, сваленная в кучу на манер товаров, выставленных на распродажу. Вперемешку валялись карандаши для подводки глаз, тушь, множество флакончиков с лаком, румяна, патроны губной помады и прочая косметическая дребедень.

– Теперь я вижу, ты серьезно взялась за дело. Раз твоя тяжелая артиллерия в этом кабинете, значит это серьезно. А ты позволишь заглянуть в твой шкаф?

Не дожидаясь ответа, он подошел к длинному ряду шкафов, вытянувшихся вдоль стены, словно солдаты во фронт. В верхней застекленной части шкафов аккуратно стояли разноцветные папки. Беюк Ага не поленился, открыл дверцу шкафа и вытащил красную папку. Она оказалась пустой. Папки других цветов трогать не стал. Быстро нагнувшись, распахнул нижнюю дверцу шкафа и всплеснул руками:

– Теперь я понимаю, почему твоя мама говорит о том, что ты транжира. Дай я попробую определить, сколько здесь коробок с башмаками. Десять, как минимум.

– Дядя, какой ты вредный, ну что такое десять пар обуви, ты же понимаешь, что разные обстоятельства могут возникнуть. И я самая скромная. Мои подруги совсем не такие серьезные, как я. Никто на конференциях не выступает, доклады не пишет.

– У них нет такого дяди, как у тебя, хе-хе...

– А знаешь у Жаклин Кеннеди сколько было туфель?

– Ну конечно, про Жаклин Кеннеди ты все выяснила! Не забудь, дорогая племянница, она оба раза очень удачно вышла замуж. Между прочим, она была журналисткой, но быстро сообразила, что для того, чтобы стать известной и богатой журналисткой, нужно долго и упорно работать. Она пошла другим путем: не упустила своего шанса. В первый раз вышла замуж за парня, ставшего президентом, а второй – за грека-миллиардера. Расскажи мне лучше, как обстоят дела с пожертвованиями в твой обувной фонд. Ой, прости, в Фонд Полярной Собы.

Диана подошла к дяде, поцеловала его в надущенную, чисто выбритую щеку:

– Ты же сам сказал, что главное для меня – хорошо выглядеть.

– Сказал. Сказал. Будь готова, завтра я приведу к тебе серьезную компанию, подготовь инициативу по защите животных. Может, стоит расширить поле деятельности, защищать не только полярную сову; их всего-то несколько штук осталось, перебьют всех, кого будешь защищать? Конечно, с другой стороны, выяснить, всех перебили или нет, тоже сложно, не каждый день в заполярный круг экспедиции снаряжают, всегда можно отговориться тем, что есть люди, видевшие парочку сов, и все же лучше подстраховаться. А почему бы тебе не защищать еще и других исчезающих бедолаг? Полагаю, в них недостатка нет, если учесть современную экологию на планете. Я не знаю, ну, предположим .... животных белого цвета. Возможно, есть белый ягуар, тигр, белый верблюд, в конце концов, я не знаю....

– Белый верблюд? Дядя, ты – гений! Я видела белого верблюда в американском фильме о...

– Остановись! Я знаю, что ты хочешь сказать, и про кого этот фильм. Не нужно об этом вспоминать, нигде! Поняла? Я просто так сказал о верблюде, найди другое животное, посоветуйся со своим референтом, Заурчиком. И еще подумай над логотипом для твоего фонда. Это очень важно, можно сказать, самое важное. Как мне пиарить твой фонд, скажи пожалуйста? Что предъявлять спонсорам. Чучело белой совы, говорящее на английском языке? Кстати, где ты его видела? Все в городе рассказывают этот анекдот из твоего громкого выступления на конференции.

– У моей подруги дома, у Маси. Матанет. Ее папа Камерон привез из Америки.

– Какой Камерон? Кямран, так его зовут?

– Да, кажется так.

– Знаю, о ком ты говоришь, он вообще с причудами. Ладно, мне пора. Не за-

будь про логотип. И еще, мне не понравилась твоя секретарша. Она толком ни на одном языке не говорит. Ни на азербайджанском, ни на русском. Я думаю, с английским та же проблема. Все время переходит с одного языка на другой. Тарабарщина получается, поменяй ее. Правда, – задумался Беюк Ага, – на ее фоне ты выгодно смотришься. Речь поставлена, внешность у тебя – не сравнить с секретаршей-замухрышкой. Ладно, не менять, пусть остается.

– Хорошо, мой любимый дядюшка.

* * *

Бурная деятельность Дианы начала приносить свои плоды. Ни одной свободной минутки. Весь день расписан. Бесконечные презентации, встречи иностранных делегаций, интервью, фотосессии. Диана придумала логотип и позировала всем, кто изъявлял желание запечатлеть красавицу – председателя Фонда Полярной Совы – в своем офисе на фоне логотипа. Прежде чем эмблема фонда была заверена в соответствующей организации, Диана показала ее своему наставнику-дядюшке. Он от души похвалил ее за отлично сделанную работу. «Какая я все-таки талантливая! Не зря говорят, что все красивые люди талантливы. Где я это прочитала? Помню, был один журнальчик, там еще разные советы косметические, клиники швейцарские рекламировали. Да, там и прочитала, очень верное замечание». Логотип получился на славу. Как и полагается гениальной мысли, и эта пришла внезапно. Диана в ожидании спонсора рисовала фасоны платьев в деловом блокноте. Подумав о спонсоре, вспомнила о дяде, а заодно о том, чем занимается ее фонд: сбором средств для спасения полярной совы. Попыталась нарисовать сову. Привыкшая рисовать фасоны нарядов, она выбрала самый простой и оттого самый гениальный путь. Нарисовала короткую вертикальную прямую и с двух сторон поместила два маленьких кружочка.

Сначала ей показалось, что получилось не очень хорошо, и никто не догадается, что это сова, и все же дяде она показала рисунок. Он пришел в восторг. Линию сделали жирной черной, а глазки совы ярко-желтыми. Вот на фоне собственноручно сделанной яркой эмблемы Диана позировала и давала интервью. Она запатентовала логотип в патентном бюро и с удовольствием рассказывала историю создания эмблемы, лишь немного приукрасив ее. По словам Дианы, эмблема приснилась ей во сне, совсем как таблица химических элементов Менделееву. Фонд, обретя эмблему, словно обрел, и не какие-то там совиные, а самые настоящие орлиные. Вначале по жертвования стекались в фонд тоненьkim ручейком. Диана подумала немного и решила, что без помощи дяди тут не обойтись. Она пожаловалась ему на пассивность жертвователей. Беюк-ага отреагировал самым эффективным способом. Он позвал своего заместителя и поручил ему обзвонить все компании, зависящие напрямую либо опосредованно от Беюк-аги и рассказать им о благотворительной деятельности его ангелоподобной племянницы, а заодно и намекнуть: те, кто не понимают хорошего отношения, увидят, что значит плохое отношение. Через неделю счастливая Диана рассказывала своему любимому дядюшке, какие сознательные и приятные люди окружают ее и дядю. Как все вокруг беспокоятся о судьбе полярной совы! Со всем скоро в фонде собирается достаточно средств для издания красочных буклотов с рассказами о полярной сове и, конечно, самое главное – об активной деятельности Дианы на посту председателя фонда. Планировалось издание журнала, где будут выходить отчеты обо всех мероприятиях фонда. В самый разгар деловой активности произошел неприятный инцидент, ужасно расстроивший и напугавший восходящую звезду отечественной экологии. В один из субботних осенних дождливых дней, когда не хочется не только отправляться в экспедицию на поиски неуловимой полярной совы, но даже высунуть нос из комнаты, где тепло, уютно, раздался звонок дианиной секретарши. Девушку в свое время предупредили, что в воскресные дни патронессу

можно беспокоить только в экстремальных ситуациях, а никак не иначе. «Что могло случиться? Неужели выкрали чучело совы? Не может быть!»

– Слушаю, – строгим голосом произнесла Диана.

– Изззвините, пожалуйста, sorry. Я так волнуюсь! Пришла сегодня на работу, чтобы закончить редактировать ваш доклад, и тут такое началось... Они кричали, требовали, чтобы их впустили, они хотели с вами встретиться! А я говорила: «*olmaz!* Burada heç kim uxdur!» А они не хотели уходить! Только после того, как я вызвала по телефону охрану, они ушли!

– Объясни мне, кто они? Что ты молчишь? Кто они?

«Дядя был прав, она бестолковая...»

– Они. Люди! Их было много, они что-то говорили о баранах, я так и не поняла, сказали, что придут в понедельник.

В понедельник утром Диана созвала чрезвычайный совет, в который вошли ее референт Заурчик, исполнительный директор, секретарша и два охранника. После долгих дебатов постановили, что в случае, если снова объявятся хулиганы, необходимо будет прежде всего выяснить, зачем они пришли, кто их подослал, а уже потом принимать адекватные меры. Были и другие предложения. Мужской персонал ратовал за то, чтобы надавать им по шеям и отправить восвояси, однако Диана настояла на своем:

– Впустите одного из них и приведите ко мне, а сами, – обратилась она к охранникам, – будете стоять по обе стороны хулигана, все понятно?

– Какая ты смелая, Диана! – восхитился Заурчик. – Диана-воительница!

– Не забудьте пропустить их через металлоискатель и сканирующее устройство.

«Ну почему я одна должна обо всем беспокоиться? Содержу всех этих бездельников, которые без моего указания шагу ступить не могут, такие бездарные...»

– А может быть, прежде, чем допустить их к вам, собрать информацию? Кто они, кто их родственники, кем были их предки, чем занимаются теперь, чьих будут и т.д.? А потом уже решить: кого допустить к вам, а кого нет, – Заурчик чутко чувствовал настроение своей начальницы.

– Можно и так сделать. – Диана сменила гнев на милость. – Разрешаю. Работайте!

В последующие дни никто не объявлялся; зато в одной пакостной газетенке, исходящей злобой и ненавистью ко всему красивому, богатому, выдающемуся, появилась заметка, которую тут же разместили Дианины гламурные подруги на Фейсбуке. Заметка гласила: «Известный ученый-эколог Диана Гарагезлу, сделавшая на последнем международном экологическом форуме сенсационный доклад о тяжелой судьбе полярной совы, отказалась принять в своем новом офисе Фонда Полярной Совы соотечественников. Люди пришли с требованием помочь им в деле защиты животных, возможно, не таких редких, как полярная сова, тем не менее, очень полезных и терпящих всяческие притеснения со стороны людей. Речь идет о баранах. Об условиях их содержания и забое. В разных местах города, подчас на глазах у прохожих, среди которых могут быть и дети, идет забой бесправных животных. К сожалению, Диана Гарагезлу, столь чувствительная к страданиям далекой полярной совы, оказалась совершенно безразличной к судьбе отечественных баранов».

Комментарии, появившиеся под заметкой, оказались сплошь саркастическими. Некоторые дамы, значившиеся в ее друзьях, показали свое истинное лицо. Один венеричек разместил новый логотип для фонда Дианы.

К стилизованной сове он добавил бараны рога. Дискуссия продолжилась в том же ключе. Диане стали давать советы, как улучшить оформление офиса. Например, поставить чучело полярной совы на золотое руно. Советы посыпались, как из рога изобилия. Измученная, повзрослевшая Диана позвонила к дяде, забыв о том, что она

— вполне состоявшийся ученый, и попросила совета. Мудрый, переживший много открытых и подпольных битв Беюк-ага, услышав о нападках на любимую племянницу, пустил в ход тяжелую артиллерию. Он щедро оплатил услуги профессионального журналиста, некогда успешно выступавшего за права всех, кого обидели. С возрастом он осознал очевидную истину: обидеть можно кого угодно. А защищать следует платежеспособных обиженных. Тогда и справедливость восторжествует, и самому жаловаться на трудную жизнь не придется.

В тот же день в одной из центральных солидных газет города появилась статья под броским названием. Диана прочла статью, поняла, насколько дядя был прав. Конечно, нужно покупать услуги грамотных, профессиональных людей. Диана совершенно уверилась в том, что она на правильном пути. Статья вызвала восторг не только у Дианы, но и у тысяч благодарных читателей, приславших свои отклики в газету.

Диана тут же поместила ссылку на нее на своей страничке в Фейсбуке. Газету же со статьей Диана распорядилась положить в приемной офиса на самом видном месте. Приводим ее полный текст.

«Радетели отечественных баранов

Наша планета Земля с каждым днем становится все менее пригодной для жизни людей. Никто уже не удивляется природным катаклизмам, непредсказуемой погоде, отсутствию снега в горах Швейцарии, засухе в долине Нила и подъему уровня Каспия. Ученые безуспешно бьются над загадками природы, на которые нет ответа. Негуманный человек с его подчас неуемной и неумной энергией навредил природе, пытаясь доказать, что он ее властелин и способен повелевать ею. Он меняет рельеф местности, что иногда предполагает перенос рек, создает искусственные водоемы, насаждает флору и фауну, не свойственную тому или иному краю. Человек дошел до того, что стал управлять, как ему кажется, погодой. Разгоняет облака, вызывает дождь, пытается стимулировать природные катаклизмы. К тому же он бесцеремонно обращается с богатствами Земли. Так, словно он их сам создал. Бездумно использует ископаемые, грабит недра Земли, совершенно не задумываясь о будущем своих же детей, внуков, будущих поколений. Безудержно уничтожает растительный и животный мир. Количество уничтоженных и не подлежащих восстановлению животных составляет такой длинный список, что возникла необходимость создать Красную книгу. Все мы знаем, что в нее вписывают исчезающие виды животных. Эта книга с каждым днем делается все толще. И вот когда появляется благородная личность, берущая на свои плечи ответственность многих людей, забывших о морали, и пытается что-то изменить в нашем порочном мире, тут же находятся злопыхатели, создающие мощный заслон на пути прогресса. Диана Гарагезлу, один из светочей отечественной экологии, является надеждой не только нашей страны, но и всего мира. Именно она обратила внимание и заставила прозреть многих, говоря о трагической судьбе белой полярной совы, находящейся на грани исчезновения. Именно она не ограничилась пустыми рассуждениями о необходимости предпринять усилия по спасению редкой совы. Благодаря своей исключительной энергии и любви к животным, ученый организовала Фонд Полярной совы. В планах фонда много проектов. Диана ханым в личной беседе рассказала мне о том, что собирается выступить в защиту и других жестоко истребляемых животных белого цвета. В какой-то момент мне показалось, что я понимаю, почему молодая исследовательница выбрала в качестве подопечных животных белого цвета. Это ее суть. Она сама — белоснежный ангел, посланный на Землю, чтобы остановить вакханалию убийств.

А теперь представьте себе, дорогие читатели, что нашлись подлые люди, кому невыносим свет истины, кто хочет запятнать честное имя и очернить благородные порывы защитницы природы. Расскажу все по порядку. Несколько дней тому назад в офис Фонда Полярной Совы ворвалась группа молодчиков под предводительством

отъявленного, известного в определенных кругах хулигана по кличке Авяз Гоюн. Они потребовали встречи с Дианой ханым. К счастью, в офисе находилась охрана, которая не допустила «героев» к ученому. Впоследствии в желтой газетенке, известной своими клеветническими статьями и нападками на порядочных людей, появился пасквиль. Не будем заострять внимание читателей на безграмотности и убогости доводов статьи, нас интересует информация, поданная в крайне провокационной форме. По словам автора, к тому же скрывающегося за псевдонимом, молодчики, ворвавшиеся в офис, требуют защитить отечественных баранов, содержащихся в невыносимых условиях. Клеветнические утверждения о том, что забой животных происходит прямо на улицах города, иногда рядом со школами, на глазах у маленьких детей, не требуют опровержения. Любой здравомыслящий человек скажет вам, что подобное не может происходить, просто потому, что такое невозможно представить даже в самом кошмарном сне. Вероятно, хулиганы видели нечто подобное в детстве в горных селах, откуда они родом. Не привыкнув к условиям жизни в большом мегаполисе, они клевещут на горожан, не удосужившись оглянуться вокруг и понять, что волею судеб оказались в суперсовременном городе XXI века. Заметка пестрит несурразностями. Мне захотелось задать всего лишь один простой вопрос господину Авязу Гоюну: «Как он предполагает защищать баранов? Может, вообще запретить их забой?! Перестать употреблять баранину в пищу? Или как?» Не сомневаюсь, что господин Авяз Гоюн – сам большой любитель кябаба из баранины. И вот из-за таких, с позволения сказать, «радетелей баранов» страдают истинные учёные. Диана ханым после атаки экстремистов все время думает о недоработках в деятельности Фонда. У нее даже появилась идея о создании в регионах отделений Фонда для решения местных проблем, в частности, проблем отечественных баранов. Пожелаем ей больших успехов в ее благородной деятельности, будем надеяться, что путь ее будет таким же светлым и позитивным, как и ее благороднейшая деятельность по защите животных белого цвета».

– Спасибо, дядя! Ты просто душка! Может, пригласить этого журналиста в ресторан, как-то поблагодарить его. В твой ресторан, например, покормим его кябабом? А может, в китайский ресторан? Наверное, он любит суши. Сейчас все любят суши. Он так здорово написал. Я даже немного поплакала, так мне себя жалко стало.

– Диана звонила своему дяде по номеру, доступному только близким родственникам, и не подлежащему прослушке.

* * *

Беюк-ага ответил согласием. Пообещал лично присутствовать на обеде. Попрощался с Дианой и погрузился в воспоминания об охоте на Дивичинском лимане, в Гара су. После всех нескончаемых деловых переговоров об экологии, защите животных охота оставалась самым светлым воспоминанием президента компании «Экопарадайз XXI».

«Сколько мне было тогда? 14-15 лет, совсем мальчишка. Сейчас я **дядя**, стараюсь для своей племянницы, своих детей. А тогда тоже старались, только по-другому. Мой дядя Юсиф, директор нефтебазы, знатный охотник был. Вдоль реки Араз, в пограничной зоне с Ираном охотиться любил. К нему на охоту кто только не приезжал! В то утро он взял меня с собой. Мы совсем рано поднялись, чтобы пострелять дичь. Сколько охотников собралось? Не так уж много. Помню, что разместились на двух лодках без киля, плоскодонках; дядя Юсиф все организовал. Лодки медленно продвигались сквозь камыши. Без весел, шестом ими управляли. Успели на утренний пролет птиц, до 9 часов. Как я удивился, когда все небо вдруг закрылось тучей! И не просто тучей, живой тучей, из которой вдруг прорвался густой дождь. Только посмотрев на свою куртку, я понял, что птицы в полете спрашивали нужду; вся куртка моя оказалась в птичьем помете. Дядя перед охотой подарил мне трофейное немец-

кое ружье – бокфлинт 12 калибра марки «Меркель». Пристрелянное, хорошее ружье. Показал, как стрелять. Главное – не суетиться, не спешить и оставаться спокойным. В тот раз мне не пришлось целиться. Зачем целиться, когда неба не видно за дичью. Только стреляй и успевай подбирать убитую дичь! В первый раз мне не понравилась охота. Только байки охотничьи. Русский мужик запомнился мне, его звали Леша, да, Леша. Вот он горазд был водку пить и байки травить!

Я почувствовал по-настоящему, что такое охота, когда дядя Юсиф взял меня на охоту вместе с известным поэтом, самым знаменитым поэтом у нас. Он приезжал охотиться на Дивичинский лиман. И врача с собой возил. Как того звали? Помню. Зыры Аллахъяр. И меня дядя не забыл, взял с собой на охоту. У поэта еще собака была, сеттер. Как звали собаку? Вспомнил! Рекс! Так ее звали, замечательная, умнейшая собака. А охоту на фазана дядя устроил специально для поэта. Что и говорить! Королевская охота! Такая красавица-птица, самец – чудо природы. Конечно! Это тебе не полярная сова, дремучая, ни к чему не годная. Наверное, и мясо у нее жесткое, отвратительное. Нашла, кого защищать Диана! Впрочем, какая разница! Лишь бы ее дела шли в гору. Толку от «защитников природы» никакой, один вред. Запретили сейчас отстреливать волков, и что?! Расплодились и волки, и шакалы. Сколько вреда от них тем, кто на земле живет. Баранов таскают, случай бешенства участились. Целые села терроризируют. А серые вороны! Раньше их отстреливали, даже платили за это, а сейчас для них рай. Гнезда мелких птичек разоряют, заполонили не только районы, но и города. Да что говорить! Скоро охотников нужно будет в Красную книгу заносить. Вот такие дела...

Как я скучаю по настоящей охоте! Не той, что сейчас. Ружья с оптическим прицелом, свита проводников. Твоей заслуги никакой. Подгонят тебе добычу – марала. Как в него стрелять? Только горе-охотники и могут стрелять, как этот выскочка, ставший вдруг богатым. Тьфу, забыл, как его зовут. На кабана похож. Такие же маленькие, хитрые глазки и жирный загривок. У него сердце не дрогнуло выстрелить в красавца марала. Посмотрел бы я на него на той охоте. Тогда я увидел, что такое настоящая охотничья собака! Яшел следом за поэтом. Вот он увидел, как из-за куста вышел фазан. Поэт затаился, не шелохнется. Фазан расправил крылья, прихорашивается, еще не видит охотника, не знает, что жить ему самую малость осталось. Собака – умница, не дышит. И тут фазан словно испугался. Рекс встал в стойку. Одну лапу поднял в ожидании, обернулся на хозяина, словно говорит: «Ты что, не видишь? Твоя добыча улетает!» Птица взлетела вертикально, как истребитель с авианосца, а затем она обычно переходит на горизонтальный полет, но не успела, поэт выстрелил, фазан тяжело упал. Помню, как мне стало жаль красавца. Потом уже не жалел. Наоборот, радовался, когда много дичи приносил с охоты. Гордился. Рекс умчался подбирать подстреленного фазана. Я видел, как он зубами осторожно брал птицу. Чтобы не смять ее, не раздавить. Вернулся с добычей. Стояли несколько охотников, а среди них поэт. Рекс подошел к хозяину и сложил к его ногам красавца фазана. Поэт – охотник азартный, а джейранов не стрелял. Рассказал мне, почему. В молодости довелось ему убить молодого джейрана из бахвальства, чтобы удачу свою показать. Уж очень стремительно летел джейран. Когда он подошел к смертельно раненному животному, то увидел, как из прекрасных глаз джейрана медленно текут слезы. После того случая джейранов не стрелял и видеть не мог, когда другие убивали.

Как мне хотелось тогда иметь такую собаку, как у поэта! Однажды я попросил у него Рекса просто прогуляться по подлеску. Иду себе, любуюсь природой. Осень, деревья разноцветные, только грустно немного, знаешь, что скоро все листья облетят, и от этой красоты ничего не останется. Ступать мягко, земля покрыта слоем опавших листвьев. Рекс бежит впереди. И вдруг я вижу, прямо на меня идет громадный кабан. Здоровенный, килограммов 70 в нем живого веса. Молодой я был, а не испугался. Мог ведь кабан кинуться на меня, и неизвестно, что бы из этого вышло. Вскинул

ружье, выстрелил, попал, но не убил. Кабан бросился в кусты. Я не стал его преследовать. Знал уже по рассказам охотников, что раненый зверь очень опасен. Вернулся на стоянку вместе с Рексом, хоть тот и порывался за добычей пойти. Рассказал охотникам. Поднялись они и мы, все вместе, Рекса тоже взяли, пошли смотреть, что приключилось с кабаном. Пришли на место, а кабана там нет, след кровавый тянется к Аразу. Подошли к реке, и вдруг Рекс бросился в реку и поплыл в сторону Ирана. Ему граница не указ. Стоим на берегу, зовем Рекса, а ему все равно. Охотничий инстинкт в нем говорит. Не может с собой совладать. И хозяин не смог его остановить. Хорошо, что благополучно закончилась история. Побегал Рекс на той стороне и обратно приплыл. Вылез на берег мокрый, с укором в глазах. Словно говорит: «Что вы за охотники?! Такого кабана упустили!» И еще помню тот случай, когда мы с Рафиком, братом моим, ехали в полуторке. Рядом с Имишли. Мы тогда на охоту ехали. В кузове лодка, и мы с Рафилем сидим. У нас ружья. У меня «Зауэр», два кольца. Но только патронов нет. Все расстрелял. Надеялся у дяди разжиться. Поднимаю голову, летят прямо над нами 5 огромных птиц. Дрофы. Из Казахстана летят, на зимовку. Прошу у Рафика один патрон, взамен обещаю 50 малокалиберных отдать. Протягивает мне патрон. Я прицелился в третью дрофу, попал в пятую. Ударилась она о телеграфные провода и упала прямо к нам в кузов. Сейчас кому рассказать, скажут: «Вот врет знатно!» А ведь всё правда. Мы потом эту дрофу в Баку привезли, целую неделю ели. Голодно было. Еды совсем мало. Охотники уважаемыми людьми были. Жили большую часть года на лимане. Стреляли дичь, смолили, складывали в бочки с солью. Раз в 10 дней из Баку приезжали, забирали всю дичь и развозили по госпиталям. Людей кормили. Как же так получилось, что из заядлого охотника я стал беззубым защитником экологии? И не просто глупым, бездарным защитником, а президентом общества с дурацким названием «Экопарадайз». Грехи наши тяжкие! А что было делать?! Никто не сможет назвать меня неудачником, как молодые сейчас говорят, лузером. Стоит только посмотреть на мои виллы – поместья, проще сказать. В своем поместье и пострелять можно. Никто тебе не указ. А во что превратился мой старый дружок, самый удачливый охотник Рамиз? Доживает свой век. Если бы не сын, не знаю, как бы он прожил на свою пенсию инженера. Да и охотиться он не может, только вспоминает с тоской прошлое. Чтобы лицензию купить, деньги нужны. Последний раз на стенде, куда его один из охотников пригласил, не поздоровался со мной. Старый дурак! Злится на меня. Как будто если бы не я, то не нашлось другого ловкого и умного человека, который бы оценил ситуацию. Выбранная мной дорога самая верная сегодня. Главное было найти подход к нужным людям. А там – какая разница? Охотишься ты или защищаешь зверушек, главное – оказаться вовремя в нужном месте. К тому моменту, когда идет раздача слонов. Интересно, в каком стане оказался бы поэт, будь он жив? Трудно сказать. Он в свое время спел немало дифирамбов властям. Иначе как оставаться признанным и благополучным? И племянница у меня не промах. Еще лучше мишень подобрала. Полярную сову. Надо же! Интересно, кто ее надоумил? Сова – самая уважаемая птица в наше время. Целый день спит. Ни до чего ей нет дела. Ночью проснулась, глаза свои совиные выкатила, поохотилась на сонных птичек и порядок. Никто не видит, как она заглатывает птичью мелюзгу. Возмущаться некому. Конечно, мудрой ее объявили! А как иначе! Ни в чьи дела не вмешивается. Свои делишки шито-крыто обставляет. Мудрая, да и только. В игре этой, как она называется – «Что? Где? Когда?» Кажется, единственный проект, придуманный на российском телевидении. Все остальное с западных каналов слизали. Ворошило, ведущий, даже объявил игру уникальным местом, где за мозги можно получить деньги. Почти угадал. В современной России и у нас, вообще во всех республиках бывшего Союза, это практически единственное место, где можно хоть какие-то деньги заработать своим умом. Правда, деньгами эти суммы назвать сложно. Хоть какие-то крохи. И умникам не так обидно. Хвастать могут, что своими мозгами деньги зараба-

тывают. Хе-Хе. Какое счастье, что мне не пришлось оказаться в их положении. Да, да, именно счастье! Кто это мне звонит, посмотрим, посмотрим. Моя любимая племянница. Иногда мне кажется, что сына своего я меньше люблю, чем ее».

– Нет, дорогая. Я не забыл. По дороге захвачу журналигу, раз тебе так хочется. А ты можешь немного опоздать, разрешаю. Но только не больше, чем на 10 минут. Что ты говоришь? Точность – вежливость королей? Ты ведь еще не королева. Вот когда ею станешь, тогда ни-ни, опаздывать нельзя. Ну, если хочешь, потренируйся! Приди вовремя.

* * *

Ресторан «Плакучая ива» зажил новой жизнью не так давно. Ничто в интерьере одного из самых дорогих ресторанов города не напоминало о старом кафе-родителе, где когда-то Беюк-ага встречался с друзьями за чашкой чая. Разница между двумя заведениями почти такая же, как между крестьянином в чухе и чарыках на старом послушном ослике и его внуком, отучившимся в заграницах и не слезающем с крутой, навороченной тачки. Машина подкатила к входу. Прежнее старое кафе имело в своем распоряжении открытую площадку, которую превратили в оазис с фигурками мавров, восточными низкими мягкими диванами, пальмами. В таком интерьере не удивительно встретить киношников, суетившихся вокруг столика, стоящего посредине. Снимали фильм. За низким столом – мужчины ярко выраженной кавказской внешности. С любопытством взглянув на мизансцену, Беюк-ага с журналистом проследовали в закрытый зал ресторана. Миниатюрные девушки в шелковых азиатских платьях встретили гостей у двери. Не переставая улыбаться, одна из них поинтересовалась, куда желают пройти гости: в бар или в банкетный зал. Беюк-ага на минуту задумался, мельком взглянул на журналиста и выбрал бар. О том, как нужно разговаривать с подобного рода людьми, он знал давно, с тех пор, как стал успешным деловым человеком. И сейчас он прибегнул к своей обычной тактике. Снисходительно поблагодарил писаку за проделанную работу, заметив, что плата за статью более, чем щедрая, и нет ничего удивительного в том, что работа сделана грамотно. Заказал себе и журналисту виски и незаметно наблюдал за тем, как журналист будет пить. Очень важное качество, по которому Беюк-ага определял, стоит с этим женщиной иметь дело или нет. Дядя вспомнил о своем ангеле, племяннице Диане, входившей в этот самый миг в ресторан, где все ее знали, и где она чувствовала себя почти хозяйкой. Девушка-официантка провела ее к столику, где Беюк-ага с журналистом вели оживленную беседу.

Беюк-ага окинул Диану одобрительным взглядом и успел заметить неподдельный восторг в глазах журналиста. «Все писаки немного дети, нужно только нащупать их слабое место. Красивой женщине легче вести дела. Без сомнения. Там, где мне нужно напрягаться, покупать, интриговать, Диане стоит лишь улыбнуться. Вот где талант!»

– Как я рада с вами познакомиться! Вы себе не представляете! Я читаю все ваши материалы. А последнюю статью, где вы меня защищаете, я читала со слезами на глазах. Как вы все тонко прочувствовали! Как будто это вы сами занимаетесь защитой беззащитных диких животных, а не каких-то там баранов. – Диана поправила юбку, обнажившую стройные колени.

Беюк-ага посмотрел на нее, повел бровями, предупреждая, что излишний восторг только повредит делу. А журналист воспарил ввыси, куда редко залетает даже белоснежная полярная сова. Покраснел от удовольствия и выпитого виски:

– Диана ханым, служить вам – редкое удовольствие, а слышать из ваших уст похвалу моему скромному труду – самая большая награда для простого смертного, каковым является ваш покорный слуга.

Витиеватый разговорный стиль сложился у журналиста не сразу, а по прошествии довольно длительного времени, по мере постижения им ремесла журналиста. Чтобы заработать денег, ему необходимо было уметь писать одинаково пафосно и убедительно совершенно противоположные вещи. Сегодня заказ поступал от одного работодателя, а завтра от его оппонента. Искусство журналиста, каким он его себе представлял, заключалось именно в способности угодить и первому, и второму. В случае с Дианой ханым ему даже не пришлось уговаривать свою совесть, к счастью, не сильно докучавшую ему. Журналист совершенно искренне восхищался очаровательной, красивой молодой девушкой, столь успешной в своей научной карьере. «Такие красивые глаза, волосы, стройная фигурка, точеные ножки, как можно обижать такое создание, прекрасное творение матери-природы?» Журналист, поймав себя на готовой литературной фразе, перевел глаза на большой трехгранный стакан для виски и подумал о том, что больше ему пить не стоит, если он хочет и дальше писать для замечательных людей, какими являются богатый дядюшка и его ангелоподобная племянница.

Беюк-ага оценил жертву, принесенную журналистом. Он догадался по добровольному отказу от дармового алкоголя о том, что мужчина пить не может, но у него достаточно воли, чтобы вовремя остановиться. Он незаметно подмигнул Диане, подавая ей условный знак. Теперь она может говорить о том, что так сильно волновало ее в последнее время. Диана давно мечтает о глянцевом журнале. «Ну, таком, например, как «*Elle*» или, на крайний случай, «*Madame Figaro*». В конце концов, она может позволить себе (если, конечно, дядюшка не будет против и оплатит все расходы) настоящий шикарный гламурный-прегламурный глянцевый, и не просто глянцевый, а прямо-таки мраморный журнал. Чтобы весь переливался, светился, радовал глаз, а она не станет выступать в качестве модели, нет, это слишком вульгарно, не ее уровень. Хотя, откровенно говоря, она даст фору любой модели. Диана ханым может быть только главным редактором, вдохновителем и добной феей, открывающей миру обиженных зверушек на фоне манекенщиц, одетых в искусственные меха. Одним выстрелом она убьет сразу двух зайцев. Нет, так не пойдет, нельзя вспоминать устаревшие кровожадные пословицы даже в мыслях. Зачем же убивать милых зайчиков, это так негуманно. Просто она из Дианы-охотницы (надо же было родителям назвать ее Дианой!) превратится в покровительницу всего животного мира. И тогда древнегреческую богиню Диану перестанут называть охотницей, а назовут Диана-спасительница. Совсем как ее. Какая она все-таки умница!»

— Я вижу, вы скучаете? — ласково обратилась к журналисту Диана, — хочу предложить вам идею. Вдруг она вам понравится, и тогда мы вместе могли бы ее обсудить. Дядя еще не в курсе моего проекта, но я надеюсь, что он поддержит меня, — Диана обернулась к Беюк-ага и лучезарно улыбнулась. Впрочем, ее улыбка не согрела ему сердца. Он тут же подумал о том, чем ему грозит очередная гениальная идея племянницы.

Диана заглянула дядюшке в лицо, не сомневаясь в том, что сердце старого охотника растает. И только когда она увидела, что глаза Беюк-ага подобрели, Диана приступила к изложению своего проекта.

— Мы же говорили о журнале, *dayı*, помнишь? Я тебе еще обещала, что в нем мы будем печатать только серьезные статьи очень влиятельных,уважаемых ученых, ну, и мои, конечно. Если захочешь, *dayı*, ты тоже можешь писать. И вот наш замечательный журналист будет мне помогать в этом деле.

Беюк-ага почти не слушал, что говорит племянница. Он с удовольствием наблюдал, как она надувает губки, как морщит лоб, поднимает глаза вверх, взмахивая тяжелыми от туши ресницами. И как она смотрит в глаза собеседнику, проникая ему в самую душу. Он заметил, что и журналист находится в том же состоянии легкого наркотического опьянения. Этим состоянием они обязаны только его племяннице,

виски тут ни при чем. Девушка наконец заметила, с каким умильным видом оба мужчины смотрят на нее, совершенно не слушая то, что она пытается с таким жаром донести до них.

– Вы не слушаете меня. Интересно, о чём вы оба думаете? Оказывается, из нас троих я самая деловая! Скажи, *dayi*, ты так не считаешь?

– Конечно, милая. Ты самая деловая и, главное, самая красивая!

– Я тоже хотел это сказать, – журналист не сводил восхищенных глаз с Дианы.

– А я говорю о журнале, серьезном журнале. Может быть, не совсем серьезном, но слишком скучном. Нет, конечно. Там обязательно должны быть картинки. Ну, я не знаю, зверушки разные, и потом, немного моды, мои манекенщицы будут носить искусственные меха, гороскопы, кулинария. Да, не забыть, рецепты блюд только из домашних животных. Вы же понимаете, как это важно для экологического журнала.

– А у тебя еще и манекенщицы будут? Это интересно...

– Дядя, ты все не так понимаешь. Я собираюсь быть редактором серьезного журнала, научного почти. Вот и наш друг журналист скажет тебе, как это важно – рассказать всем, кто далек от экологии, а ведь это – будущее планеты, о трагедии, которая всех нас ожидает, если мы не опомнимся.

– *Canim*, ты репетируешь свою речь на следующей конференции? – Беюк-ага словно забыл о присутствии журналиста.

– Ваша племянница совершенно права, – стреляный воробей почувствовал, сколько пользы можно извлечь из журнала Дианы не только для таких диких зверушек, как полярная сова или белый барс (новый аватар Дианы), но и для такой простой, непрятательной птички-воробья, как он, журналист.

Беюк-ага вовремя осознал, какими тратами может обернуться для него чрезмерное благодушие, и поспешил завершить встречу. Он не стал отвечать на брошенный вызов журналиста; поднялся, вынудив своих собеседников вспомнить о том, какие они деловые и как много им нужно еще сделать за день. Все трое разъехались в разные стороны.

* * *

«Радетели отечественных баранов», как их метко окрестил журналист, не忘记了 времени даром. Разгромная статья Мамеда-доллара, как прозвали журналиста за чрезмерно профессиональный подход, а именно, за полное отсутствие каких либо принципов и способность в одно и то же время написать две статьи на одну тему от двух враждующих сторон, назвать белое черным, а потом наоборот, рассказать всем как безнравственно, когда белое называют черным, вызвала смятение в стане защитников не просто домашних животных, а еще конкретнее – местных домашних животных. Авяз Гоюн собрал штаб и высказал свои соображения по поводу дальнейших действий. В ходе оживленной дискуссии, не раз прерываемой матерными выражениями, боевая, самая активная группа пришла к выводу, что необходимо провести акцию. Современную, запоминающуюся, такую, что вызовет живой отклик не только на страницах прессы. Прессу сегодня читают редко, да и то интересуются лишь скандалами в шоу бизнесе и погодой. Нужно придумать такую акцию, чтобы все «на уши встали», как образно выразился один из активистов. В качестве примера он привел предвыборную кампанию Путина в России, когда молодые стройные девушки устроили флешмоб – очень популярный на сегодняшний день вид акций. Девушки подбирались соответствующие, ни какие-нибудь тетки средних лет, а молодые, стройные, до 30 лет. С голыми ножками, в белых маечках, на которых написано, как они любят мачо Путина. Они застыли на месте, дали собой полюбоваться. Вот это промо-акция! Ничего не скажешь, круто! Дискуссия принесла свои плоды. Решили устроить флешмоб в центре Баку, на площади Физули, куда оппозиционеров никак не хотели

пускать для проведения митингов. Самое подходящее место. В качестве главного действующего лица предложили использовать корову. Во-первых, в качестве животного, которое обижают не меньше, чем баранов, а во-вторых, чтобы показать всем, что активистов – защитников домашних животных – волнуют не только бараны, но и другие братья меньшие. Долго обсуждали, какую корову лучше выбрать: большую, маленькую, тощую, жирную. Сошлись на быке. Для претворения в жизнь сложной интриги, задуманной стратегом группы, корова, впрочем, как и баран, никак не подходила. Здесь нужен был бойцовский непредсказуемый характер и соответствующий темперамент. Договорились с одним из мясников, обслуживающих этот район города. Выяснилось, что ему очень кстати привезли воинственного быка. Хозяева скотины мечтали избавиться от забияки, досаждавшего им своим драчливым характером. Мясник оставил быка в Хырдалане, в сарае рядом с домом. Двое активистов, оценивших быка, согласились с тем, что лучшей кандидатуры для «Бакинской корриды», как решили назвать акцию, придумать нельзя. К полудню быка подвезли к площади и выпустили прямо на проезжую часть улицы. Бык легко спрыгнул с грузовика; завидев газон с травой, устремился к нему сквозь поток машин, ничуть не смущаясь интенсивным движением. Он добрался до лужайки, и тут же вокруг быка образовалась толпа зрителей. Полисмены, в изобилии встречающиеся в центре, не заставили себя ждать. В руках у самого предпримчивого появилась длинная веревка. Судя по движениям рук, он вспоминал, каким образом американские ковбои накидывают лассо на горячих мустангов. Вспомнить ему так и не удалось. Бык, вероятно, разгадав его замысел, направился в его сторону, выставив вперед голову, хоть и без ярко выраженных рогов, но не менее свирепую, чем у «торо» испанской корриды. Полисмен рванул еще резвее, чем бык. Кольцо из зевак и стражей порядка оставляло быку поле для маневра. Он делал круги, ложные выпады. Шеф группы захвата подозревал своего подчиненного, рядового полисмена. Тот удалился и появился минут через десять с ведром воды. Ведро он установил посреди круга. Коварный замысел шефа не увенчался успехом. Бык не пошел на водопой. Разгадал ли он план или просто не хотел пить? Бык продолжал резвиться, пугая круг своих фанатов, которых становилось все больше. Появился человек с камерой, вышедший из машины, на которой было написано ANS. Популярный столичный телевизионный канал проявил оперативность, не желая пропустить столь занимательный сюжет. Человек с тяжелой камерой на плече снимал, неуклонно следя за движениями неуравновешенного животного. Он выполнял порученное дело добросовестно, как и полисмены, не оставлявшие своего намерения заарканить быка. Они встали в живой круг поменьше большого круга зевак. Соединялся круг между людьми большой веревкой, которой предполагалось связать несговорчивое животное после успешного маневра. Бык оценил обстановку; на минуту все фигуранты удачного флешмоба замерли. Словно позируя, бык вскинул голову и тут же устремился на ближайшего полисмена, отскочившего в сторону. Бык легко, словно через скакалку, перепрыгнул через веревку и вновь оказался на дороге. Автомобилисты, вопреки своим обычаям, не стали сигнализировать. Никто не может предугадать поведение настоящего быка. А вдруг ему захочется боднуть дорогую машину, никто ему не указ. Бык устремился вверх по улице, к монументу Освобожденной азербайджанки. Несколько полисменов остались на месте, на лужайке с травяным покровом. Зеваки стали расходится, а стражи порядка рассудили, что бык все равно возвратится на лужайку, поскольку лучшего места в округе ему не найти. У быка, учитывая его свободолюбивую природу, скорее всего, такие же пристрастия, как и у оппозиционеров. Бык вполне оправдал надежды, связанные с ним. Повел себя как самая буйная толпа разнужденных хулиганов. Забрел в аптеку неподалеку от площади, сломал оборудование, которое, по мнению владельца аптеки, не имело аналогов на всем постсоветском пространстве, а может быть, и во всей Европе. Активисты достигли желаемого, всем стало ясно, что преследуемый, содержащийся

в тяжелых условиях бык способен нанести большой ущерб. Они не учли главного. У них не оказалось заранее заготовленного текста, чтобы точно расставить акценты. И в итоге акценты расставляли официальные новостные каналы. В их интерпретации бык оказался таким же неразумным, глупым и буйным, как и инициаторы глупейшей акции, к которым с легкой руки Мамеда-доллара приклеилась кличка «Радетели отечественных баранов». Только канал ANS беспристрастно показал материал в своей обычной манере, ограничившись самым непрятательным, а оттого наиболее корректным комментарием. Вскоре быка затмила местная актриса ярко выраженной кавказской внешности, заявившая о том, что мечтает воплотить на экране «железную леди» Маргарет Тэтчер. Ее смелое заявление имело почти такой же резонанс, как и перформанс быка. Все стали наперебой комментировать желание актрисы. Кто-то давал ей практические советы о том, как загrimироваться под Тэтчер, (что очень не-просто, учитывая физические данные женщины кавказского типа), кто-то высказывал в самой грубой форме сомнения по поводу того, что подобное желание возможно осуществить. Во всяком случае, про быка, а вместе с ним и защитников домашних животных забыли. Авязу Гойуну так и не удалось на долгое время привлечь внимание общественности к тяжелым проблемам отечественной домашней скотины.

Деятельность Дианиного фонда продолжалась в вялотекущем режиме. Подобная ситуация могла устроить какую-нибудь серую мышь от науки, привыкшую к архивной пыли. Но никак не устраивала Диану, жаждущую всемирной известности и признания. Фонд Белой совы должен получить такое же признание, как, например, Фонд Сороса. Про Сороса все знают, даже ее секретарша, и та вчера, услышав о том, что какую-то никому не известную правозащитницу наградил Фонд Сороса, не могла скрыть восторга.

– Представляете, Диана ханым, вот эту некрасивую толстую женщину наградил сам Сорос. Неужели она такая умная?!

Диана не захотела скрыть раздражения:

– При чем здесь «умная»?! Ты что, совсем глупая, не понимаешь, что это все политика! Ее наградили за то, что она всех достала своей «справедливостью»! А знаешь, почему она такая «справедливая»?

– Может, она с детства такая? – секретарша говорила все тише, боясь разгневать красавицу шефиню.

– Ты никогда не станешь начальником! Не понимаешь элементарных вещей! Она страшная, жирная, отвратительная! Как ей обратить на себя внимание?! Только «борьбой за справедливость»! Никаких других шансов у нее нет, понимаешь?! Она будет копаться в чужом грязном белье, потому что ее белье никому не интересно!.

Диана замолчала, последняя фраза звучала у нее в ушах. «У меня появились мысли почти как у Конфуция, или как там его, известный такой француз. Да... у них все элегантно, и мысли тоже элегантные, вспомнила, вспомнила, Монтень, совсем как у Монтеня. Пора уже записывать свои идеи, а не тратить их на пустышку-секретаршу».

Болтовня секретарши подтолкнула Диану к решительным действиям. Пора браться за журнал. Тем более, что помощник у нее есть. Неглупый, симпатичный, современный и такой влюбленный в нее Мамед. Название для своего журнала Диана придумала тут же, глядя в окно, где полным ходом шло строительство Зимнего Цветущего Бульвара в самом центре города. Для реализации грандиозной идеи городским властям пришлось снести старенькие дома, пережившие ни одну революцию и сравнительно недавнее землетрясение. Дома устояли перед стихией, однако перед натиском прогресса в виде городского начальства устоять не смогли. Их сносили бульдозеры и другая тяжелая техника, работавшая днем и ночью. Открытая строительная площадка создавала иллюзию смерча. При самом небольшом ветре, обычном для «города ветров», на стройке образовывалась воронка с эпицентром в большом

котловане, грозившая поглотить все, что окружало ее, в том числе и Дианин офис, расположенный как раз напротив будущего Зимнего Цветущего бульвара. Обычно Диана требовала, чтобы окна были закрыты жалюзи, но сегодня так случилось, что они оказались поднятыми и муравейник стройки шумел перед глазами девушки. «Знаю, как я назову журнал! «Гнездо белой совы». По-моему, замечательно! В гнезде может поместиться все, что угодно, совсем как на эту стройку. Мода, кулинарные рецепты, здоровье и красота (а как же без них), и не только для людей, но и для животных, птичек, собачек, совы, старинные красивые обычай, связанные с белой совой, картины с ее изображением, пусть даже не на переднем плане, а где-то там, в углу; истории, где сова играет важную роль. Придумала! Ура! Почему бы не открыть рубрику, которая так и будет называться: «Советы Мудрой Белой Соры». Никто же не будет спорить с тем, что сова – мудрая.

Сколько всего пришлось пережить Диане, прежде чем был назначен день презентации нового международного журнала «Гнездо белой совы», мог рассказать разве что Мамед, большой мастак по части драматических историй. Диана и представить себе не могла, насколько люди завистливы и неблагодарны. Многие из ее подружек и даже друзей мужского пола не выдержали испытания. Первое время Диана жаловалась: плакалась в жилетку Беюк-аге. Потом бросила это занятие, услышав от него:

– Ну, если ты такая чувствительная, то нечего браться за столь сложное дело. Думаешь, все будут петь тебе дифирамбы?! Не надейся! Твои друзья сейчас показали, чего они стоят. Радуйся! Ты зато знаешь, как они на самом деле к тебе относятся. Скажи мне, в твоем окружении есть хоть один человек, кто тебя поддерживает?

– Конечно, дядя! А Мамед?! Он ведь все твердит о том, какая я замечательная, умная. Разумная, красивая.

Беюк-ага поморщился:

– Ты все-таки наивна и глупа, твои друзья правы! Мамед собирается поживиться за счет твоего, а точнее, моего журнала. Неужели ты не поняла?!!

Диана заплакала. Беюк-ага держался неделю, надеясь, что упрямица откажется от столь дорогостоящей затеи издавать свой журнал. Будет потихоньку развивать Фонд мудрейшей белой совы, а заодно и сама немного поумнеет. Племянница не звонила и, по рассказам сотрудников Фонда, не появлялась в офисе. Беюк-ага озабочился, и сам позвонил Диане. Ее тихий голос и непривычное смирение растопили его твердую решимость, и он согласился оплачивать все счета нового проекта.

Первый номер журнала было решено доверить опытным специалистам. «Если уж издавать серьезный журнал, то нужно заказывать материалы профессионалам с именем, и не местным, нет, какие из них профессионалы?! Разве что Мамед, да и то по принципу «на безрыбье и рак рыба». Нужно обращаться к московским спецам. Чтобы и имя было, и подать могли любой материал. Мало ли что захочется поместить в журнал, кроме историй о сове и ее нуждах.. Может быть, и дядюшку любимого порадую. О нем материал сделаю, о его сыне, моем двоюродном брате. Не знаю пока, что о них рассказывать? Да, вот... Беюк-ага охотник известный, почему бы и не написать об этом. Как он охотился с нашим знаменитым поэтом. Ой! Совсем забыла, мой дядюшка президент компании «Экопарадайз»! А это значит, что ему по должности полагается защищать зверушек, и потом, мой журнал ведь тоже – журнал защитников животных, тем более диких. Нет, про его охоту лучше не писать... И что я парюсь? У меня Мамед есть. Пусть он и думает. И кого привлекать, тоже ему поручу. Я ведь писак не знаю, и не нужны они мне! Пусть делом занимаются, а я вот самым главным – презентацией журнала займусь. Где бы мне его презентовать, чтобы все мои бывшие подруги от зависти слюной изошли. В Париже! Вот где! В замке средневековом. Чтобы там гобелены на стенах висели, офицанты в париках и камзолах, свечи везде, музыка, клавесин. И наш журнал на подносах разносят вместе с французским шампанским. А все вокруг смотрят на меня. Я в таком красивом белом, нет,

черном, нет, сером, нет, голубом платье, простом, от Шанель, на голове у меня диадема. Ой! Про сову забыла. Нужно, чтобы сова была в золотой клетке, и стояла бы эта клетка в самом центре зала на мраморном высоком столике. Совсем похоже получается на мой любимый фильм «Тупой и еще тупее». Там тоже было шампанское, сова, ее, бедняжку, как раз пробкой от бутылки и укокошили. Американские фильмы такие клеевые. Без них никуда! А что, если шампанское заранее открыть, или сову куда-нибудь очень высоко под потолок поднять, чтобы она оттуда, с высоты, на всех нас смотрела?! Здорово! Так и сделаем. И еще развесим везде шарики. Мне так нравятся шарики, когда ими украшают помещение. Так оригинально, необычно! И розы, чтобы везде были розы! Красные! Много!»

Презентация нового журнала «Гнездо белой совы» прошла, как и хотела Диана, в старинном средневековом замке под Парижем. Большинство пожеланий Дианы Беюк-ага учел. Но не только. Он пригласил дизайнера, декоратора, аниматора, обслуживающий персонал, которые вдохнули жизнь в чучело белой совы, взиравшей на собравшихся с высоты своего постамента, установленного в самом центре большого парадного зала. От живой совы отказались. Ее еще нужно найти, белую полярную сову, что намного сложнее, чем арендовать старинный французский замок. И потом, кто знает, как себя поведет живая сова. А вдруг она не захочет спать, начнет ухать. Голос у нее противный. Это тебе не соловей. Еще гостей распугает. А вот с чучелом никаких неожиданностей. Оперенье ей почистили, макияж сделали, красавица-совы весь вечер сверкала на пьедестале. Шарики, несмотря на некоторое сопротивление декоратора, были развесаны по всему периметру зала. Француз-декоратор, первый раз услышав о шариках, поморщился, словно испытал внезапный приступ зубной боли, но после задушевного разговора с клиентом, безоговорочно подписавшего фантастический счет профессионала, согласился. На шариках декоратор предложил нарисовать логотип Фонда белой совы. Диана с восторгом согласилась. Официантов Диана хотела одеть в ливреи лакеев Людовика XIV. Идея не прошла. Хозяева замка, услышав о том, что в их замке будут расхаживать лакеи в ливреях короля Солнца на презентации журнала с забавным названием «Гнездо белой совы», посчитали, что король, будь он жив, не одобрил бы подобной вольности. Тем более, что журнал не французский, а заморский.

Презентация была в самом разгаре, очаровательная Диана, в простом серебряном платье, с бриллиантовой диадемой на голове расхаживала по залу, очаровывая гостей небесной внешностью и большими познаниями в экологической науке. В это время в зал неожиданно, растолкав официантов, буквально ворвались несколько растрепанных типов. На шее одного из них висел бадж с надписью «пресса». Если бы роскошный вечер, задуманный Дианой и оплаченный любимым дядюшкой Беюк-ага, проходил в родном Дианинном городе, то подобный инцидент никак не мог произойти. Растрепанных, бомжатского вида журналистов ни за что не пустили бы в высшее общество, собранное по крупицам Дианой. А тут такой конфуз! Мало того, что они про никли обманом на вечер – у них не было приглашений, и не могло быть!

Самый отвратительный из них, дурно пахнущий мужчина подскочил к Диане и, сунув ей под нос невесть откуда взявшийся микрофон, заверещал глухим голосом, чем-то напоминающим уханье совы:

– Madame Garagezlu, nous représentons la revue «L'Ecologie et la Nature». On voudrait vous poser quelques questions. Hélas, nous n'avons pas pu nous procurer des cartons d'invitation et pourtant, nous sommes ici, comme vous voyez, puisque la France est un pays démocratique et au fait nous sommes chez nous, dans notre pays !

Диана оглянулась вокруг в поисках поддержки. Она поняла все, о чем говорили наглые французы. В английском колледже, где она училась, несмотря на нелюбовь к французам все же преподавали курс языка, помня о том, что в Европе французский считается первым языком общения. Умница и красавица догадалась,

что журналисты прорвались сквозь кордон охранников не для того, чтобы поздравить ее с новым роскошным экологическим журналом. Рядом с ней стояли два гориллообразных охранника в смокингах и в бабочках, смешно топорщившихся на бычьих шеях. Толку от них в подобной ситуации никакого. Диана поискала глазами Мамеда, но не нашла. Беюк-ага на презентацию не приехал. «Потом посмотрю в интернете фотоотчет. Полюбуюсь на тебя в диадеме. Зачем мне нужен грязный Париж и наглые французы? Чего я там не видел? Я сделал все, как ты хотела. Извини, большего я сделать не могу. Поеду на дачу. Постреляю. Немного расслаблюсь». Принимать мгновенное решение пришлось ей. «Как всегда! В самые тяжелые минуты я оказываюсь одна! За что, спрашивается?» Выигрывая время, громко позвала переводчика.

– «*NiddeHibou*», c'est le nom de votre revue. On est déjà bien intrigué par le choix du nom. D'après les informations très maigres que nous avons pu obtenir, votre revue est écologique. Dites, s'il vous plaît, vous êtes inquiétées outre mesure par le sort du Hibou blanc polaire? C'est vrai? Votre pays est situé assez loin du pôle polaire. Il n'y a pas d'espèces d'animaux dans votre pays qui soient aussi menacées que le hibou polaire?

Журналист по всей видимости наслаждался растерянностью Дианы, попавшей в ситуацию, когда ждать помощи не приходилось, любимый дядюшка был далеко, Мамед, как назло, испарился. Она похлопала ресницами в надежде произвести то же впечатление, что она производила обычно на свое окружение. Девушка ждала заслуженного восхищения и обожания. На этот раз прием не сработал. Наглый журналист продолжал с усмешкой смотреть на нее, а его подчиненные щелкали фотоаппаратами, беря на прицел чучело совы в золотой клетке, разряженных гостей, прислугу в ливрее. Охрана сгрудилась вокруг Дианы. Наконец самый находчивый пошел к журналисту, продолжавшему задавать свой нескончаемый вопрос:

«Cenom, Hibou, peut-être c'est une métaphore?»

Другие охранники ожили и, взяв под руки друзей не унимавшегося журналиста, продолжавшего кричать: «Pourquoi vous présentez cette revue à Paris? Chez vous, dans votre pays, vous n'êtes pas la bien venue?», потащили их к выходу, не обращая внимания на шокированных, с изумленными лицами гостей.

Разочарованная, поникшая Диана, окруженная телохранителями, вышла из зала. «Я туда больше не вернусь. Эти грязные французы отвратительны! Их не волнуют судьбы животных! Они ищут только сенсации! Как все мерзко в этом мире!», – Диана заплакала навзрыд. В ее комнате, уставленной старинной мебелью, множество зеркал отражало прелестную картинку: молодая женщина в серебряном платье, в диадеме, которую она не успела снять, рыдает, не забывая при этом поглядывать в зеркало, чтобы убедиться в том, что и в плачущем виде она прекрасна. Послышался стук в дверь, и почти сразу же в комнату ворвался, несмотря на сопротивление прислуги, Мамед.

– Я вас искал повсюду, но не нашел, а потом мне сказали, что произошел какой-то неприятный инцидент. Да, я как раз выходил ненадолго, нужно было позвонить в Баку, – Мамед стоял прямо перед огромным горшком с маленькой декоративной пальмой. Обычная развязность изменила ему, и он не решался сесть, ожидая приглашения. Диана взмахнула тяжелыми ресницами. Тушь не подвела, как и обещала реклама, оказалась водостойкой, а в данном конкретном случае – слезостойкой.

– Как жаль, что вас не было рядом со мной, когда эти мерзавцы накинулись на меня! Я думала, они меня растерзают. Представляете, грязные, отвратительные журналиги с их идиотскими вопросами! Я даже не помню, о чем они спрашивали, настолько отвратительно они выглядели. Мне показалось, что они не мылись, по крайней мере, неделю!

– Дорогая Диана, – голос Мамеда дрожал, похоже, он готов был заплакать от умиления и возмущения одновременно. – Я не представляю, как можно обижать такое

прелестное создание! Вы – богиня! Неужели они не поняли этого, посмотрев на вас! Какие черствые, бездушные люди! Если желаете, я могу организовать публикацию статьи, в которой ваш, то есть наш журнал будет признан светочом экологического движения. Правда, – Мамед запнулся, – для этого потребуются определенные затраты. Вы же понимаете, – журналист понизил голос и оглянулся по сторонам, – что перед круглой суммой не устоит ни один журнал или газета.

– В самом деле? – глаза у Дианы округлились, голос стал еще тоньше и нежнее, – вы вправду так думаете?

Мамед почувствовал себя умудренным, взрослым и серьезным мужчиной, мотившим просветить и защитить столь хрупкое, наивное и неземное создание, каким представлялась сейчас его патронесса Диана. Один нюанс нарушал благодушное состояние Мамеда – необходимость прибегнуть к дядюшкиному кошельку. При мысли о том, какова будет реакция Беюк-ага, и сколько он продержится в роли безотказного благотворителя, у Мамеда стало портиться настроение. Однако медлить не приходилось. «Промедление смерти подобно!» – громко, с пафосом произнес журналист, не сомневаясь, что произведет должное впечатление на подавленную, но не сломленную Диану.

Назавтра во французской прессе появились оскорбительные статьи, где мерзкие журналиги начали с того, что посмеялись над названием журнала «Гнездо совы». В статье «Amide Hibou» (друг совы) автор вспомнил про «Гнездо кукушки» Милоша Формана. Задался вопросом: окажется ли «Гнездо совы» таким же разрушительным для его обитателей, каким в свое время оказалось «Гнездо кукушки»? Пожелал белой полярной сове поскорее улететь из гнезда, куда не пускают простых людей (автор имел в виду себя, журналиста), а где рады лишь лизоблюдам и богачам. Однако и Мамед выполнил обещание. Его заботами, щедро оплаченными дядюшкиным бездонным кошельком, в нескольких газетах, правда, не самых популярных, появились заметки о безобразном поведении французских журналистов, совершенно потерявших стыд, роняющих достоинство известной своими демократическими традициями французской прессы. Одна из статей заканчивалась патетическим возгласом в стиле французских трибунов времен Коммуны: «Доколе мы будем терпеть в своих рядах невежественных журналистов?!»

Диана не стала задерживаться в Париже после конфузса с презентацией журнала. Она дала себе слово, что обязательно вернется во Францию, оказавшую ей столь враждебный прием. Но только в следующий раз позаботится о том, чтобы ее принимали так, как она того заслуживает. С почестями и красной дорожкой от самого трапа самолета. В Баку ее встречал дядюшка Беюк-ага. В ВИП-зоне аэропорта дядюшка чувствовал себя как дома. Веселый и довольный, он с жалостью посмотрел на поникшую Диану. «Ну что ты грустишь?! Мне с самого начала не понравилась идея презентовать журнал в Париже. Почему женщинам обязательно нужен Париж? Объясни мне! Нет, ничего не говори! И так было ясно, что завистливые, жадные французы обязательно устроят какую-нибудь пакость. Так и случилось! И твой хваленый советчик Мамед не помог. В следующий раз будешь умнее! Будешь слушаться меня! Да, кстати, забыл тебе передать привет от твоей мамочки. Она уехала на Гавайи. Устала от жизни в нашем городе. А кто не устал, спрашивается? А отец твой, как всегда, на какой-то конференции. Забыл я, что за мероприятие. Да и неважно это. Главное, что я рядом».

Баку после Парижа показался провинцией. Не спасал даже размах строительных работ. Наоборот, создавалось впечатление, что город пережил тяжелые бомбежки и пытается восстановиться – столько вокруг разрытых дорог, выкопанных котлованов, тяжелой техники, столько смога, за которым не видно неба. Еще одну странностьглядела Диана. Почти все старые здания, удостоившиеся реставрации, стали этажом выше. Последний, мансардный этаж менял облик всего старого здания.

Оно становилось похожим на парижские дома, где мансарды сплошь и рядом. «Когда же, наконец, мы станем в один ряд с этими надутыми индюками – европейцами? Как хорошо я их сравнила с индюками. А может, к белой сове, белому барсу еще и белого индюка прибавить? Компания хоть куда». Диана сидела у себя в кабинете, наслаждалась клавесинной музыкой Генделя и думала о том, как расширить поле деятельности Фонда белой полярной совы. Благодушное состояние красавицы прервал телефонный звонок, имитирующий уханье совы. Диана поморщилась и сняла трубку. Раздался скрипучий старый страшный голос. Подобный голос мог принадлежать только очень старому бесполому чудовищу или ожившей белой полярной сове:

– Ну что, красавица! Нагулялась! Как тебя принимали, дорогая! Нужно учить историю, дорогая! Тогда не попадешь впросак. Мерзкие французы не пожалели свою королеву! Да, да, бедняжку Марию Антуанетту казнили. Ты не в курсе? Между прочим, на площади, которую заложили в честь отца ее мужа. А ты, наверное, и не знаешь, кто был ее мужем? Людовик XVI. А площадь со дня ее основания носила имя Людовика XV. Сейчас ее называют площадью Согласия. Так и называют – Place de la Concorde! Интересную историю я тебе рассказала? А?

Диана онемела. Ей хотелось бросить трубку и забыть страшный голос, продолжавший рассказывать кошмарные исторические анекдоты вперемежку с не менее ужасными современными реалиями. Под конец бесконечного монолога Сова (как прозвала ее Диана) выдала самую свежую, и от того еще более ужасную новость:

– А ты слышала, что рассказывает Мамед всем, кто пожелает его выслушать? Нет? Нет... Полагаю, не слышала. Он говорит, что ты втюрились в него по уши. Шагу без него ступить не можешь. Несколько раз пыталась затащить его в постель, только ничего не получилось. Ты не в его вкусе.

Из глаз Дианы посыпалась искры. Охотница проснулась в защитнице природы, и если бы ее собеседник либо собеседница (вопрос пола так и остался загадкой) вдруг оказалась рядом, то ей бы не поздоровилось.

Журнал напечатали в Турции. Влетел он в копеечку. Все счета оплатил Беюкага. «Тысяча экземпляров, – уверял Мамед, – разлетятся в один день». После фиаско в Париже Диана решила покорить Баку. Промоакцию Диана захотела провести самолично. Она придумала костюмы для участников акции. Белоснежные ангельские крылья – один из главных элементов костюмов. Опытную партию сшили там же, где напечатали журнал, в Турции. Белые трико, белые крылья и пушистые белые шапочки. Первой опробовала костюм Дианина секретарша. Не по доброй воле, а по приказу своей начальницы. Диана долго смеялась, глядя на широкобедрую девушку в обличии неземного ангела. Костюм ей откровенно не шел. Тем не менее, Диана настаивала на том, чтобы и секретарша в этом костюме участвовала в акции. Генеральную линию промоакции, как и всего, что касалось журнала, должен был опеределять Мамед. Встреча красавицы с Мамедом после драматического телефонного звонка произошла в том самом ресторане «Плакучая ива», где они познакомились. Мамед нервничал и потому решил выпить для храбрости полный стакан виски, чего он обычно себе не позволял. После первого стакана последовал второй. Диана вошла в ресторан. К ней подлетели две милые девушки и повели к столику Мамеда. Веселый Мамед вместо обычного сдержанного приветствия вдруг опустился на одно колено перед Дианой и запел, подражая оперному баритону: «Кто может сравниться с Дианой моей, сверкающей искрами черных очей ...» Диана вспыхнула, встала. Мамед продолжал кривляться. Романс привлек внимание других посетителей ресторана; кто то уже снимал сцену на мобильный телефон. Диану освободил от пьяного Мамеда подоспевший на помощь метрдотель. В тот же день на Фейсбуке и в других социальных сетях появились фотографии стоящего на коленях Мамеда с выразительно поднятой рукой и томным взглядом в сторону застывшей с каменным выражением лица Дианы. Весельчаки тут же поместили подписи. Из уст Мамеда

вырывалось: «Не уходи, побудь со мной», рядом с лицом Дианы поместили «Ты кто такой? Давай, до свидания!» Диана снова выпала из повседневной суровой взрослой жизни и две недели провела в Дубае, пытаясь восстановить утерянное равновесие суровым, беспощадным для кошелька Фонда совы, шопингом.

В один из дней, похожих друг на друга одуряющей жарой, она забрела в кафе, привлекшее ее внимание бакинским колоритом. Вывеска «Старый Баку» красовалась на фоне фотографий Баку начала ХХ века: конки, венецианские здания, а рядом мастерская, а в ней башмачник в колоритном национальном наряде, дамы во французских шляпках и пышная ханым, укутанная в келагай. Девушка толкнула тяжелую дверь и глотнула прохладный кондиционированный воздух, ставший визитной карточкой нефтяного арабского рая. В зале негромко звучали восточные джазовые импровизации на фортепиано. Диана внимательно осмотрела интерьер. Небольшие квадратные деревянные столики с блестящими столешницами и на каждом – лампа под оранжевым абажуром из ткани. На стенах фотографии вперемежку с настоящими картинами, чей восточный колорит чем-то напоминал сказки Шехерезады: девушка в образе птицы Феникс, лампа Аладдина с джинном внутри, женщина с гранатом. Картина в центре представляла собой на первый взгляд загадочную женщину в сложном головном уборе. Полотно в золотисто-рыжих тонах излучало свет и привлекало своей аурой. Только разглядев все детали картины, Диана поняла, что на картине слиты два персонажа – мужской и женский. Оба – как половинки одного и того же яблока. Метафора о двух половинках, нашедших друг друга, выпукло и талантливо воплощенная художником.

Не успела Диана сделать заказ и отпустить официанта, как к ней подошел молодой человек, чем то неуловимо похожий на юношу с картины.

– Мадемузель уже выбрала, что желает, или я могу ей помочь? – молодой человек улыбался и говорил по-русски. Ответить на такую улыбку заносчивой, холодной репликой не представлялось возможным даже для надменной Дианы.

– А вы менеджер этого заведения и заботитесь о его репутации?

– Почти менеджер, моя позиция намного хуже, я – владелец и сегодня забрел сюда совершенно случайно, хотел еще раз взглянуть на мою любимую картину и обнаружил перед ней очаровательную девушку, очень похожую на наших бакинских красавиц, вернее, на единственную, самую очаровательную красавицу, на вас, Диана ханым!

– А разве мы с вами знакомы? – Диана смотрела на юношу во все глаза.

– Не помню, нас представили друг другу или нет, правда, не помню. Я был на презентации вашего журнала «Гнездо совы» в Париже.

На мгновение Диана смутилась. Вспомнила наглецов журналистов, похожих на клошаров, весь ужас, пережитый ею в тот день, Мамеда, как сквозь землю провалившегося в самый ответственный момент. Молодой человек словно прочел все, что могла чувствовать Диана:

– Мне запомнился ваш образ! Из всей кутерьмы вокруг совы и журнала я помню только вас. Позвольте представиться, меня зовут Эльмар, – он протянул руку для похвастия.

Диана потупилась. Куда делась ее обычная уверенность в себе?

– А меня зовут Диана. – Она перевела взгляд на картину.

– Я знаю... Вам нравится картина? Я подарю ее вам, а вдруг она напомнит обо мне?

Диана только кивнула. Эльмар откланялся и оставил ею одну в растерянности.

...О том, какую свадьбу сыграла молодая образцово-показательная пара, можно было узнать из сайтов всех мировых новостных агентств. Приглашенная Дженифер Лопес развлекала гостей, пытаясь растормошить гостей, блистающих парижскими и итальянскими туалетами. Свадьба проходила на одной из вилл Абшерона, где баль-

ная зала вместила около 300 гостей. Как выразился Беюк-ага, «Свадьба должна быть скромной, нечего людям в глаза пыль пускать, и так все обзавидовались». Гламурных фотографов попросили не беспокоиться. Съемку запретили. Однако снимки со свадьбы волшебным образом попали в прессу и были моментально растиражированы в интернете. Злые языки утверждали, что это дело рук Мамеда, не упустившего возможности подзаработать. Красавица Диана не возражала против такой рекламы. Молодой муж Эльмар согласился с женой. «Бесплатная реклама моему строительному бизнесу и Дианиной защите зверушек». Семейная жизнь красавицы Дианы началась безоблачно, а вот дальнейшая ее судьба – это совсем другая история...

Загадка кольца

Женщина, вышедшая на прогулку, с удовольствием вдыхала пахнущий весной воздух, обращала внимание на самые, казалось бы, незначительные признаки пробуждающейся природы. Кошки, не столь многочисленные зимой, выползали на солнышко, подставляли свои бока горячим лучам солнца и с удовольствием мурлыкали. «Я совсем как эти кошки, – проговорила про себя женщина, – ну, может быть, немного кокетливее. Мне хочется украсить себя. Конечно, никакое украшение не поможет мне стать моложе, привлекательнее, но настроение поднять может». Анна, так звали женщину, подняла руку и полюбовалась сверкающим кольцом на безымянном пальце левой руки. Тонкая резная оправа из черненого серебра изящно окаймляла большой камень, имитирующий алмаз. На весеннем солнце камень сверкал особенно ярко, разбрасывая разноцветные лучи. Когда женщина подносила кольцо к лицу, лицо освещалось и становилось необыкновенно привлекательным. Анна любила изящные вещи, но так сложилась жизнь, что она нечасто могла себя порадовать действительно стоящей вещью. Вот и это кольцо она купила за смешную цену, пять фунтов, на улице, по которой ходила каждый день на работу, у уличной торговки всяkim барахлом.

День выдался солнечным. Весна потихоньку забирала у зимы власть. Получалось с трудом. Только начинали набухать первые почки, и птички, почувствовав весенний ветерок, распевались по-новому, радостно, прибавляя к обычному своему мотивчику новые трели, как зима, словно стараясь доказать глупым певчим, да и людям, снявшим зимнюю одежду, что все не так легко и просто, как они себе представляют, переходила в наступление. Власть отдавать – целая наука. Порой тяжелая, даже трагическая. По этой причине после нескольких весенних, радостных, полных надежд дней вновь возвращалась старая хозяйка-зима, начинал завывать по-волчьи ветер, свинцовые тучи закрывали небосвод, птички умолкали. Но всему в природе приходит конец. Иногда такая ситуация очень трагична, а иногда наоборот. Зима удалилась, и красавица Весна вступила в свои права.

Где и кем только Анна не работала! В то время, когда она ходила по улице, где ей повезло купить кольцо, она работала сиделкой у одной старой леди. Величественная старуха никогда не забывала о своем знатном происхождении, о том, что ее предки владели большими кофейными плантациями в Ост-Индии, и там уж, поверьте на слово, все рабы и слуги ходили по струнке и ни о каких вольностях сегодняшнего дня не могло быть и речи. По тому, как она рассказывала Анне изо дня в день одно и то же – о послушных рабах, строгих хозяевах и огромных владениях – напрашивался один очевидный вывод: старуха тосковала по тем порядкам и изо всех сил старалась установить те же правила у себя в доме. Кроме Анны, ухаживающей за Дороти, так звали старую женщину, в доме еще работала кухарка, молодой человек, почти мальчик, на посыпках и приходящая два раза в неделю уборщица. Все они безропотно терпели despoticеский характер Дороти. Анна аккуратно выполняла свои обязанности. Кормила, купала, причесывала, развлекала старую женщину. Ни разу за

все время службы (так Анна называла про себя свою работу) она не услышала ни одного доброго слова. Анна не могла оставить службу. Ей нужно было помогать сестре, оставшейся одной с двумя малолетними детьми. Анна так и не вышла замуж и не жалела об этом, глядя на свою замученную сестру.

День Анны был расписан по минутам. Единственное время, когда она могла позволить себе поглядеть по сторонам и порадоваться редко выглядывающему из-за туч солнышку – дорога до Дороти и обратно. Старая женщина не упускала ни одной возможности, чтобы напомнить Анне, какая она неумеха, глупая, некрасивая, ни на что не годная женщина, и лишь благодаря великой милости, состраданию и человеческому колючию ее, Дороти, Анна работает и получает большое жалованье. На самом деле жалованья хватало лишь на самое необходимое, на то, чтобы как-то свести концы с концами и немного помочь сестре. Говорить об этом Дороти – пустое занятие. Анна даже не мечтала что-то изменить. И зачем? В один из таких же, как сегодня, весенних дней, только несколько лет тому назад, когда Дороти была еще жива, Анна и набрала на кольцо. Торговка, увидев неподдельный интерес женщины, стала расхваливать свой товар. Конечно, ей не пришло в голову сказать, что камень настоящий. Большой, чуть мутный, но несмотря на это, сверкающий камень, имитирующий алмаз. Ее сочли бы ненормальной. Но уж как не расхвалить старинную оправу из черненого серебра! Торговка не распространялась, где она взяла товар, да никто и не спрашивал. Мало ли бедняков несут ростовщикам и торговцам скарб из дома и украшения, оставшиеся с лучших времен. Анна спросила цену, не стала торговаться, цена и в самом деле оказалось небольшой даже для Анны. Она тут же наступила на безымянный палец левой руки кольцо. Оно засверкало, словно благодарило новую владелицу. Настроение Анны заметно улучшилось. Даже Дороти заметила, что Анна улыбается без повода, как будто думает о чем-то приятном. Старая женщина заметила кольцо, хотя в последнее время жаловалась на зрение. Его невозможно было не заметить. Попросила Анну снять кольцо с пальца и дать ей, чтобы она могла получше рассмотреть его. Обычно послушная Анна на этот раз отказалась хозяйке, не стала снимать украшение. Дороти от неожиданности даже не закричала, как обычно она делала по малейшему поводу. Она с удивлением посмотрела на Анну и покачала головой.

«Это подарок любимого?» – в голосе старой женщины прозвучал сарказм, словно невозможно было предположить, что у Анны может быть любимый мужчина. «Да!», – ответила Анна, выпрямившись. «У него плохой вкус, милочка. Такой грубый камень может быть только подделкой. Вот у моей прабабушки был алмаз приблизительно такого же размера, но это был настоящий алмаз, а не стекляшка, как твой камень!» Анна промолчала, лишь ульбнулась.

Дороти, не дождавшись комментария Анны, продолжила свой рассказ. Уж очень хотелось ей рассказать о былом величии своих предков.

– Моя прабабка – очень красивая женщина, жена британского аристократа, сделавшего свое состояние в Британской Индии. Ты, наверное, не знаешь, что Индия являлась британской колонией! Мой предок выиграл в карты у местного раджи, это такой местный царек, объясняю тебе, ты ведь ничего не знаешь, так вот, он выиграл редкой красоты и величины алмаз. Сам раджа утверждал, что он из Голконды, первого мусульманского государства на юге Индии. Знаменитые алмазные копи Голконды, где были добыты такие алмазы, как Шах, Кохинор. Может, ты все-таки слышала о них? Что ты молчишь? Ты меня расстроила своим дурацким кольцом. Скажи, где ты его раздобыла? Или я уволю тебя! Слышишь?

Высокий голос Дороти сорвался на визг. Она не могла справиться с волнением, внезапно охватившем ее. Анна никак не могла понять, почему дешевая подделка, простое кольцо, которое невозможно сравнить ни с одним, самым мелким алмазом, вызвало такое волнение у старой женщины.

Анна не стала ничего говорить. Она повернулась и молча вышла из комнаты. Весь день Дороти маялась. Не знала, как ей добраться до кольца Анны. Давно ей ничего не хотелось. С возрастом все желания словно стираются от времени. Блекнут, совсем как старые фотографии. Не остается неистовства молодости, когда, казалось бы, на все способна, лишь бы получить желаемое. И вдруг такая перемена, она словно помолодела. Ей страстно захотелось надеть на палец кольцо Анны. Она стала вспоминать о том, как в молодости для того, чтобы достичь своей цели, она могла разыграть целый спектакль. Однажды, чтобы отбить кавалера у своей ближайшей подруги, Дороти заманила его к себе, пообещав показать редкую марку, молодой человек был заядлым филателистом, и одновременно позвала свою подругу на кофе, правда, часом позже. Нетрудно представить реакцию подруги. Конечно, Дороти стала неловко оправдываться, что тоже входило в постановку. Никакие объяснения кавалера девушки не принесли, она потеряла сразу и подругу, и кавалера. Дороти недолго праздновала победу, молодой человек не захотел иметь ничего общего с ней. Сейчас ей захотелось придумать что-нибудь чрезвычайное, что могло позволить ей не только рассмотреть, но и завладеть кольцом Анны. В очередной раз, когда Анна расчесывала ее, старая женщина вдруг громко закричала:

— Ах! Какая ты неловкая, Анна! Ты царапаешь меня своим дурацким кольцом. Снимай его, когда причесываешь меня. Или я прогоню тебя, ты мне всю голову расцарапаешь своей побрякушкой!

Анна не ответила, хотя могла сказать, что Дороти неправа. Анна всегда очень аккуратно расчесывала длинные, тонкие седые волосы, распутывая запутавшиеся пряди. Затем она собирала их в традиционный пучок, стараясь, чтобы не видно было проплешины. Благодаря умелым рукам помощницы Дороти всегда выглядела ухоженной. И вот теперь старая ведьма нашла еще один повод для того, чтобы испортить ей настроение. Характер у старой женщины становился хуже с каждым днем. Внимательный врач, наверное, диагностировал бы старческую деменцию. Так красиво стали называть то, что раньше определяли проще: старческий маразм. Но только Анне не становилось от этого легче. Она все равно считала, что у Дороти неплохая память, особенно там, где шла речь о прошлом. Вот только характер становился с каждым днем невыносимее. Как-то она достала старинный альбом, бархатный, с серебряными уголками, позвала Анну, чтобы та тоже могла полюбоваться ее великими предками. С выцветших фотографий смотрели нарядные люди, одетые по моде прошлого века, в жеманных позах. На одном снимке вполоборота позировала молодая женщина, опирающаяся на спинку высокого кресла, в котором сидел мужчина в кавалерийских сапогах. Мужчина улыбался, подкручивая длинный ус. Глядя на снимок, Дороти ожила:

— Посмотри внимательно на руку моей прапрабабки! Видишь, кольцо! Посмотри на него!

После окрика Дороти Анна обратила внимание на тонкую, нежную руку, свисавшую со спинки кресла. На безымянном пальце левой руки красовался перстень с большим камнем в старинной оправе. На старой выцветшей фотографии сложно было определить металл оправы и цвет камня. Однако сходства колец нельзя было не заметить. Дороти внимательнееглядывалась в фото, в лицо женщины, ее силуэт, тонкую руку, безвольно свисавшую с кресла. Переведя взгляд на Анну, она задохнулась. Казалось, она потеряла дар речи. Женщина испугалась:

— Что с вами? Вам плохо, Дороти? Может, позвать врача?

Старуха не отвечала, жестом показала на фотографию и на Анну. Наконец обрела дар речи:

— Посмотри внимательно, говорю тебе! — голос скрипел, Дороти задыхалась. — Ты не видишь, что похожа на нее?! Посмотри! Это невероятно! Конечно, она здесь совсем молодая, но все равно, такие же голубые глаза, вздернутый нос, безвольный

рот, как у тебя. И рука такая же, слабая.

Старая женщина тут же пожалела о сказанном. Она невольно призналась в том, что ее служанка, простушка и неумеха похожа на ее знаменитую прарабабку, которой она так гордится. Объяснения этому не было и быть не могло. Представить себе, что Анна невероятным образом связана кровными узами с ней, Дороти, все равно, что согласиться с тем, что первый встречный может претендовать на родство с английской королевой. Нет, сходство Анны с ее родственницей ничего не доказывает.

Дороти редко выходила из дома, но воскресную службу не пропускала. Священник в церкви Святого Магнуса-мученика, расположенной в Сити, когда-то давно, еще во времена ее молодости, очаровал ее своим красноречием. К счастью, священник обладал хорошим здоровьем, видимо, ниспосланным Господом за его прекрасную службу и добронравие. Дороти жила довольно далеко от церкви, но старалась не пропускать воскресной службы, как добрая христианка, в надежде, что на небесах ей зачтется похвальное усердие. В очередное воскресенье, кряхтя и охая, еще больше ворча, чем обычно, она собиралась в церковь. Каждый выход Дороти на люди превращался в событие, и ее желание выглядеть как можно лучше создавало для Анны множество проблем. Дороти никак не могла определиться ни с нарядом, ни с прической, ни с украшениями. Часа два уходило на все приготовления. Случалось, что уже одевшись и примирившись со своим внешним обликом, она падала в кресло, начинала истошно кричать и требовать новых нарядов. Вынести подобное поведение могла лишь Анна, раз и навсегда решившая, что старушка – ее крест, доверенный ей свыше.

Служба началась, когда Дороти с Анной вошли в старинную церковь, блиставшую белыми ионическими колоннами. Убранство старинной церкви не столь роскошно, как в католических соборах. Большой орган XVIII века – главное украшение и гордость церкви. Это нравится многим прихожанам, уверяющим, что излишняя роскошь отвлекает от Бога. Когда священник поднялся на кафедру и объявил тему своей проповеди, все замерли. «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Идея проповеди витала в воздухе. Войны на Ближнем Востоке, в Индии, стали причиной большого притока мигрантов. Люди другой культуры и веры вызывали зачастую неприязнь. Священник начал проповедь, заглядывая в свои записи. Он готовился к ней. То, что он читал в ежедневной прессе, вызывало у него всплеск эмоций. Он долго мучился, прежде чем решил сделать проповедь на эту тему. Ежедневно встречаая на своем пути людей с уставшими, какими-то серыми лицами, в потертой одежде, потухшим взглядом, женщин, закутанных в черные чадры, он страдал, не умея помочь им. Не всегда эти встречи вызывали у него сострадание. Иногда поведение чужаков провоцировало возмущение прохожих, и даже его, терпеливого, много повидавшего на своем веку священника. Промучившись неделю над текстом, колеблясь, стоит ли выносить на публику сомнительный текст, продукт его сумбурных мыслей, он все же решился. Если его так волнует эта тема, то, вероятно, и его прихожане размышляют над этим. Конечно, он не модный блогер, способный воодушевить многочисленную аудиторию парадоксальными заявлениями, но тем, кто приходят слушать его воскресные проповеди, возможно, будет интересно услышать его мнение. Начал он свою проповедь риторическим провокационным вопросом: «Представьте себе, что Великобритания, наша великая страна, пришла в страшный упадок, как когда-то Византия, и ее граждане, гонимые нуждой, рассеялись по разным странам подобно осенним пожухлым листьям под ветром. Как бы к ним, этим несчастным, отнеслись люди этих стран?» После проповеди прихожане подходили к священнику, чтобы поблагодарить его. Самой последней к нему подошла Дороти. В глазах у нее стояли слезы. Она трясла его руку, что-то невнятно бормотала. По всему ее облику было заметно, что она очень взволнована.

Придя домой, Дороти слегла. Она словно вконец исчерпала все свои жизненные ресурсы. Ей не хотелось больше вставать, разговаривать, жить. В предпоследний день своей жизни Дороти знаком подозвала к себе Анну. Усадила на свою постель, что было неслыханно. Прерывающимся голосом рассказала ей то, чего никому до того не рассказывала – историю жизни ее прабабки после возвращения на родину. Она прерывала свой рассказ каждые пять минут, чтобы отдохнуть. Анна в первый и последний раз увидела Дороти такой, какой она могла стать, но не стала – понимающей, любящей и доброй.

Так что же случилось с ее знаменитой прабабкой? Она разошлась с мужем, оставившим ее без гроша. У супругов было двое детей. Мальчик и девочка. Мальчика забрал муж, а дочь осталась с женой. Почему пара рассталась? Семейная тайна, спрятанная за семью печатями. Женщина с дочерью вернулась в Лондон. Заработать на жизнь оказалось непросто для изнеженной аристократки. Она попробовала себя в разных ипостасях. Поработала моделью, актрисой второсортных театров; постарев и растеряв былую привлекательность, устроилась билетершей в тот же театр, где раньше играла. Выбраться из нужды у нее не получилось. Из всего былого великолепия у нее оставался перстень с бриллиантом. Выросшая в нужде, ее дочь пристрастилась к спиртному, родила девочку от неизвестного бродяги, которую забрали в монахини. Где она, эта девочка? Никто не знает, монахини умеют хранить тайну. Анна не могла поверить своим ушам. Столько рассказов о легендарной прабабке и такой ужасный конец.

Под конец своей тяжелой исповеди Дороти сказала:

– Я знаю, что ты воспитывалась в приемной семье и твоя сестра тебе неродная. Я все выяснила о тебе, когда брала тебя на службу. Я умираю и хочу тебе признаться. Я уверена, что ты из нашей семьи. Ты связана кровными узами с моей прабабкой, а значит, и со мной. Мне повезло, я родилась в семье, сохранившей достаток. Мой прадед успешно вел свои дела, и моему отцу досталось значительное наследство. А вот несчастной дочери, уехавшей с матерью в Лондон, и ее потомкам не повезло. Когда я посмотрела на фото, у меня не осталось сомнений. Небо распорядилось вместо меня. Отнеси кольцо ювелиру. Я думаю, что моя прабабка послала тебе его...

Дороти молчала, слезы лились из глаз. Через день она тихо ушла. После того, как адвокат огласил завещание бездетной Дороти, у всех присутствующих в глазах читался вопрос: почему? Почему она оставила свое солидное наследство церкви Святого Магнуса? К последней воле была приложена небольшая записка, сделанная нестервой рукой самой Дороти. «Священник церкви вернул мне мою душу....»

Анна долго размышляла над тем, что поведала ей Дороти. Она не могло поверить в правдивость услышанного. Правда, она украла из альбома фото прабабки Дороти. Это была ее первая и, вероятно, последняя кража. По совету своей умершей хозяйки она сходила к ювелиру. К ее изумлению, поддельный камень оказался настоящим бриллиантом из Голконды.

АЗЕР ЭФЕНДИ

ТАМЛЕЙН

Баллада в кельтско-шотландском стиле

Кладбищенские псы о смерти знают всё,
Поэтому и воют так протяжно,
Когда луны слепое колесо
Тревожит плиты и цветы бумажные...
И призраки являются извне,
Их контуры мерцают в лунном свете,
И завывают с парами наравне,
В прах возвращаясь только на рассвете.
Река течёт, минуя сей пустырь,
Стальною стрункой разделив долину,
И если ступит в воду ту упырь,
То превратится в слякоть, грязь и глину...
По сю же сторону лес Картергафский был,
В нём духи-рыцари и королева эльфов
Охотой резвою разгорячали пыл,
Не замечая крест старинный кельтов...
А на горе, над лесом, как скала,
Суровый, крепкий замок возвышался,
В нём дочка графа Марчского жила,
Но выход в лес ей строго запрещался.
В высокой башне все шестнадцать лет
С рождения жила прекрасная Джанет.
Жила, не зная скуки и забот,
Подружки-фрейлины водили хоровод
Вокруг неё, и джигу танцевали,
В другое время шёлком вышивали,
Натягивая туго-туго пяльцы,
И над шитьём витали ловкие их пальцы.
И как-то, украшая свой наряд –
Тончайший шлейф британских мотыльков –
Джанет иголку выронила в сад,
И следом шлейф вспорхнул, и был таков:
С балкона облачком поднялся до небес,
И улетел он в Картергафский лес...
Девицы ринулись весёлою гурьбой
Вниз по ступенькам лестницы витой,
Оказавшиеся бесконечно рады
Поболее любой другой награды!
В цветах, в траве искали – разбрелись...
Иголку трудно отыскать – хоть расшибись!
И ускользнула от подруг Джанет,
И не заметили, что рядом её нет.

Меж тем беглянка тайною тропой
Мост обошла, где тёмный ров с водой...
Остался отчий замок позади...
Свобода расплескалася в груди!
И кругом голова, как будто крепкий эль
Затеял радости хмельную карусель!
А резвы ножки уводили вдаль,
Где Картергафский лес струил печаль.
Под сенью старых вязов и дубов,
Как в храме стрельчатом, несла себя Джанет,
В лесу сам воздух был и тёмен, и суров...
И вдруг – поляна! И удариł свет!
И вспыхнула улыбка на устах,
И испарился мимолётный страх...
И видит дева куст нездешних роз,
Как будто Мерлин их из снов своих принёс.
Джанет была не в силах устоять,
И стала розу белую срывать!
Но дрогнула рука в ответ на крик:
«Не смей губить природы дивный лик!»
И спрыгнул рыцарь ловко и легко
С коня, что был белей, чем молоко.
И упряжь дрогнула, и бубенцы на ней,
И россыпь драгоценнейших камней...
«Как ты посмела в лес войти, Джанет?!
Без разрешенья моего...» «А вот и нет!
И лес не твой, и где я захочу,
Тропинки в этих кущах протопчу!»
И, дерзко глядя рыцарю в глаза,
Вколола чудо-розу в волоса!
И говорит: «Ты рыцарь или эльф?..»
Он молча протянул ей белый шлейф,
Тончайший шлейф британских мотыльков
В узорах золотом расшитых лепестков,
И говорит: «Прекрасная Джанет,
Тебе в подлунном мире равных нет!
Знай, я готов с минуты этой впредь
Служить тебе, а скажешь – умереть!»
И заструилась музыка с небес,
И закружился Картергафский лес...
И вот уж полдень! Солнышко в зенит
Уткнулось и без устали глядит,
Как юный рыцарь и прекрасная Джанет
Танцуют бесконечный менуэт.
Лишь в сумерках опомнилась Джанет,
Когда кольнул звезды лучистый свет!
И всю дорогу к замку, ей в потеху,
В ушах звучало сладостное эхо:
«Я всей душой теперь к тебе приkleен –
Твой рыцарь на века, зовут меня Тамлейн!..»
А поутру ей старый камергер
Принёс воды в серебряном тазу

И прошептал: «...дурной пример,
Миледи, навлечёт на нас грозу...
А что, как Марчский граф проведает, что вы
Вчера весь день в лесу до темноты
Кружились с эльфом!.. О, помилуй Бог!
Неужто эльф приворожить вас смог?!»
«Что ты лопочешь: бредни, глупость, чушь!
Молчи, и тайну нашу часом не наруши!»
Мой рыцарь нежный – юноша земной!» –
Воскликнула Джанет, но взгляд её слезой
Блеснул алмазной – дрогнула душа...
Сомненья вкрались, душу вороша!..
И содрогаясь мыслью между «да» и «нет»,
В лес Картергафский бросилась Джанет!
Не разбирая троп, бежала напрямик...
«Ну где же ты, Тамлейн?!»... и он возник
Внезапно перед ней: «О, что с тобой, Джанет?
Любимая моя, очей желанный свет!
Кровинки нет в лице, и спутаны власы,
Рассыпались по ним жемчужинки росы!..».
«Я вся измучилась, и силы нет терпеть...
Прошу тебя, на мой вопрос ответь:
Ты – верный рыцарь или лживый эльф?!»
И юноша, в глаза ей посмотрев,
Сказал: «Я рыцарь, женщиной рождён,
Но королевой эльфов жить приворожён
У ней в пажах, и ночью я узнал,
Что нынче мой последний день настал!..»
«Тамлейн, о боже! что ты говоришь?!»
«Джанет, любимая моя, ты вся дрожишь!..»
«Нет, расскажи, что ждёт тебя, молю!..»
«Назавтра эльфы дань вручают королю
Свирепых троллей – он в один присест
Меня в своей пещере тут же съест!»
И градом слёзы пролила Джанет...
«Я о тебе мечтала много лет...
И нас не разлучить теперь! Поверь,
Не страшен мне ни тролль, ни лютый зверь!»
Тамлейн в объятьях крепких скжал Джанет
И тихо прошептал в ответ:
«Сегодня в полночь решится всё,
В твоих руках судьбы колесо...
Приди на развилку лесных дорог,
Где кельтский крест водрузил сам Бог!
Рядом с крестом круг начерти,
Будешь стоять в нём, как взаперти!..»
И рассказал, чем может помочь
Ему – графа Марчского смелая дочь.
«Но как же узнать мне, где чья узда,
Когда эльфов-рыцарей череда
Проскачет в доспехах передо мной?..»
«На шлеме моём ярко блещет звезда!

Звезда – это знак, что я рыцарь земной...», –
Сказал и исчез, как луч золотой!
За горы скатилось дневное светило,
И замок затих, и тьма наступила...
Мерцают лишь факелы в мраке ночном,
И стражников латы блестят серебром...
Ничто не помеха для юной Джанет,
Подземных ходов ей известен секрет.
И вот уже ветер ей веет в лицо,
Немного найдётся таких храбрецов,
Что в лес Картерграфский готовы ступить,
И душу в чернильной ночи утопить!
Сердечко бубенчиком бъётся в груди,
Святая Мария, что ждёт впереди
Столь юную леди?! Огороды
От злобы и чар королевы Мэб!
Ах! Сколько она погубила судёб!..
Вот и развилка, и каменный крест...
Крики совы раздаются окрест!
Стрекот сверчков (будто кто-то их злит)
Темень лесную так и сверлит!
Леди Джанет начертила круг –
Слух уловил копыт перестук!..
Ёкнуло сердце – взметнулся испуг!..
А на тропе, в сетке лунных лучей,
Мелькнула Она – Услада Очей! –
Волшебница Мэб на коне вороном,
За нею вприпрыжку малюсенький гном
Нёсся, цепляясь за облачный шлейф,
И следом – всей свиты торжественный дрейф...
Сталь под луной отливалась льдом,
Рыцари по двое, чередой
Мимо Джанет гарцевали рысцой,
Кони дышали ей прямо в лицо!..
Где же Тамлейн, где же рыцарь земной?!

Вот! Этот шлем, осиянный звездой!
И на поводьях звенят бубенцы!..
Ну же, Джанет!.. И коня под уздцы
Юная леди успела схватить!
Лес содрогнулся – эльфы вопить
Принялись разом: «Похищен Тамлейн!..
Напрочь испорчен праздник Белтейн!»
Крик королевы влетел, как копьё:
«Знай я вчера, что знаю сегодня,
Я камнем бы сделала сердце твоё!
Рыцарь Тамлейн – рыцарь негодный!..»
И кавалькада умчалась прочь
Сполохом молнии в чёрную ночь!..
Крепко прижалась к Тамлейну Джанет:
«Мы спасены? или всё ещё нет?!»
«Нет, моя леди, только рассвет
С первым лучом нас избавит от бед».

«Но королева умчалась далёко,
Нам не грозит её зоркое око,
В чём же опасность – вокруг никого...»
«Месть королевы узнать нелегко!
Очень хитра королева Мэб,
Тайны её темней, чем Эреб...
Лучше в кругу переждать эту ночь,
Чары терпнем в прах истолочь»...
Конь лёг, послушный воле Тамлейна,
В ноги уткнувшись благоговейно...
Но встрепенулся и снова вскочил –
Что-то в глухой тишине различил...
Рыцарь Тамлейн огляделся вокруг –
Тихо, ни звука... и проблески вдруг!..
Между дерев, как шары золотые,
Факелы, ярким огнём налитые,
К ним приближались – рыцарь за меч!.. –
Только бы леди Джанет уберечь!..
На перекрестье дорог у креста
Вышло с дубьём человек до ста –
Сильный, лихой, мрачный народ,
Но раздались, пропуская вперёд
Всадников горстку, где юный трувер
С вымпелом лорда, за ним камергер,
Рыцари свиты и, наконец,
Выехал гордо граф Марчский...
– Отец!
Леди Джанет метнулась к нему...
– Дочь моя, горлинка, дай обниму!
И не успел!.. тихо вскрикнула дочь,
Уши заткнула, но было невмочь!..
Свист всех сверчков свился в тонкий шип!
Ушко Джанет он насквозь прошиб,
В голову впился, и пала Джанет –
Юная леди во цвете лет!
Звёзды, как слёзы, текли с небес...
Ветер Шварцвальда ворвался в лес!
Ветер Шварцвальда выхрипывал весть:
«Месть, месть, месть, месть!.. –
Таков ответ королевы Мэб! –
Бедный Тамлейн, ты умом ослеп!
Мою любовь и славу в веках
Ты променял на бренный прах!..
Хей! Джанет! Где ты, Джанет?
Слышишь, Тамлейн? Ответа нет!..
Плачь над судьбой своей до седин,
С горем навеки один на один!..
Знай, что ни тролль, и никто иной
Тебя бы не отнял – ты был только мой!..»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОМУ КРАЮ

АГАДДИН БАБАЕВ БАСТИОНЫ С ЖЕНСКИМИ ИМЕНАМИ

Уникален архитектурный облик Гыз галасы (Девичьей башни) в Баку. Являясь оборонительным сооружением, возведенным более десяти лет назад у самого берега Хазара, она прекрасно вписана в рельеф местности. Ее каменный остов составляет удивительную гармонию с массивными зубчатыми стенами с нишами, которыми обнесен Ичери шехэр (Внутренний город) – древняя крепостная часть столицы Страны огней.

По меркам двух последних столетий застройки Баку эта башня не так уж и высока – всего 23 метра. Но и по соседству с вознесшимся бровень с ней в начале XX века зданием вертикальных композиционных решений в ложно-византийском стиле она продолжает производить впечатление незыблемой величавости.

Но так ли уникально название этого величественного сооружения?

Как свидетельствуют поиски специалистов по топонимике, только на территории Азербайджана насчитывается 15 одноименных башен. Они выявлены в Мараге, Зангелане, Губе, Шамахе, Шеки, Габале, Исмаиллы, Лерике, Огузе, Кяльбаджаре и других древних населенных пунктах. Об их возрасте можно судить по тому, что Гыз галасы, например, на территории Гядабейского района на четыре столетия старше своей бакинской сестры, а Джавалей шам (дословный перевод – Девичий вечер), чудом сохранившийся памятник в селе Гочулу (Борчалы), – на один-два века.

Тезка бакинской Гыз галасы была возведена в XII–XIV веках и в отрогах горы Дарыдаг, в четырёх километрах от знаменитого Худаферинского моста над рекой Араз. Еще одна башня под таким названием была построена в Талышских горах, на территории Лянкяранского района. Любопытно, что более известна возведенная над ней внутренняя крепость под другим названием – Нарынгала (этимология, возможно, от слова «нарын» – мелкая, малая). Высота каждой из них – 15 метров. У входа в первую цитадель – большая каменная пещера, а на отвесной стороне горы сохранились наблюдательные пункты. Защитники крепости длительное время могли держать здесь оборону – не каждому взобраться на крутую вершину.

Есть в этой крепости бассейн, который наполовину заполнен водой. Ее сюда подавали по фаянсовым трубам из другой цитадели, расположенной выше, – Оглан галасы (Молодецкая крепость). Еще одна достопримечательность – ведущий сюда от Дарыдага водоканал, выложенный камнем.

Несомненно, должны быть одноименные крепости и в Южном Азербайджане. Достаточно сказать, что неподалеку от города Хой есть село под названием Гызгала. А всего на Востоке известно около 40 тезок бакинской Гыз галасы.

Смысл столь распространенного на Востоке названия оборонительных сооружений, видимо, заключается в том, что они должны были быть девственно неприступными. Об этом свидетельствует и сюжет предания о Гыз галасы в Баку. Его героиня предпочла смерть лишению девичьей чести и бросилась с башни в морскую пучину.

Гыз галасы – довольно широко известный топоним в Азербайджане благодаря, прежде всего, тому, что такое название несет историческая башня, что высится в древнем центре столичного города страны. Однако можно сказать, что куда меньше нам знаком другой топоним, очевидно, аналогичный по назначению: Оглан галасы, подобная синонимия в названиях функционально идентичных древних сооружений на

территории нашей республики наводит на определенные предположения.

Как можно заключить по сюжетам эпоса «Деде Горгуд», да и более позднего, «Кероглу», собственно, и по ряду произведений великого Низами и других поэтов Страны огней, азербайджанки с древнейших времен пользовались равноправием с мужчинами. Если вспомнить описанные в названных литературных источниках поединки женщин с мужчинами-богатырями, их состязания с ними не только в силе, но и в ловком владении мечом, то речь тут, видимо, должна идти не просто о равных правах, а намного больше – о принципиальном равенстве представительниц прекрасного пола с мужчинами. Значит, в Азербайджане не было такого понятия, как «слабый пол».

Ясно, что близко соседствующие в Талышских горах Оглан галасы и Гыз галасы служили одной и той же цели – защите от вражеских нашествий. Однако по большей комфортабельности, по обнаруженным осколкам глиняной посуды и другими сохранившимся во второй крепости свидетельствам следовало бы признать, что здесь были сосредоточены именно женщины. Защитницы крепости одновременно вели и хозяйство, что называется, поддерживали огонь в домашнем очаге. Не исключено, что отсюда и название – Гыз галасы, в отличие от Оглан галасы – крепостей сугубо оборонительного назначения.

Оглан галасы встречаются также и в некоторых других регионах нашей республики. Любопытно, что тоже поблизости от крепостей с «женским» названием. Так, памятники обоих названий сохранились на Гаратапа (Черный холм) в Шарурском районе.

После всего сказанного мы под новым углом зрения можем оценить исторические свидетельства о тезке бакинской башни в Лерикском районе. Но прежде следует все же сказать о том, что название «Гыз галасы» неверно переведено на русский, как «Девичья башня». Гала – это крепость или замок, а башня – кюлле (в отличие от гюлле – пуля).

Необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство. Во многих преданиях, передаваемых в народе из поколения в поколение, упоминается, что «хозяйкой» лерикской Гыз галасы являлась некая Пери ханым. Хозяйка – значит, защитница.

Покойный журналист-исследователь Гюльмамед Мамедзаде писал: «Главнокомандующий иранской армией Аббас Мирза во время нападения на Азербайджан придавал большое значение взятию Девичьей башни в Лерике».

Более конкретен видный азербайджанский историк и просветитель XIX века Аббасгулу ага Бакиханов. В своем знаменитом произведении «Гюлистан-и-Ирам» он приводит следующие свидетельства: «Эмир Гаджар с пехотой и артиллерией двинулся в Аскеран, Зуванд (так назывался Лерик до 1938 года), Астару, чтобы наказать талышского Мир-Мустафу хана».

Но иранская армия потерпела поражение и вынуждена была отступить. Огромную роль в сражении сыграли защитники лерикской башни.

Известный археолог, доктор исторических наук Рашид Геюшев неоднократно поднимался на вершину, исследовал историю крепости-памятника.

История каждой крепости со временем обрастает легендами, которые передаются из поколения в поколение. С точки зрения материальной культуры они очень ценные. Современники должны не только беречь их, но и исследовать историю, сокрыть для потомков. Потому что памятники – это наша история. А историю необходимо защищать, пропагандировать и увековечивать.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 год

НАСИМИ – 650

Иванов Сергей. Имадеддин Насими. Отрывок из поэмы. №5

Сальман Михаил. Стихи. №5

Удалых Галина. «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмешусь...» №5

Шафиев Марат. «Я в смерти канул без следа...» №5

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ – 95

Агасиев Надир. Москвич из Чемберекенда. №2

Зайцев Вячеслав. Стихи. № 2

Мамедзаде Сиявуш. Один из «сороковых, пороховых»... №2

Шафиев Марат. Памяти В.П. Зайцева. №2

ПРОЗА

Абдулрахманлы Нариман. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №6

Абрамов Ефим. Ноктюрн. Рассказ для кино. №10

Абрамов Ефим. Лейла Бегим. Созвездие Гончих Псов. Мелодрама. №12

Агамамедова Гюлюш. Бизнес-леди. Загадка кольца. Новеллы. №12

Алигызы Зейнаб. Рассказы. Пер. Сайдова А. №7

Али Таир. Мирза Халил и смерть. Повесть. №7

Андреева Елена. Миниатюры. №3

Айдан. Притчи. №4

Багирова Ляман. Рассказы. №6

Башкечид Этимад. Велосипед. Рассказ. Пер. Сулеймановой С. №10

Бегим Лейла. Ход конем. Пьеса. №4; Выстрел. Юмореска. №5; Миниатюры. №11

Бен Джеллун Тахар. Главы из романа «Дитя песка». Пер. Агамамедовой Г. №7

Буньяд Яшар. Еще летят самолеты... Рассказ. №12

Гаузер Эрих. Работа роботов. Рассказ. №5

Гусейнов Ариф. Калейдоскоп времени. Рассказ. №9

Джумазаде Валентин. Ностальгические истории. №11

Елчиев Варис. Метамарфозы. Повесть. Пер. Мамедова Н. №1

Исмайлова Надежда. Рассказы. №9

Кафаров Ровшэн. Ромашки в сырой ветоши. Рассказ. №2

Мамедов Аяз. Встреча. Рассказ. №2

Мамедзаде Темур. Волонтер. Фантастический рассказ. №7

Миргасым Октай. Закон равновесия. Повесть. №5

Мирзоева Лейла. Эффект декомпрессии. №9

Мурсалова Марина. Я буду ждать тебя вечно. Рассказ. №2

Мустафа Чеменли. Трехлетний пленник. Повесть. Пер. Азизовой Э. №1

Мустафа Фируз. Двойники. Пьеса. Пер. Мамедова Н. №8

Нагиев Рашид. Остров неоплаченных долгов. Рассказ. №5

Надир Наиля. Рассказы. №8

Нининистё Саули. Рассказы. Пер. Джаяфаровой Т. №№ 5, 11

Немеровская Анна. Детские годы чудесные... Рассказ. №12

Нурү Вюсал. Ильда. Рассказ. Перевод Мамедова Н. №5

Парвин. Рассказы. Пер. Эфендиевой Н. №5

Пересада Ирина. Третий пол. Рассказ. №3

Сараева Басира. Как-то вот так или Кредитная сделка. Рассказ. №3
Смирнов Михаил. Рассказы. №8
Расулзаде Натик. Рассказы. №6; Стоявший за дверью. Рассказ. №10
Рустамли Татьяна. В поисках Силы и Красоты. №3
Сафат Ильгар. Чеховское ружье. Пьеса. №11
Фикретоглу Орхан. Изгой. Повесть. Пер. Аббасова Д. №2
Хагвердиев Марат. Легенда трех морей. Драма. №10
Чеменли Мустафа. Трехлетний пленник. Пер. Азизовой Э. №1
Чеменземинли Юсиф Везир. Студенты. Роман. Пер. Мустафазаде А. №№ 3, 4
Шафиев Марат. Сказание об отце. Маленькая повесть. №10
Щирин Геня. Рассказы. №6
Ягубов Аладдин. Яным («Муму» XXI века). Рассказ. №9

ПОЭЗИЯ

Агаев Тофик. Стихи. № 7; Ослепительный смысл звезды. Миниатюры. №8; Пожить бы
чуточек вечно. Двустишия. №11
Алиева Эльмира. Стихи. №9
Айдаева Айнель. Стихи. №8
Багирова Ляман. Стихи. №10
Верескунова Тамара. Стихи. №6
Воронина Наталья. Стихи. №7
Гладков Александр. Стихи. №5
Гюн Нуриенгиз. Стихи. Пер. Мамедова Н. №10
Грич Александр. Стихи. №12
Джафарова Таира. Из женской лирики Азербайджана. №2
Ихалайнен Юрки. Стихи. Пер.Джафаровой Т. №11
Керимли Ханали. Стихи. №12
Касумова Елизавета. Стихи. №1; Ходжалы. №2; Памяти Ровшэна Кафарова. №3; На-
сими. Стихи. №4, Стихи. №№6, 9.
Литовченко Алина. Стихи. №10
Ловкова Инесса. Стихи. №3
Мамедзаде Сиявуш. Стихи. №4
Мамедов Юрий. Стихи. №10
Мир-Касым Октай. Антибрахий. Квазипоэма. № 8
Насими. Стихи. Пер. С.Северцева, С. Иванова. №4
Рафиггызы Афаг. Сонеты. №11
С. Стихи. №9
Салаев Генадий. Размышления. №3
Сафаров Гусейн. Стихи. №5
Севгин Даянтур. Стихи. Пер. Мамедова Н. №7
Субхи Саида. Стихи. №7
Сулейманлы Солмаз. Стихи. №3
Таисоглы Таир. Стихи. Пер. И. Тарасевича, Д. Цесельчука. №2
Талыбова Алина. Хокку. №6
Харитонова Т. Стихи. №1
Шаулов Сергей. Стихи. №4
Шафиев Марат. Стихи. №№ 4, 9. Подражание Руми. №12
Хатунцев Николай. Стихи. №10
Эйвазлы Гюнель. Стихи. Пер. Мамедова Н. №11
Эфенди Азер. Стихи. №5. Тамлейн. Баллада. №12

ПУБЛИЦИСТИКА

- Алиева Эльмира.** Азербайджан – страна мультикультурализма. №7
- Агамамедова Гюлюш.** Беспредел. №1; Личный контроль. №5
- Адыгезалов Гусейн.** Азербайджанский поэт-мыслитель мирового масштаба. №4; Поэт, чутко относящийся к слову. №12
- Анар.** Жизни, что шире книг. Пер. Мамедова Н. №3
- Ахундова Эльмира.** Портрет в позитиве. №3; Полвека в пути. №6; Поборник чести. №7
- Ахундова Алла.** Азер – сын своей страны Азербайджана. №5
- Бабаев Агаддин.** Музей, не имеющий аналогов в мире. №6; Бастионы с женскими именами. №12
- Багирова Ляман.** Свобода быть собой. №1; Визит к ускользающему. Эссе. №9
- Беженару Людмила.** Многогранность творчества Камала Абдуллы в контексте мировой литературы. №8
- Габиббейли Иса.** Вечный могиканин литературы. №2; Мир статусов и смс Рашида Меджида. №11
- Гулиев Вилаят.** Мирза и Эмирзаде. Пер. Ханлара. №2; Халил Мусаев – художник «Моллы Насреддина». №10
- Гусейнов Чингиз.** Размышления в связи с собственным девяностолетием. №4; Прошлое стучится в настоящее. №12
- Джафарова Таира.** Лирика азербайджанский поэтесс зазвучала по-фински. №7; Аллочка. Эссе. №9
- Ибрагимов Мирза.** Четыре письма к Чингизу Гусейнову. №12
- Загидуллина Дания.** Властитель судьбы и любимец Ее величества Науки. №11
- Исмайлова Надежда.** Ода поэту. №9
- Касумова Елизавета.** «Технарь» по профессии, лирик по призванию. №3; Поэт, писатель, драматург (Памяти Абдуллы Шаига). №12
- Кямал Рустам.** Путешествие в Тебриз с Мирзой Ибрагимовым. Пер. Мамедова Н. №10
- Мамедзаде Сиявуш.** Слово прощания. №2
- Мамедов Ниджат.** Субъективные заметки любителя horror. №4
- Мамедов Юрий.** Итальянские этюды. №6
- Манафов Ширин.** Как война создает новое качество. №1; Домашнее насилие: позиция врачей и юристов. №7; Очерки. №11
- Меликов Ибрагим.** Философский смысл творчества Насими. №6
- Половец Александр.** Три ипостаси Александра Грича. №12
- Рустамзаде Айтан.** Художественный психологизм в произведениях Нодара Домбадзе. №7; Яркая страница в истории азербайджанской литературы. №10
- Султанова Гюльтекин.** Медицинские заметки литератора. №8
- Фейзуллаева Аида.** Страницы жизни Бальзака или немеркнущая слава титана. №10
- Хакимов Александр.** Трансляция? Мораль без морализаторства. №5; Travelers – notebook с обложкой из человеческой кожи. №8; Человек на картинках. №11
- Шаулов Сергей.** Автобиография. №4
- Шафиев Марат.** На его могилу не приносят цветов. №10

